ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

9 том

2 номер

2011

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

Журнал издается с 2003 г., выходит 4 раза в год. Подписной индекс 81958

До 2009 г. — Экономический вестник Ростовского государственного университета

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель:
Южный федеральный университет

Редакционная коллегия:
Главный редактор
Мамедов О.Ю., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,
Вольчик В.В. (зам. главного редактора), доктор экономических наук, профессор,
Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор ,
Овчинников В.Н., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор.

Редакционный совет:
Овчинников В.Н. (председатель редакционного совета), Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,
Белокрылова О.С., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,
Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,
Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор,
Белоусов В.М., доктор экономических наук, профессор,
Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор,
Бортник Е.М., кандидат экономических наук, профессор,
Германова О.Е., доктор экономических наук, профессор,
Кетова Н.П., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,
Кольвах О.И., доктор экономических наук, профессор,
Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор,
Мамедов О.Ю., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,
Наймушин В.Г., доктор экономических наук, профессор,
Солдатова И.Ю., доктор экономических наук, профессор,
Чернышев М.А., доктор экономических наук, профессор,
Юрков А.М., кандидат экономических наук, профессор.

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105.
тел.: (863) 2653-158, 2648-466
факс: 2645-255, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
тел.: (863) 240 96-27
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

«СЛОВО РЕДАКТОРА»
Мамедов О.Ю. «10 мин замедленного действия», или переживёт ли российская экономика свою модернизацию? 5

«СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»
Барсукова С.Ю. Рынок продовольствия в идеологических координатах....9
Вольчик В.В. Институты, экономическая координация и неявное знание....17
Мамедов О.Ю. Экономические последствия нанотехнологической революции? 23

«ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»
Элли Ричард Т. Земельная собственность как экономическая концепция и область исследований....29

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ»
Ерохина О.В., Токунова Г.Ф. Реализация концессионной политики в строительной отрасли России в 20-30 годы XX века....39

«ВОЗРОЖДАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ»
Макаренко В.П. Идея и концепт национальной самокритики....46
Тихонова Н.Е. Особенности нормативно-ценностной системы российского общества через призму теории модернизации....60
Кончанин Т.Л. Великая миссия социогуманитарного образования....86

«ОТКРЫТАЯ АУДИТОРИЯ»
Нуреев Р.М. Античное общество — первый опыт экономической и политической демократии....98
Розанова Н.М. Инновационные методы в преподавании микроэкономики....124

«ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ»
Об учреждении «Международной политэкономической ассоциации»....134
Информационное сообщение о создании «Международной политэкономической ассоциации»....135
Положение о «Международной политэкономической ассоциации»....136
Состав центрального совета секции «Международной политэкономической ассоциации»....138
Обращение к членам центрального совета и членам «Международной политэкономической ассоциации»....139
План основных мероприятий «Международной политэкономической ассоциации» на 2011–2012 учебный год....141

«ОН ТАКОЙ ОДИН»
Мэйнстринг Дж. Кривая сердечной трансформации....143

Федеральная служба
по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-34982 *от 16 января 2009 г.*

Название *TERRA ECONOMICUS («ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ»)*

Адрес редакции *344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М.Горького, д. 88, к. 211*

Примерная тематика и (или) специализация *Научные и учебно-методические публикации по широкому спектру экономических дисциплин; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский, английский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42)*

Заместитель Руководителя **А.А. Романенков**

Заместитель начальника Управления разрешительной работы в сфере СМИ **А.Л. Колоницкий**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

007857

Журнал «Экономический вестник Ростовского государственного университета» зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС77-13577 от 20 сентября 2002 г.

СМИ перерегистрировано в связи с изменением названия и сменой учредителя 16 января 2009 г.

Заместитель Руководителя **А.А. Романенков**

Заместитель начальника Управления разрешительной работы в сфере СМИ **А.Л. Колоницкий**

«10 МИН ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ», ИЛИ ПЕРЕЖИВЕТ ЛИ РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА СВОЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ?

О.Ю. МАМЕДОВ
доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет
e-mail: oktaj-mamedov@yandex.ru

Статья посвящена проблемам и препятствиям на пути модернизации российской экономики.

Ключевые слова: российская экономика, модернизация, проблемы роста экономической эффективности.

The article deals with the problems and obstacles to the modernization of Russian-ray of the economy.

Keywords: Russian economy, modernization, problems of economic efficiency.

Мы живем в мире непредсказуемых событий и нерешенных проблем.

Есть только одно неотвратимое и предсказуемое событие, которое и должно решить все наши проблемы. Это *модернизация российской экономики*!

Идея модернизации всколыхнула все российское общество, особенно — экономистов, ибо никто лучше них не знает драматического состояния российской экономики. Поэтому сегодня актуальнее осознать не столько то, *что* нам предстоит сделать, сколько *то, что же нам мешает модернизироваться*?

Предстоящая модернизация — не первая для нашей экономики и, видимо, не последняя! Чему же учит опыт прошлого?

♦

Теория модернизации всегда сводится к двум вопросам —**что** делать и **как**?

На первый вопрос отвечают производственники, на второй —**экономисты**.

К сожалению, для всех наших модернизаций «**как?**» всегда было важнее, чем - «**что?**»

Не является исключением и нынешняя модернизация! Вот почему все ждут от экономистов ответа на вопрос — **КАК???**

♦

Известны разные модели экономического роста. Но модернизация — поистине **удивительная** модель экономического роста, так как считается, что она способна обеспечить **НЕБЫВАЛО ускоренное** развитие производства.

Но раз «**небывало ускоренное**», значит перед нами — **СТАВКА НА «ЧУДО»**! А как иначе назвать ставку на то, что неким таинственным манипулированием ресурсов удастся сделать то, что до сих пор не удавалось, — придать ускоренный рост российской экономике, который позволит ей стать одним из лидеров во всемирной гонке стран в инновационном преобразовании национальной экономики?

ТАЙНА, СОБЛАЗН И ОПАСНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ как инструмента ускоренного роста экономики и состоит в этой кажущейся простоте, — дескать, достаточно сосредоточить все ресурсы там, где надо, и мы получим скачок. Но так ли это?

© О.Ю. Мамедов, 2011

В действительности же **модернизация нашей экономики требует другого — дать, наконец, свободу хозяйствующим субъектам!**

На практике это означает **сокращение роли государства в экономике**, уход его из сфер, где должны господствовать только гражданское и предпринимательское сообщества! Ведь даже в развитом рынке модернизация сводится к повышению свободы бизнеса! В 2008-м г. во Франции был принят специальный «Закон о модернизации», в котором предусмотрено упрощение предпринимательства как условие усиления конкуренции. Французы понимают модернизацию как развитие национальной системы предпринимательства, а не как перечень технологических мероприятий.

♦

В последние годы в стране шло укрепление «политической вертикали», обернувшейся гипертрофией «экономической вертикали». Союз этих двух вертикалей существенно ослабил и политику, и экономику России. В результате экономика России сегодня испытывает потребность в ускоренном развитии «экономической горизонтали»!

Таким образом, **сущность современной модернизации российской экономики предстает как переход от приоритета «вертикали» к приоритету «горизонтали»!**

Кто же в российской экономике может выступить генератором ее модернизации? Увы, пока такого «модернизатора» не видно: **чтобы стимулировать рыночно-эффективные проекты, частный сектор слишком слаб, а государство — слишком сильно!**

Вот почему **рыночной модернизации российской экономики должна предшествовать рыночная модернизация российского государства!**

Модернизация — это **административная, принудительная** концентрация ресурсов в необходимых обществу сферах и отраслях национальной экономики.

Следовательно, **тайна «модернизационного роста» — в искусственном ускорении экономического роста за счет нарушения естественного развития рынка**. Это значит, что **модернизация есть попытка государством «подправить» вектор и темпы экономического развития,** «направив» неуправляемое движение в желаемом направлении!

♦

Модернизация — это экстремальная политика государства, когда все иные средства уже исчерпаны, но так и не дали желаемого результата! Тогда и начинают «пришпоривать» развитие экономики в «нужном» направлении, чтобы инвестиции пошли в необходимые обществу сферы не в результате конкурентного самодвижения инвестиционного капитала, а принудительно!

Особенно любят модернизацию тяготеющие к авторитаризму режимы — за ее мобилизационный характер, за концентрацию материальных и финансовых ресурсов в руках государства, за построение «вертикали власти» даже над частным капиталом.

Это значит: **не модернизировав политику и идеологию, нельзя начинать модернизацию экономики!**

♦

Модернизация экономики не совместима с состоянием стабильности, ибо она взрывает искусственные препятствия на пути ее развития. Когда же мы поймем, что экономика — не подобострастная студентка, несмело заглядывающая в зал ученого совета и робко спрашивающая — «Вы еще не нашли оптимальную модель модернизации? Ладно, я еще подожду, пока вы дискутируете».

Реальная экономика — это череда цунами, и искусство управления экономикой состоит в умении предугадать, когда и где начнется новое цунами. Как ни просил П.А. Столыпин десять лет спокойствия для проведения судьбоносной хозяйственной реформы, его не послушали ни общество, ни экономика, ни история. Это один из исторических уроков, объясняющих: **откладывать назревшие перемены в экономике НЕЛЬЗЯ,** иначе даже самая простая волна может превратиться в цунами!

Сегодня можно насчитать не менее **ДЕСЯТИ ПРЕПЯТСТВИЙ, СВОЕГО РОДА «МИН» ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ,** затаившихся в современной российской экономике, модернизация которой сразу превратит их в «бомбы немедленного действия»!

1. Реальная модернизация, требующая замещения государственных инвестиций частнокорпоративными, окажется **«бомбой», взрывающей административную организацию современной российской экономики, которая уже отпугнула многих иностранных и отечественных частных инвесторов!**

2. В условиях кризиса модернизация начинается как антикризисная политика. Но разве является выходом из кризиса спасение неэффективных предприятий и расширение социальных выплат?

Это значит, что кризис не станет для нас «очистительной грозой», а принесет прямо противоположные итоги — рост бюджетных расходов, которые у нас почему-то всегда подозрительно превращаются в коррупционные доходы! **Поэтому реальная модернизация окажется «бомбой» для этих странных антикризисных мер!**

3. Сегодня треть населения страны — пенсионеры, и их число будет расти, а вот источником пенсий остается неэффективный труд уменьшающегося числа трудоспособных. Надо было бы продлить период работы и увеличить пенсии, но сегодня выбран исключительно второй вариант.

Это популизм, так как он обернется резким повышением коммунальных тарифов и ростом цен именно на ассортимент «пенсионных товаров». **Для модернизации это — страшная «бомба», ибо настроит против модернизации самые широкие массы!**

4. До сих пор государством освоен только один способ борьбы с экономическими проблемами — вбрасывание в экономику денег: Отстающая отрасль? — Дополнительные субсидии! Депрессивный регион? — Дополнительные субвенции! Стратегическое предприятие? — Дополнительные финансы!

Неизбежные следствия: инфляция, протекционизм, неравенство!

Модернизация, несовместимая с малоэффективным ростом бюджетных расходов, становится той «бомбой», которая должна взорвать традиционно-проводимую в стране популистскую политику!

5. Драматичная альтернатива наблюдается и в сфере выбора между поддержкой отечественных производителей и стремлением к максимальной выгоде от уже освоенного источника дохода (в виде экспорта сырья). Но это – различные экономические политики: модернизация требует поддержки отечественных производителей, а это опасно для доходов от продажи сырья.

В результате модернизация становится «бомбой» по отношению к сложившемуся в стране механизму извлечения и распределения доходов!

6. «Сколковская» инновационно-образовательная модель задумана как получатель огромных льгот и привилегий, что фактически превращает ее в своеобразный «оффшорный анклав», реально «приподнимающий» ее над бездной бюрократических и коррупционных препятствий, в которых сегодня задыхается практически каждый российский вуз.

Значит знают наверху, что нужно всякому вузу для его успешной работы?

Тогда почему только для «Сколково»? МЫ ВСЕ ХОТИМ ТАКИХ ЛЬГОТ!

Массовость «сколковской» модернизации станет «бомбой» для всей административной системы организации науки и образования в России!

7. Могущественные монополии, вольготно устроившиеся в российской экономике, прекрасно осознают, что **исходный пункт модернизации — демонополизация производства!**

Поэтому, для сохранения своего монопольного статуса, они сговорятся с коррумпированной частью бюрократии. И закончится это усилением государственно-монополистической системы в российской экономике.

Монополизм, несовместимый с модернизацией, может стать для нее самой страшной «бомбой»!

8. Центр экономической политики нашего государства — сохранение занятости при коррупциогенной величине зарплаты, т. е. не кормящей работающего и прямо подталкивающей его к коррупции и воровству. Но как только мы реально приступим к модернизации, появится огромная

армия безработных, — ведь неэффективность нашего производства обрекает его на завышенную трудоемкость продукции. Да еще придется хорошо платить!

«Бомба» состоит в том, что политическая опасность реальной модернизации может превзойти ее экономический выигрыш!

9. В пространстве современной российской экономики сошлись одновременно все, какие только могут существовать, стратегические препятствия для модернизации — администрирование, милитаризация, коррупция, отсталые технологии, всесилие теневой экономики, постыдно-унизительная оплата труда, крайне низкая пенсия, ненависть к предпринимательству.

И модернизация, преодолевающая антиэффективную организацию российской экономики, сама может стать «детонатором» социального взрыва!

10. Россия имеет трехвековой опыт неудачных модернизаций. Причина одна — попытка модернизировать «производство», не модернизируя «экономику»!

Сегодня все повторяется: власти надеются ограничиться модернизацией производства, законсервировав экономику и политику. Однако это может завершиться только одним — крахом всей ставки на модернизацию и потерей и без того не имеющегося запаса исторического времени.

Системный характер экономической модернизации превращает ее саму в «бомбу» немедленного действия!

Мало кто осознает, что модернизация — это тяжкое испытание для нашей экономики. Главный вопрос — как же провести модернизацию, не взорвав при этом десятки «мин» замедленного действия, притаившиеся в российской экономике?

Особый шанс на успех нашей модернизации придает то обстоятельство, что она совпадает со становлением нового (нанотехнологического) уклада производства. Удача состоит в том, что история время от времени, при формировании нового уклада производства, ставит большинство стран в равные стартовые условия, поскольку новая технология производства должна впервые осваиваться всеми национальными экономиками. В этой ситуации практически не имеют значения успехи в освоении прежней технологии производства, прежних ресурсов и прежних источников экономического роста. И мы не имеем права упустить возможность использовать эту редкую историческую удачу.

РЫНОК ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ[1]

С.Ю. БАРСУКОВА,
доктор социологических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
e-mail: svbars@mail.ru

В статье реконструируются логики развития продовольственного сектора России в рамках различных хозяйственных идеологий — социализма, либерализма, консерватизма. Хозяйственные идеологии трактуются как совокупность идей, внутренне непротиворечиво описывающих хозяйственную практику и предлагающих способ преобразования экономического строя ради сближения с определенными общественно-экономическими идеалами. Идеалы-цели и идеалы-средства задают пространство хозяйственного развития. Выделяя сущностные черты различных хозяйственных идеологий, автор делает вывод о консервативном сдвиге в экономике страны с характерным доминированием риторики патриотизма.

Ключевые слова: хозяйственные идеологии, продовольственный рынок.

The logic paths of Russia's agricultural sector development in context of various economic ideological frameworks (socialism, liberalism, conservatism) are reconstructed in the article. Given economic ideologies are treated as the whole compex of ideas which describe corresponding economic practice consistently and which are supposed to be used as the recommendation in view of economic order tranformation for certain ideals of social and economic character to be reached. Ideals-means and ideals-ends are to be the coordinates of economic development. Having emphasized the features of various economic ideologies, the author draws a conclusion which demonstrates the shift of the economy of Russia towards conservatism added by domination of patriotic rhetoric.

Keywords: economic ideology, foodstuff market.

Коды классификатора JEL: Z13, Z10.

TERRA ECONOMICUS ✧ 2011 Том 9 № 2

Заметно и многопланово возвращается любовь к отечественному на потребительском рынке. Конечно, эластичность патриотизма имеет пределы. И есть зоны, недоступные настроениям патриотизма. Скажем, электронику или машины потребитель предпочитает импортные, и отдыхать едет за границу. Но уже целые сектора потребительского рынка прочно связываются в сознании потребителей с лозунгом «Отечественное — значит лучшее!» В первую очередь, это продукты питания.

Опросы общественного мнения однозначно свидетельствуют: подавляющее большинство покупателей ориентированы на российские продукты питания. Мы не собираемся погружаться в технологии производств, чтобы прояснить разумность потребительского выбора. Для нас важнее понять, откуда берутся такие настроения. Или другими словами, как эта частная характеристика потребительского рынка отражает идеологический сдвиг, переживаемый страной.

Новый идеологический сдвиг

Патриотизм в стране крепчает. Между патриотизмом и прагматизмом как основами экономической практики грань становится почти неуловимой. Фундаментальная особенность нашего времени состоит в том, что прагматики на рынке в России не могут позволить себе не быть патриотами[2]. Самые прибыльные рекламные акции и эффективные лоббистские атаки опираются на идею патриотизма. Патриотизм как риторический прием, легитимирующий бизнес-стратегию, используется, пожалуй,

[1] Индивидуальный исследовательский проект № 10-01-0056 «Модели поведения участников продовольственных рынков в рамках реализации доктрины продовольственной безопасности РФ» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ–ВШЭ».

[2] О том, как патриотическая риторика конкретизируется применительно к разным секторам продовольственного рынка см.: [2].

© С.Ю. Барсукова, 2011

во всех сегментах национальной экономики. Кажется, что дороги строятся не для того, чтобы возить людей и грузы, а чтобы «соединить воедино земли необъятной Родины». Сколково строят, чтобы затмить Силиконовую долину. Нанотехнологии, давно превращенные в синоним пиар-технологий, должны втолкнуть страну в список передовых стран мира. При этом, конечно, окупаемость дорог тщательно подсчитывают, а за освоение бюджетов Сколково и Роснано дерутся так, будто и нет никакой объединяющей идеи.

Витриной всех крупных проектов является их патриотическая риторика, сколь мало бы она ни отражала внутренние логики участников рынка, критерии их выбора целей и средств. Соответствие патриотической стилистике является единственно приемлемой формой переговоров с властью. А чиновник из простого лоцмана в море взаимопротиворечащих законов и черных дыр, законом не покрываемых, становится гуру, знающим истинный смысл национальных интересов, чем, собственно, и приторговывает. Любое решение, от приговора суда до выбора победителя в тендере, оправдывается соответствием национальным интересам, тестируется на патриотизм. А поскольку таковой включает крайне разнообразные, вплоть до взаимоисключающих, версии, то чиновник имеет поле для маневра, ограниченного лишь генеральной трактовкой патриотизма, спускаемой сверху.

Пожалуй, ни на одном рынке идея импортозамещения не нашла такой горячий отклик и поддержку, как на продовольственном рынке. Не будем спорить о том, откуда берутся такие настроения, и не сами ли производители формируют фобии, связанные с вредоносностью импортных продуктов питания. И как им помогает в этом Роспотребнадзор, балансирующий в сложных системах лоббизма, политических предпочтений, научных открытий, межведомственных претензий и пр. И какова роль СМИ, изобилующих эффектными репортажами, после которых поход в магазин вызывает ассоциацию с хождением по минному полю. Убедить в преимуществах наших продуктов питания легче, чем в достоинствах отечественных автомобилей, чем и пользуются СМИ, отрабатывающие патриотическую тему. Это отдельный вопрос, и мы его не касаемся.

Так или иначе, по данным Фонда общественного мнения 84% россиян предпочитают отечественные продукты питания (2006 г.). Лишь 2% опрошенных при одинаковой цене купят скорее импортные продукты. И только для каждого десятого страна-производитель не имеет значения. Внимания заслуживает принципиальная стабильность массовых предпочтений российских продуктов питания с 1999 г., когда был проведен первый опрос на эту тему [7]. Опрос, проведенный фирмой «Комкон» (2005 г.), показал, что предпочтение отечественным продуктам питания отдают 77% москвичей [8]. Что это означает с точки зрения господствующей идеологической парадигмы? Откуда берутся такие настроения? Как эта частная характеристика потребительского рынка отражает идеологический сдвиг, переживаемый страной?

Сразу прекратим споры по поводу правомочности такой постановки вопроса. Если кто-то думает, что покупатель просто охотится за экологически чистой продукцией, стремится потреблять привычное с детства и пр., ни мало не заботясь о соответствии идеологическим течениям, то он прав и не прав одновременно. Конечно, покупатель не думает о высоком, выбирая сосиски. Он просто осуществляет рациональный выбор в рамках доступной ему информации. Но сам этот выбор встроен в актуальный идеологический контекст. Иерархия потребительских свойств продукта как основа выбора есть результат доминирования определенных идеологических надстроек. Что важнее — соотношение цены и качества? экологическая чистота? Что предпочесть — новинку или проверенную модель? Кому верить больше — своим или зарубежным производителям? Эти вопросы не столько индивидуального выбора, сколько господствующих идеологий, дающих оценку прогрессизму и традиционализму, самопожертвованию и заботе о здоровье, глобализму и оградительной самобытности. «Вера каких-то групп людей в свою свободу от идеологической заданности представляется нам просто особо зловредным свойством их системы иллюзий» [6]. Умеют классики в спорах как будто гвозди забивать.

Сразу оговоримся для тех, кто связывает понятие идеологии с политинформациями в школах. И по мере отмены последних радуется ослаблению идеологического воздействия. Между грубым внедрением определенных лозунгов, усваиваемых на уровне фраз, которые тут же перекочевывают в анекдоты, и идеологией как системным взглядом на развитие общества — ничего общего. Без идеологий не живет ни один социум. И краткие исторические моменты их ротаций вызывают болезненную реакцию общества, реагирующего на идеологический вакуум то карнавально раскрашенными хиппи, то сортирами в головах по шкале профессора Преображенского.

Мы ограничимся экономическим анализом идеологий, понимая, что области культуры, политики, права и пр. имеют свои специфические проявления идеологического мэйнстрима. Под ***хозяйственной***

идеологией мы будем понимать системный взгляд на экономику как совокупность идей, внутренне непротиворечиво описывающих хозяйственную практику и предлагающих способ преобразования экономического строя ради сближения с определенными общественно-экономическими идеалами. Другими словами, все базовые дискуссии об экономике — соотношение государства и рынка, свободы и обязательств, личности и корпорации, универсальных экономических законов и национальных традиций — находят принципиально разные решения в разных идеологических координатах. Для одного «патриот» звучит как ругательство, для другого похвала, из чего не следует, что один глупее или подлее другого. Но следует, что они исповедуют разные идеологии. И договориться у них не получится. Разве что дойдет до драки.

«Чистых» хозяйственных идеологий немного — либерализм, консерватизм и социализм[3]. Зато великое множество их гибридов, воплощенных в партийных позиционированиях. И это понятно. Любая идеология в оголенном виде, без поправок на нравственно-этические ограничения выглядит жестко и в своей бескомпромиссности может отпугнуть широкие массы. Поэтому партии «миксуют» идеологические основания своей деятельности или придумывают разбавления идеологической сути разными видовыми уточнениями — просвещенный консерватизм, социализм с человеческим лицом, социально-ориентированный рынок и пр.

Чтобы понять, в какое время мы живем, какая идеология является основой хозяйственной практики, возьмем конкретную экономическую проблему и покажем ее отражение в разных идеологических зеркалах. Случай с продовольственными рынками кажется удачным выбором, поскольку касается всех и каждого, а потому бытовой опыт содержит достаточно материала для анализа. Чего не скажешь, например, про авиастроение, — уж очень это высоко.

Дефицит как плата за идеологическую верность социализму

Вернемся в недавнее прошлое, когда доминирующей хозяйственной идеологией был социализм. Да, идеология прогибалась под изменчивый мир, пыталась найти компромисс с несознательным человеческим материалом, но все же в общих чертах сохраняла верность идеологическому стандарту. Что это дало рынку продовольствия? На излете социализма продовольственные рынки однозначно нанизывались на понятие дефицит. В избытке были только маринованные зеленые помидоры, да и то потому, что водки не хватало. Но идеология социализма рассматривала этот факт как досадную, но не принципиальную помеху движению к светлому будущему. Ведь главное — отрицание частной собственности, регулирующая роль государства, расширение сферы публичной жизни, народнохозяйственное планирование — было в изобилии. Достигая главное, можно закрыть глаза на частности, потерпеть временные неудобства. Надо только объяснить народу, что моральные стимулы выше материальных. Грамота на стене дороже сосисок в холодильнике. Впрочем, если кто в это не верит, то и не надо. Ведь основным принципом общественных связей при социализме является принуждение в самых разных воплощениях — от грубого физического, до экономического и технологического. К тому же сытно есть как-то глупо, когда речь идет о самопожертвовании ради идеи всеобщего равенства. В бой идут с горячим сердцем, а не с полным желудком. А в Африке вообще голод, за что негров в СССР традиционно любили. Гуманность системы проявлялась в железном занавесе — сколько людей спасли от инфаркта, не выпуская за пределы отечества.

Радикальная эгалитарная, т.е. уравнительная идеология была не простым лозунгом. Если бы цены на продукты питания отпустили и реабилитировали частную собственность, то прилавки бы мигом заполнились. Но это было бы концом системы, которая могла накормить народ только по пути к собственной гибели. Кстати, это как-то принижает экономический гений реформаторов начала 1990-х, первой и неоспоримой победой которых было уничтожение товарного дефицита. Ларчик открывался просто, но для социализма это был ящик Пандоры, и открывать его было запрещено даже перед лицом голодных обмороков. Это в теории. На практике, конечно, все было проще — у элиты обмороков не было ввиду спецраспределителей, а у народа были собственные схемы выживания, слабо сопряженные с высокими идеалами. Воскресные электрички с женщинами в трико и без макияжа выдавали специфику уикэнда по-советски.

Вопрос продовольствия никогда не считался главным. Гордились чугуном на душу населения. Армией гордились. Спортом и балетом. На идейном уровне считалось, что строитель коммунизма,

[3] Есть мнение, что «демократизм» также является хозяйственной идеологией [5]. Мы не придерживаемся этой точки зрения, считая демократию лишь формой принятия решения, которое может быть либеральным или консервативным по содержанию.

как любой одержимый идеей человек, равнодушен к еде. Лишь бы калорий хватило для продолжения борьбы. За воспроизводством рабочей силы следили строго. Это, кстати, было второе после железного занавеса проявление гуманности системы: заводские и школьные столовые кормили дешево и сердито. То есть сердито, но зато дешево.

Но по массе причин, о которых мы не будем спорить, людям это надоело. От очередей устали больше, чем от митингов и партсобраний. А демонстрации — так те вообще родными были, как карнавалы для бразильцев. Так что поддержали свержение социализма не по идейным соображениям, а в силу меркантильности и наивности. Наивность заключалась в том, что легко зарабатывая и тяжело живя, советские люди хотели жить легко как на Западе, забывая, что там трудно зарабатывать. В результате получился двойной облом — стало трудно и зарабатывать, и жить.

Импорт продовольствия в период либеральных реформ

Так пришел рынок. Идеология социализма сменилась либерализмом. А это означает, что идеалом хозяйственной практики стали свободная конкуренция, главенство материальных стимулов, минимальная роль государства как экономического агента, экономическое неравенство при равенстве формальных прав. Либерализм редуцируется к слову «свобода», а свобода вненациональна по своей сути. Рыночная свобода в том числе. Национальный колорит и исторический опыт либералы не отвергали, но отношение к ним было как досадному ограничению на пути построения некоего правильного рынка. Рынок продовольствия моментально отразил эти настроения. И если продовольствие при социализме было синонимом дефицита, то в период либерального реформаторства визуальной карточкой продовольствия стала импортная этикетка.

С одной стороны, в этом была необходимость ввиду нехватки собственного производства продуктов питания. С другой стороны, сама эта нехватка явилась продуктом лобового столкновения либеральной идеи с одним из самых неприспособленных для быстрого реформирования секторов. Село вообще раздражало реформаторов дистанцией от рыночного идеала, все там было не так — и сознание людей (что потом проявится в коллективистских симпатиях сельского электората), и стабильно дотируемая структура расходов. Самым первым и идеологически выверенным шагом либералов стало реформирование колхозов. Их попросту упразднили. Вместо них страну должны были кормить фермеры. А они стали кормить собственные семьи, минимально приторговывая излишками. Но если нехватка продовольствия при Советах была воспета в анекдотах и тем самым как бы легитимирована, то новая власть не могла смириться с пустыми полками. Собственно, наполнение полок в магазинах и было ее главным козырем и мандатом на продление полномочий.

Решительное упразднение колхозов совершенно не учитывало сложившийся на селе симбиоз крупных производителей и личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Они рассматривались реформаторами как независимые производители. И когда сравнивали статистику производительности труда, урожайности, ресурсоемкости колхозов и ЛПХ, то цифры просто кричали о несопоставимых преимуществах частных хозяйств перед коллективными, что вполне вписывалось в картину мира либерала и не вызывало вопросов. А зря. Потому что удобрения и комбикорма, выделяемые государством колхозам, успешно перекочевывали в личные хозяйства, туда же уходила техника, рабочее время и пр. Ресурсы, формально закрепленные за одним агентом, фактически делились между двумя, и еще вопрос, кому больше доставалось. Отсюда вся статистика, построенная на сравнении затрат и результатов хозяйствования в колхозах и ЛПХ, — это сплошные лукавые цифры. То есть был айсберг, а реформаторы рассчитали силу воздействия, ориентируясь только на видимую часть. Понятно, что траектория движения айсберга их неприятно удивила.

Несмотря на явные различия, коммунистическая и либеральная идеологии имеют много общего. Эти идеи космополитичны по своей сути. Это не обвинение, а констатация. Идеал, будь то «коммунизм» или «рынок», существует как бы вне общества, его очертания не имеют национальной укорененности. Это набор аксиом о правильной организации общества, не имеющего ни истории, ни традиций. Отличие лишь в понимании природы человека и адекватных этой природе оптимальных условий человеческого общежития. Коммунистическая идеология режиссирует жизнь слабых, находящих силу в единении, а либеральная — организует жизнь сильных одиночек, надеющихся исключительно на себя. Но поскольку общества обременены грузом истории, традиций, сложившимся институциональным дизайном, системой ценностей и пр., то любая попытка построить коммунизм или рынок озадачивает заметным расхождением с идеальным образом.

Можно возразить, что разница хотя бы в том, что коммунизм так никто и не построил, а рынок — почти полмира. Хочу огорчить — это не так. На хрестоматийный рынок так никто и не потянул. Все созданные версии столь же приближены к образцам либеральной идеологии, как кубинская или корейская модель к коммунистической идее. Общества подобны кораблям, днища которых обрастают ракушками, наростами, что не позволяет судам вписываться в траектории движения идеального плавсредства.

Поднявшийся железный занавес вызвал бурю потребительского восторга. В начале 1990-х иностранные этикетки придавали товару сакральный смысл. Вспомните чудовищно яркие ликеры, которые выполняли роль кухонного декора и потому тщательно оберегались от гостей. Или импортные искусственные цветы, казавшиеся верхом мастерства только в силу разительного контраста с нашими пластмассовыми трубочками с розеточками наверху. Сейчас вспоминать это смешно и неловко. Восторг папуасов — не лучшая тема для ностальгии.

Но любая идея рано или поздно утомляет. Идея строительства рынка надоела людям быстрее, чем идея строительства коммунизма. Масштабность и абмициозность коммунистического проекта рождала энергию напряжения. Не правы те, кто думает, что советская власть держалась только на штыках. Это был странный микс неверия и причастности к великому. Лозунги грели душу, и было ощущение, что долготерпением отцов и дедов оплачивается счастье детей. Либеральный проект проигрывал и по масштабности задач, и по эстетическому обрамлению — митинги в поддержку демократии на карнавалы не тянули.

Но был и бытовой срез разочарования: распечатывая одну иностранную упаковку за другой, привыкая к изобилию на полках, люди стали критически оценивать их содержимое. От единичных замечаний перешли к общему суждению — среди импорта много «странных» товаров. Особенно на рынке продовольствия. Появилась манера сравнивать с тем, какие продукты были «прежде». То, что путь к ним пролегал через очереди, конечно, не было забыто напрочь, но попало в разряд несущественного. И вчерашние яблоки-«гнилушки» стали укором импортным фруктам, покрытым парафином. Появились народные поджигатели импортных полуфабрикатов для тортов, опытным путем установившие, что те горят, как пластиковые диски. Тут же подтянулись мастера возлияний, свидетельствующие, что голова после импортных ликеров болит сильнее, чем после неочищенного самогона. Словом, маятник народной любви опять качнулся. На этот раз в сторону «своего».

И не без помощи импортеров, которые переоценили непритязательность россиян и скинули на российский рынок массу низкокачественной продукции. Ставку сделали на эффект дефицита, точнее на память о нем. Но память быстро переформатировалась в ностальгию. И воспоминания об очереди стали элементом превосходства жизненного опыта тех, кто ее застал.

Под разговоры о поддержке курса реформ, о готовности поделиться опытом и даже финансовыми ресурсами, западный мир радостно осваивал российский рынок. Под клятвы в верности либеральным ценностям и призывы им следовать, решались вполне конкретные экономические задачи, причем не в либеральном ключе. Скажем, западные кредиты зачастую были «связанные», т.е. предоставлялись исключительно на закупку продовольствия; не было и речи о свободном выборе направлений их расходования с учетом конкурентной ситуации. Облегченная дотациями продукция западных фермеров без труда выигрывала ценовую конкуренцию у наивно верящих в самоокупаемость российских коллег. Россию учили хозяйственным принципам, которыми легко пренебрегали сами учителя. Ситуация сильно напоминала призывы поститься со стороны икающего от переедания. Довольно быстро это стало нервировать и население, и правящую элиту. Постепенно пришло осознание, что Россия столкнулась с хорошо отлаженной машиной продовольственной экспансии, которая сметает остатки собственного производства продовольствия.

Патриотизм как примета консервативного сдвига

По совокупности обстоятельств, включая рефлексию ситуации на продовольственных рынках, либеральная хозяйственная идеология стала вызывать вопросы и возражения. Немаловажную роль в изменении идеологической основы хозяйствования сыграл кризис 1998 г. Как всегда бывает, кризис стал точкой старта для новых тенденций в экономике и обществе. Самой важной можно считать изменение идеологической парадигмы: с конца 1990-х постепенно и поначалу неявно набирает силу консерватизм.

В чем его отличие от либерализма? Практически во всем, кроме признания рынка. Но и тут рынок рынку рознь. Космополитизму идеального либерального рынка консерватор противопоставляет

национальный характер экономики, оправдывая государственное вмешательство в экономику национальными интересами. И держится такой рынок не столько на материальных стимулах, сколько на привычке исполнения долга, на преданности семье, фирме, народу. Низы в такой системе не принуждаются к исполнению приказов (как в социалистической доктрине), и не кормятся либеральными баснями о равенстве возможностей, а добровольно соглашаются подчиняться верхам в обмен на их отеческую заботу, что составляет суть патернализма. Нет и желания новый мир построить — коммунистический или рыночный. Только постоянный, но умеренный реформизм, отрицающий деление истории на «до» и «после». И никакого миссионерства, сподвижничества, Боже упаси. Это социалисты мечтали о царстве свободы без границ (как они его понимали), это либералы несли свои рыночные ценности, куда их не просили. Консерватору мало интересны такие проекты, он хочет обустроить свое национальное хозяйство. Диалог с внешним миром подчинен приоритету национальных интересов. Империи строили либералы, и экономический смысл завоеваний не был основополагающим, куда важнее была энергия миссионерства — распространения собственного уклада и ценностей как достойных тиражирования. Консерваторы лишь сохраняли империи как элемент своей истории, не деля ее на правильные и ошибочные этапы.

Консерватизм можно редуцировать к верности традициям, которые национальны по своей сути. Эту модель рынка можно обрисовать в принципе, вне форм реализации. Хозяйственные идеалы социализма тоже лучше обсуждать как набор принципов, абстрагируясь от компроментирующих практик. А вот вненациональных традиций не бывает. Поэтому консерватизм не просто допускает дискурс патриотизма, но делает его основным настроением масс, способом легитимации действий власти. Критерий соответствия национальным интересам является решающим в любом споре. А поскольку нет более размытого и допускающего варианты понятия, чем национальный интерес, то и хозяйственная политика консерваторов крайне эластичная, не вмещаемая в столь четкие логические схемы, как, например, экономическая политика либерала или социалиста.

Склонность россиян к поддержке политики национально-охранительного толка фиксируют опросы общественного мнения. Россияне в гораздо большей степени, чем жители Украины, Белоруссии и Казахстана склонны к изоляционизму и закрытости экономики. Например, к иностранным компаниям, иностранным работникам и иностранным товарам, покупке земли иностранцами и пр. россияне относятся менее терпимо, чем украинцы, белорусы и казахи [1]. При такой психологической склонности россияне нуждаются в зоне, где бы гордость находила адекватное применение. И такой «зоной гордости» стал отечественный продовольственный рынок. Тем более, что по некоторым другим товарным группам импорт в сравнении явно выигрывал.

Консерватизм не надо путать с традиционализмом. Консерватор не против реформ, он просто видит их цель и возможные средства иначе, чем либерал или социалист. Во-первых, ему не очень интересно, как эти реформы оценят со стороны, т.е. мнением мирового сообщества он не очень дорожит, будь то передовые образчики рынка или мировой пролетариат. Точнее, дорожит в рамках сугубо прагматической логики — что можно поиметь в рамках одобрения и что сулит порицание. Во-вторых, залогом успеха любой реформы консерватор считает ее укорененность в традициях. Соответственно историческая и социальная данность из нежелательной «силы трения», искажающей реализацию чистой модели рынка или коммунизма, переходит в разряд основного критерия, тестирующего реформаторские замыслы на вменяемость. Другими словами, если либерал и коммунист знают, как устроено правильное общество, пусть и диаметрально противоположно с их точек зрения, то консерватору претит сама постановка вопроса об универсальных моделях. Он знает, что такое правильно только применительно к своему обществу; его модель реформ и рецепт успеха принципиально не космополитичны и не интернациональны.

Нынешнее регулирование продовольственных рынков отчетливо ложится в этот фарватер. Руководство страны все смелее и обширнее использует протекционизм. И то, что российское эмбарго на экспорт зерна осенью 2010 г. вызвало резкий взлет цен на мировом рынке и столь же резкую критику мирового сообщества, сдобренную апелляцией к гуманизму в виде доступности зерна для голодающих стран, было фактически проигнорировано. Понятно, что страна, живущая на кредиты Мирового банка, такого себе позволить не может. Консерватизм — дорогое удовольствие, для этого требуется, как минимум, экономическая состоятельность. Судя по скорости консервативного сдвига, дела в стране в последние годы шли не плохо. Кто бы мог в 1990-е гг. подумать, что Россия запретит ввоз американской курятины по причине хлорирования мяса. Но уже в январе 2010 г. это таки произошло. И продержался этот запрет почти 9 месяцев, пока американцы, исчерпав все способы давления, не согласились убрать хлор, заменив его на химикаты, более предпочтимые с точки

зрения наших технологов. Не факт, что эта потрава лояльнее к нашим доверчивым желудкам. Но факт, что впервые российская сторона защитила свой птицепром так жестко и бескомпромиссно.

Можно возразить, что требования санитарного характера к протекционизму не имеют отношения. Мы же не урезали квоты на импорт, не подняли таможенные пошлины. А то, что в мясе, вине, молоке и др.продуктах периодически находят что-то вредоносное, так то элементарная забота о здоровье сограждан. Не хочу расстраивать носителей подобных иллюзий. Но, во-первых, если быть точными, в 2009 г. впервые в новейшей истории РФ мясные квоты были сокращены, а пошлины на сверхквотный импорт повышены. Квоты на 2010–2012 гг. сохранили эту динамику. А во-вторых, прямой, неприкрытый протекционизм дополняется, а иногда и просто замещается непрозрачными мерами, формально не связанными с ограничением внешней торговли, но по факту выполняющими именно эту функцию. Это общее место в современном мире. Потому что поднять пошлины — это вызвать скандал, тем более шумный, если это сделала страна-член ВТО, а найти бациллу и на этом основании закрыть границу — вариант столь же эффективный, сколь безнаказанный. Поле догадок об истинных мотивах достаются СМИ. А отечественным производителям — на время очищенный от конкуренции импорта рынок.

Нынешний подъем сельского хозяйства — а спор вызывает не этот факт, а лишь количественные оценки роста — сопровождается наглядной агитацией и шоу, подчеркивающими неразрывность с традициями славного прошлого. Квас «Никола» поднимает на щит слоган, что он «не Кола». Реклама «Пятерочки» с лубочным мужичком, терзающим гусли, ставит вопрос ребром — если патриот, покупай у нас. А агитационно-информационный материал, сопровождающий реализацию национального проекта «Развитие АПК», выдержан в стилистике, вызывающей ассоциации с советскими плакатами. Что тоже вписывается в консервативную идеологию, принципиально не делящую историю на славные и бесславные периоды. Историю не выбирают. Неразрывность времен входит в картину мира консерватора точно так же, как строительство нового общества в систему задач социалистов.

Что касается почтения к истории, то на продовольственных рынках эта тема отрабатывается по максимуму. Кто не был на ВДНХ в дни «Золотой осени», много потерял. Музыкальное сопровождение ярмарки — это сплошь советские гимны колхозной темы. И надо сказать, что интеллектуальный проект интеллигенции, стартовавший в 1960-е гг. и с переменным напором продолжающийся по сей день, посвященный разоблачению мифа о счастливой жизни свинарки и пастуха, ничуть не сгладил эмоционального воздействия песни об их встрече в Москве. Знания разоблачений не перешли в эмоциональное отторжение обрамляющих ложь художественных образов.

Вообще происходящее на «Золотой осени» дает повод, с одной стороны, для разных оттенков юмора — от иронии до гомерического хохота, что не мешает, с другой стороны, быть поводом для серьезных размышлений. Взять поросячьи бега. Кто не знает, это, оказывается, такая народная забава была. Якобы. Поросят держат за задние лапы, отчего те дуреют от страха, визжат и пытаются вырваться. Но сигналу их отпускают. И тот поросенок, который дольше всех не может прийти в себя, добегает до финиша. Потому что остальные, успокоившись, останавливаются посреди дистанции. Тех, кто их держит и потом, улюлюкая, гонит вперед, называют аниматорами. Почувствуйте связь времен — аниматоры и поросячьи бега. Это как нанотехнология ручного ткачества.

Если кто хочет укрыться от волны продовольственного патриотизма в ночном клубе, то шансов у него не много. Афиша анонсирует «Рок против неурожая» (сама видела)!! По крайней мере, это логичнее, чем «Рок против наркотиков», что сродни лозунгу «Пчелы против меда».

Консерватизм редуцирует легитимацию стратегий участников продовольственных рынков к понятию патриотизма. Правда, поскольку это понятие имеет массу уточняющих версий, то в зависимости от ситуации на конкретном рынке продовольствия, патриотизм интерпретируется по-разному. Например, российский птицепром считает патриотичной политику минимизации импорта мяса птицы, хотя ценовую конкуренцию наши курицы не выдерживают. А вот импорт говядины приветствуется как патриотичная политика наполнения рынка и недопущения роста цен. Вся разница в объемах инвестиций на этих рынках. В производство мяса птицы в последние пять лет вложили более 200 млр руб., что дало быструю отдачу. А в производство говя-дины инвестиций, во-первых, значительно меньше, во-вторых, у говядины куда более длительный производственный цикл[4]. Это различие специфицирует риторику патриотизма применительно к разным рынкам.

Или, например, на рынке соков, где практически нет ни отечественного сырья, ни отечественного капитала — «Мултон» приобрела *Coca-Cola*, «Нидан соки» купил инвестфонд *Lion*

[4] Подробно о ситуации на мясном рынке страны см. [3].

Capital, а «Лебедянский» принадлежит *Pepsi-Co* — в названиях и рекламной подаче акцентируется вписанность продукта в народную жизнь, принципиальная непереносимость рекламных сюжетов на чужие экраны[5]. «Двести грамм одним махом»… Такая стратегия продвижения товара на рынке обречена на успешность в период консервативного сдвига.

Патриотизм в самых разных формах будет набирать силу по мере укрепления консервативной идеологии. Конечно, ни одна идеология не вечна, их ротация и гибридизация неизбежны. Но пока, похоже, до патриотического перегрева далеко. Поэтому комфортно в ближайшие годы будет тем, кто любит ходить на «Золотую осень» и смотреть поросячьи бега. А рынок будет использовать этот идеологический мейнстрим как данность, соответственно корректируя стратегии продвижения товаров и способы легитимации своих действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балацкий Е.В.* Социальная гетерогенность Единого экономического пространства // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 2.
2. *Барсукова С.* Патриотизм или прагматизм? Стратегии участников продовольственных рынков в России Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 4. С. 84–105.
3. *Барсукова С.* Рынок мяса: игры с импортом // ЭКО. 2009. № 8. С. 41–53.
4. *Барсукова С.* Рынок соков в России: прошлое, настоящее и будущее // ЭКО. 2009. № 12. С.111–121.
5. *Радаев В.* Экономическая социология. М: Изд-во ГУ–ВШЭ, 2005. С. 433.
6. *Шумпетер Й.* История экономического анализа // Истоки. Вып.1. М.: Экономика, 1989. С. 277.
7. http://bd.fom.ru/report/map/dd062838.
8. http://www.comcon-2.com/default.asp?artID=1366.

[5] О рынках соков см. [4].

ИНСТИТУТЫ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КООРДИНАЦИЯ И НЕЯВНОЕ ЗНАНИЕ

ВОЛЬЧИК В.В.
доктор экономических наук, профессор
Южный федеральный университет
e-mail: volchik@sfedu.ru

В статье рассматривается вопрос о роли неявного знания в формировании институтов и координации в рыночном хозяйственном порядке. Особое внимание уделяется роли институтов в использовании информации, образующейся в неявном виде в ходе рыночных и социальных обменов. Анализируются возможности государственной экономической политики в процессе выращивания и изменения институтов.

Ключевые слова: неявное знание, институты, институциональные изменения, институциональный мониторинг, конструктивистская институциональная экономика.

The role of tacit knowledge in aspects of institutional formation and market order coordination processes are investigated in the article. The main attention is paid to the institutes related to the use of information which is generated tacitly during mar-ket and social exchanges. The possibilities of the public economic policy aimed at processes of institutional growing and change are analyzed.

Keywords: tacit knowledge, institutions, institutional change, institutional monitor-ing, constructivist institutional economics.

Коды классификатора: JEL: P11, B53, B52.

I

В современном обществе быстро увеличивается количество информации. Если сто лет назад человек сталкивался скорее с недостатком информации, то сейчас ситуация диаметрально переменилась. Изменились технологии, связанные с производством и обработкой информации. Носители информации, которые доступны каждому, могут вмещать значительные объемы данных, ранее недоступные не то что отдельному индивидууму, но и целым университетам и научным сообществам. Но что осталось неизменным и как это неизменное оказывает влияние на жизнь в современном мире? Во многом неизменными остались институты, которые тоже имеют информационную природу и структурируют повторяющиеся взаимодействия в обществе.

Институты — это не мистические правила, которые даны нам свыше и должны быть неизменными всегда или длительное время. Их информационная природа заключается в том, что с помощью институтов индивиды могут значительно расширить возможности по извлечению и обработке релевантной информации. Институты способствуют получению информации о предпочтительных вариантах действий экономическими акторами наряду с информацией, содержащейся в рыночных ценах. Институты создаются группами интересов и существуют, пока позволяют сравнительно эффективно в рамках этих групп (больших или малых) осуществлять координацию деятельности входящих в них индивидов. Если группы стабильные и успешные, то и институты существуют долго в неизменном виде. Но все равно, рано или поздно институты подвержены изменениям.

Проблема координации хозяйственной деятельности не может рассматриваться отдельно от проблемы формирования и использования знания в обществе. Типы координации определяют возможности и глубину использования знания, которое может иметь явные и неявные формы.

Хозяйственная координация различна и может иметь три основные формы: ценовая координация, управленческая координация, институциональная координация. Данный подход, хотя и с некоторыми допущениями, согласуется с концепцией трех видов трансакций сделок управления и

© В.В. Вольчик, 2011

рационирования у Дж. Коммонса [27]. Институты, как и система цен, дают сигналы о возможных, предпочтительных и нежелательных вариантах поведения. Также формирование институтов зависит от ценового механизма, вернее от изменения относительных цен. Д. Норт отмечал, что сдвиги в технологиях или относительных ценах являются одной из движущих сил институциональных изменений [13, с.69-73]. Однако верно и обратное, что существующие институты оказывают влияние на относительные цены и, следовательно, изменение институтов почти всегда затрагивает изменение относительных цен.

Благодаря институтам индивиды не только получают информацию о санкционированных и запрещенных видах действий, но также формируют свои поведенческие и познавательные модели действий [2,5]. Однако необходимо принимать во внимание взаимосвязь между институтами, неявным знанием и информацией. Знание заключается в возможности поиска и использовании релевантной информации для осуществления обменов, как экономических, так и социальных. С помощью неявного знания, которое создается в результате рыночных взаимодействий, становится возможным использовать больше релевантной информации, чем при альтернативных способах координации, создания и использования знания.

В экономической литературе существует несколько классификаций форм знаний, которые используется в процессе экономической деятельности. Например, Ж. Сапир выделяет пять пар форм знаний: предметное (сущностное) знание/процедурное знание, явное знание/неявное знание, накопленное знание/необходимое знание, отрефлексированное знание/рефлекторное знание, осознанное знание/умонастроение [17, с.163-166]. В многочисленной научной литературе социальные философы, представители институционализма и австрийской школы (в традиции Ф. Хайека) используют концепты неявного знания (*tacit knowledge*), неартикулируемого знания (*inarticulate knowledge*), локального (*local knowledge*), рассеянного знания (*dissemination knowledge*), личностного знания (*personal knowledge*) [24, 22, 23, 30, 15, 33, 35].

Традиционно проводится различие между знанием и информацией. Так согласно П. Дэвиду и Д. Форе: «Знание — в любой области — дает возможность его обладателям производить соответствующие интеллектуальные или физические действия. Следовательно, что бы мы ни подразумевали, используя термин «знание», на самом деле это имеет отношение к вопросу о познавательной способности» [7, с. 34]. Согласно трактовке этих же авторов: «Информация же имеет форму структурированных и форматированных данных, которые остаются пассивными и инертными, пока не используются людьми, обладающими знанием, необходимым для их интерпретации и обработки» [7, с. 34]. Таким образом, знание представляет собой своеобразный инструмент, посредством которого индивиды получают, интерпретируют и используют информацию.

Знания могут рассматриваться как существующий запас или как процесс. Отсюда, совокупный объем полезного знания в обществе может быть определен как совокупность всех отдельных личностных полезных знаний и полезных знаний в местах их хранения [33]. Дж. Мокир также разделяет собственно полезное знание и технологию, которая представляет собой набор принципов и методов по использованию природы в целях человека [33]. Полезное знание и технологии представляют собой именно запас знаний, который накапливается в процессе культурной эволюции общества и существует в кодифицированной форме на различных носителях.

Неявное знание в трактовке австрийской школы представляет собой совсем иной феномен. Это, прежде всего, знание, образующееся в процессе экономических обменов. Неявное знание позволяет предпринимателям получать и интерпретировать релевантную информацию, которая в отсутствие рыночных обменов была бы не только не доступна, но и вообще не создана. Согласно нашей концепции, при формировании институтов важнейшую роль играет именно такое неявное (или рассеянное) знание.

Сама природа неявного знания не предполагает его кодификации. Ценность неявного знания заключается в возможности аккумулирования информации, которая является источником и результатом экономических и социальных обменов. Однако сами рынки отнюдь не автоматически гарантируют, что существующее неявное знание будет использовано акторами для успешных конкурентных действий на том или ином рынке. Здесь важно понимать ту роль, которую играют институты в обеспечении рыночной координации и самом функционировании рынков как механизмов обмена.

Опыт связан с приобретением обоих видов знания — явного и неявного, однако неявное знание, которое является знанием взаимодействий, не может быть рационально трансформировано в явное знание. Ф. Хайек отмечает, что мы на самом деле не в состоянии изложить все правила, которые регулируют наше восприятие и действия. Мы всегда знаем не только больше, чем мы можем со-

знательно использовать, но также больше, чем мы можем осознать. Многое, что мы успешно делаем, зависит от предпосылок, которые находятся вне диапазона, что мы можем либо сформулировать, либо осмыслить [25].

Неявное знание, которое формируется в результате экономических и социальных обменов отличается от имплицитного знания, которое родственно организационным знаниям и технологиям. В эволюционной экономике[12] имплицитное знание фирмы отражено в существующих рутинах, что позволяет справляться с проблемой ограниченной рациональности [28]. Объединение подхода к исследованию ограниченной рациональности в традиции Г. Саймона с концепцией неявного знания уводит нас от центральной проблемы спонтанного формирования неявного знания. Рутины являются внутриорганизационными правилами, которые представляются результатом трансакций управления, и отражают накопленное знание организации.

Хотя концепция неявного знания и акцентирует внимание на том, что рыночные взаимодействия в экономике позволяют наилучшим образом использовать рассеянное знание в обществе, но это кардинальным образом отличается от утверждений, подобных гипотезе эффективных рынков. Рынок функционирует и генерирует ценовые сигналы, позволяющие эффективно размещать имеющиеся ресурсы только при условии существования институтов, позволяющих совершаться добровольным рыночным обменам. Но рынки не возникают и не могут функционировать в институциональном вакууме. Концепция неявного знания отталкивается от тезиса, что будущее не познаваемо (в отличие, например, от гипотезы рациональных ожиданий, где принимается обратная предпосылка [19, с. 59]). Рынок способствует эффективному распределению ресурсов только при наличии институтов, создающих конкуренцию. Конкуренция является довольно затратным механизмом согласования предпочтений. Однако важность конкуренции именно в том, что она позволяет использовать неявное знание, что приводит к результатам, которые невозможно предсказать или спланировать [21].

Для того, чтобы рыночная конкуренция приносила плоды в виде повышения благосостояния и создания новых продуктов и технологий, необходимы соответствующие институты. Реформы в постсоциалистических странах во второй половине двадцатого века показали, что создание институтов по одному, пускай и «научно обоснованному» шаблону продвинутых учебников по экономике приводило чаще всего к неудовлетворительным итогом. В результате «либеральных рыночных реформ классной доски» вместо эффективных рынков, господствовали монополии, вместо частной собственности функционировал институт власти-собственности, вместо формирования широкого среднего класса возникала чудовищная дифференциация доходов. Возникает вопрос: так как же создать эффективные институты? Ответов на данный вопрос в последнее время появилось достаточно [14, 11, 26].

Институты не универсальны. Вследствие специфичности неявного знания институты, хотя и имеющие похожие названия, например, частная собственность, также отражают специфичность того хозяйственного порядка, в котором они функционируют. Экономические и социальные обмены формируют неявное знание, которое позволяет акторам получать информацию, необходимую для эффективной (по их оценкам) деятельности. Повторяющиеся взаимодействия (обмены) осуществляются акторами, которые следуют определенным правилам. В свою очередь правила есть результат интерпретации неявного знания в процессе социальной эволюции. Поэтому институты, чтобы способствовать расширению и увеличению интенсивности обменов, должны вырастать вместе с неявным знанием из рыночного процесса. В любой момент времени мы сталкиваемся с существующими институтами, которые отражают прошлый запас накопленного знания, и текущим неявным знанием, которое через интерпретацию и действия акторов отразится в будущих институциональных изменениях. Следовательно, для исследования динамики институциональной организации общества необходимо осуществлять глубокие и длительные качественные исследования институциональной организации хозяйственного порядка.

II

Институциональная экономическая теория должна давать адекватное понимание экономических процессов для разработки релевантных мер регулирования. Как бы мы не верили в эффективность рынка, государственное регулирование является той реальностью, которую нельзя игнорировать.

Целенаправленные изменения формальных институтов зависят от инерционности неформальных институтов. Мы можем планировать какие угодно институциональные реформы, связанные с импортом самых передовых институтов, но наши планы будут разбиваться о рифы неформальной

институциональной среды, если она совершенно не комплементарна внедряемым институтам [4]. Какие преимущества дает следование правилам, содержащимся в институтах по сравнению с действиями на основании рационального расчета? Ответ на этот вопрос связан с феноменом неявного знания, аккумулирование которого во многом связано с существованием и регулирующей ролью институтов в обществе.

Государственное регулирование как форма институционального дизайна, ведет к созданию институтов и организаций, создающих новое знание. Такое знание, в дополнение к рыночным сигналам, должно способствовать функционированию рыночного механизма с учетом целей и инструментов регулирующих государственных структур. Например, одним из важнейших подобных институтов и организаций является институт рейтинговых агентств. Этот институт в современном виде начал формироваться в США. В первую очередь, созданию рынка услуг рейтинговых агентств способствовало государственное регулирование финансовых рынков со стороны Комиссии по ценным бумагам и биржам США (*Securities and Exchange Commission*). Экономическая функция рейтинговых агентств состоит в снижении асимметрии информации. Однако значимость рейтингов для национальной и мировой экономики позволяет рейтинговым агентствам в определенных случаях манипулировать поведением инвесторов и регулирующих организаций. Действия рейтинговых агентств есть не что иное, как очередная попытка «помочь» рынку с помощью различных форм рационирования [1]. Действия рейтинговых агентств в предкризисный период способствовали тому, что инвесторы были дезориентированы высокими рейтингами производных ценных бумаг, связанных с токсичными активами. Функционирование института рейтинговых агентств обнажило проблему, заключающуюся в том, что тот, кто раздает рейтинги, получает плату от эмитента облигаций и, следовательно, заинтересован в недооценке риска, выпадающего на долю их покупателей [19, с. 50]. Кроме конфликта интересов, который явно просматривается в действиях рейтинговых агентств, их негативная роль заключается в попытках создания информации, не учитывающей рассеянного или неявного знания, которое создается в результате рыночных взаимодействий.

Важнейшей стороной государственного регулирования является создание и изменение институтов. Но, чтобы изменять институты, необходимо знать текущее состояние институциональной организации экономики. Институты не всегда легко выявить в контексте социальных и экономических взаимодействий. Если формальные институты, хотя бы вследствие своей природы, явно отражены в письменных источниках, то неформальные институты могут быть выявлены только в контексте дискурса акторов. Неформальные институты непосредственно связаны с неявным знанием, отражением которого они являются. Процесс формулирования в явной форме неявных знаний иногда порождает, хотя и ненамеренно, новые правила. Однако сформулированные правила не только не могут полностью вытеснить несформулированные, но, напротив, должны действовать и интерпретироваться только в рамках еще несформулированных правил [25, с. 97].

При планировании институциональных реформ важно адекватно представлять проблему, которая подлежит институциональному регулированию. Здесь необходимо принимать во внимание человеческую интенциональность и проблему «социального иллюзионизма» . Необходимо учитывать, что наши интенции могут не всегда адекватно соответствовать тем или иным случаям выбора (если вы не сделали то, что намеривались сделать, значит вы изначально установили для себя неверные предпосылки, и ваша интенция не принадлежит к числу правильных интенций) [18, с. 40]. Интенциональность имеет прямое отношение к формированию институтов. Д. Норт отмечал, что институты должны находить объяснение в терминах интенциональности человека [14, с. 69]. Согласно Дж. Серлю, интенциональность имеет отношение к тому аспекту психических состояний человека, благодаря которому они направлены на положения дел в мире, находящемся вне их. Убеждения, страхи, надежды, желания и стремления — все это суть интенциональные состояния, равно как и любовь, и ненависть, опасения и радость, гордость и стыд [18, с. 52]. Концепция человеческой интенциональности наряду с концепцией неявного знания дает ключ к пониманию процесса формирования и изменения институтов в условиях фундаментальной неопределенности и нарастания институционального разнообразия.

Перефразируя известное выражение Ф. Хайека о том, что культура представляет собой передачу во времени совокупного объема знаний [29, p. 27], можно сказать, что институты представляют собой передачу во времени неявного знания, ранее интерпретированного акторами в результате рыночных взаимодействий. Спонтанные взаимодействия в ходе рыночного обмена создают знание, которое закрепляется в институтах. Таким образом, институты могут возникать непреднамеренно,

т.е. являются «непреднамеренными последствиями отдельных действий людей» в ходе стихийным образом структурированных взаимодействий, и представлять собой так называемые «спонтанные институты» [6, с. 24-25].

Спонтанность формирования институтов не означает, что мы не можем влиять на процесс их эволюции. Более того, государственная экономическая политика, меняя правила игры, неизбежно отражается как на процессе формирования неявного знания, так и на процессе формирования и изменения институтов. Экономическая наука должна способствовать процессу идентификации существующих институтов. Конструктивистская (интерпретативная) институциональная экономическая теория занимается разработкой теоретических и эмпирических инструментов для выявления релевантных институтов [8, 9, 10].

III

Концепция неявного знания возникла в работах видного представителя австрийской школы Ф. Хайека. Однако работы Ф. Хайека, как любого великого мыслителя, выходят за канонические рамки одной школы. Важным может считаться факт разногласий между Хайеком и Мизесом по поводу места априорных и эмпирических методов в экономических исследованиях. Хайеку не удалось убедить Мизеса в том, что анализ рыночной экономики носит не только априорный характер, и что на самом деле такой анализ полностью основан на эмпирике. Хайек отмечал, что априорной является только его логика — логика индивидуального действия, но когда вы берете за отправную точку действие одного индивида, возникает причинно-следственный процесс: человек учится и основывается на действиях другого. А этот процесс не может носить априорный характер. Он может быть только эмпирическим [31].

Подходы в социальных науках, которые не учитывают значимости неявного знания, могут способствовать попаданию в ловушку «пагубной самонадеянности» в процессе конструирования правил, норм и институтов. Кризис, начавшийся в 2008 г. тому яркое подтверждение. Если мы признаем значимость неявного знания, то мы должны признать значимость институтов, которые являются его основным отражением. Именно институты позволяют акторам использовать информацию, рассеянную во множествах рыночных взаимодействий. Но экономисты, следуя мейнстримовской формалистической традиции, фактически игнорировали и, следовательно, не использовали при объяснении существующего положения дел меняющиеся, и не всегда в эффективном направлении институты [16, 32, 19]. Экономическая наука сама попала в ситуацию зависимости от предшествующей траектории развития, где вследствие эффекта блокировки была замкнута на субоптимальную траекторию [3].

Для исследования институтов количественные методы подходят мало или даже вовсе бесполезны. Формалистические подходы, например теории игр, также немного могут сказать о сути правил, которые непрерывно возникают и изменяются в ходе эволюции конкретных хозяйственных порядков. Чтобы понять, какие институты действительно существуют и используются акторами в повторяющихся экономических взаимодействиях, необходимо проводить качественные эмпирические исследования в рамках традиционной институциональной экономики Дж. Коммонса и исторической школы Г. Шмоллера. В контексте конструктивистской институциональной экономической теории также полезно использовать опыт исследования институтов, накопленный в социологии, политологии и социальной психологии.

Активизации качественных институциональных исследований может способствовать регулярный институциональный мониторинг, проводимый, например, в отдельных регионах организованными научными группами. Институциональный мониторинг должен включать исследования текстов нормативных актов, проведение интервью с акторами, занятыми в различных отраслях экономики, обобщение и анализ, полученных данных для выработки адекватного представления о состоянии институциональной организации региональной и национальной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вольчик В.В.* Поведенческая экономика и современные тенденции эволюции института собственности // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 2.
2. *Вольчик В.В., Зотова Т.А.* Экономическое поведение в контексте эволюции институтов // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 4.
3. *Вольчик В.В.* Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 3.

4. *Вольчик В.В., Бережной И.В.* Иерархия и комплементарность институтов в рамках хозяйственного порядка // TERRA ECONOMICUS. 2009. Т. 7. № 2.
5. *Вольчик В.В., Оганесян А.А.* Институты, информация и институциональная структура экономики // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирвания экономики). 2010. Т. 1. № 2.
6. *Дементьев В.В.* Что мы исследуем, когда исследуем институты? // TERRA ECONOMICUS. 2009. Т. 7. № 1. С. 24–25.
7. *Дэвид П., Форе Д.* Экономические основы общества знания // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 1. С. 34.
8. *Ефимов В.* Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. 2007. № 8.
9. *Ефимов В.В.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 3.
10. *Ефимов В.М.* Спор о методах и институциональная экономика // Экономический вестник Ростовского госдарственного университета. 2007. Т. 5. № 3.
11. *Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А. Ясин Е.* Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. 2005. № 5.
12. *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. М., 2000.
13. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
14. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ–ВШЭ, 2010.
15. *Полани М.* Личностное знание. М., 1982.
16. *Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа // Новая экономическая ассоциация (http://www.econorus.org/sub.phtml?id=149).
17. *Сапир Ж.* К экономической теории неоднородных систем: Опыт исследования децентрализованной экономики. М., 2001. С. 163–166.
18. *Серль Дж.* Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 40.
19. *Скидельски Р. Кейнс.* Возвращение мастера. М.: Юнайтед Пресс, 2011.
20. *Сорокин П.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4.
21. *Хайек Ф.А.* Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.
22. *Хайек Ф.А.* Использование знания в обществе // Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000.
23. *Хайек Ф.А.* Контрреволюция науки (Этюды о злоупотреблении разумом). М., 2003.
24. *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
25. *Хайек Ф.А.* Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.
26. *Цирель С.В.* «Qwerty-эффекты», «path dependence» и закон Седова или возможно ли выращивание устойчивых институтов в России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3. № 3.
27. *Commons J.* Institutional economics its place in political economy. News Brunswick (NJ) USA: Transaction Publishers, 1990.
28. *Foss Nicolai J.* Bounded rationality and tacit knowledge in the organizational capabilities approach: an assessment and a re-evaluation // Industrial and Corporate Change. 2003. Vol. 12. No. 2. pp. 185–201.
29. *Hayek F.A.* The Constitution of Liberty. Chicago: University of Chicago Press. 1960. P. 27.
30. *Hayek F.A.* The Sensory Order, London: Routledge & Paul Kegan. 1952.
31. Interview with F.A. Hayek // Cato Policy Report. Vol. V. No. 2. February 1983.
32. *Krugman P.* How Did Economists Get It So Wrong? // New York Times Magazine, September 2nd, 2009.
33. *Mokyr J.* Knowledge, Technology, and Economic Growth During the Industrial Revolution // Technology and Productivity Growth. Bart Van Ark and Gerard Kuper, eds., The Hague: Kluwert, 2000.
34. *Oguz F.* Hayek on tacit knowledge // Journal of Institutional Economics. 2010. Vol. 6. No. 2. pp. 145–165.
35. *Ryle G.* The Concept of Mind. New York: Barnes & Noble, 1949.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАНОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

О.Ю. МАМЕДОВ,
доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Автор концентрирует внимание на тех негативных последствиях и проблемах наноиндустриализации, которые остаются обычно на периферии внимания экономистов.

Ключевые слова: экономические последствия наноиндустриализации, наноэкономика, нанотехнология.

The author focuses on the negative consequences and problems nanoindustrialization that remain are usually on the periphery of the attention of economists.

Keywords: economic effects nanoindustrialization, nanoeconomics, nanotechnology.

Коды классификатора JEL: 013.

Удивителен механизм становления современной цивилизации, — ведь каждый скачок в развитии техники порождал надежду на долгожданный приход царства всеобщей материальной сытости и повседневной социальной гармонии. Однако в реальности любой прорыв в техническом прогрессе всегда роковым образом сопровождался тяжким экономическим кризисом, длительной перестройкой производства, социальными катаклизмами и обострением политического противостояния.

Впрочем, коротка память человеческая, — вновь манят новые технологии, суля, как прежде, сытость и гармонию: сегодня все предвкушают приход эры нанотехнологий.

Все, но только не экономисты, профессиональная обязанность которых — заблаговременно выявить возможные негативные последствия возникновения «молекулярного производства» и готовить страну к различным «нанонапастям».

Конец XX в. ознаменовался такими научно-технологические разработками, негативные экономические и социальные последствия которых мы только начинаем осознавать. Самое же неприятное состоит в том, что, поскольку эти последствия объективны по своей природе, то они неотвратимы и нерегулируемы. Нанометровый масштаб молекулярного анализа природы объединил физику, химию и биологию. В результате мы стоим на пороге возникновения особого комплекса дисциплин, который часто обозначают англо-саксонской аббревиатурой «*NBIC*» (нанотехнология + биология + информатика + познание) [6].

Нанотехнологии[1] имеют неоспоримые преимущества перед современной индустрией, позволяя реально решить многие мучающие человечество проблемы.

Взять, например, нехватку воды, которая является растущей угрозой для ряда стран. Однако основная часть водных ресурсов используется-то вовсе не населением, а промышленностью и сельским хозяйством[2]. С приходом нанотехнологий «агропромышленное» потребление воды будет значительно сокращено, ибо для изготовления нанопродуктов воды требуется существенно

[1] Нанотехнологии — это управление процессами в «наномасштабе» (до 100 нанометров, при этом нанометр равен миллиардной части метра: для примера — толщина бумажного листа равна 100 тысячам нанометров!).

[2] Из используемой в мире воды 67% потребляется сельским хозяйством, 19% — промышленностью, населению же достается менее 9% (источник — [2]).

© О.Ю. Мамедов, 2011

меньше. А ведь это огромная экономия невосполнимых природных ресурсов и прямое сокращение экологических расходов!

Или — инфекционные заболевания, настоящее бедствие для населения многих государств: нанопродукты способны принципиально снять эту проблему. Нанотехнологии обещают также потрясающе дешевое производство компьютеров и устройств отображения. А производство наноструктур для электрооборудования позволит использовать солнечное тепло в качестве практически неисчерпаемого источника энергии.

Главное же в том, что во многих регионах мира сформировалась разрушительная для природы производственная инфраструктура. А нанотехнологии могут — при минимальных физических параметрах — произвести масштабную промышленную революцию.

❖

Нанотехнологические чудеса поистине неисчерпаемы, — в кубическом миллиметре может уместиться суперкомпьютер, а стоимость его производства составит всего лишь долю процента сегодняшних затрат! Такая дешевизна позволит обеспечить компьютерами, КПК и сотовыми телефонами практически все население Земли (включая, кстати, маргинальные группы неграмотных благодаря переходу к голосовому интерфейсу).

Эти и другие нанотехнологические достижения оправданно находятся в центре внимания общества. Однако не меньшего внимания, по нашему мнению, заслуживают и те негативные последствия, которые неизбежно будут сопровождать наноиндустриализацию современной экономики, поскольку нанотехнологии, решив одни проблемы, породят новые, и, к сожалению, не менее острые!

На данном этапе основными препятствиями для масштабной наноиндустриализации являются высокие издержки производства, нежелание общества принять инновационные технологии без гарантированной техники безопасности, относительный дефицит венчурных фондов, отсутствие знаний о взаимодействии между наноматериалами и живыми клетками (вопрос о биосовместимости и токсичности наноматериалов), нежелание многих корпораций серьезно инвестировать в нанотехнологии, отсутствие контроля качества [7].

❖

Современная наука достигла качественного прорыва — изучение наноразмерных процессов позволяет перейти к нанотехнологиям, т.е. к созданию заданных свойств органической и неорганической материи с «атомной точностью». Тем не менее, нанотехнологии не должны рассматриваться как движение производства в направлении его миниатюризации на основе конвергенции квантовой физики, молекулярной биологии, химии, компьютерных устройств и техники.

В научной литературе последних лет принято выделять пять промышленных революций в мировой экономической истории [9]:

◆ «первая промышленная революция» (1780–1840), странновая база – Великобритания, содержание – паровой двигатель, текстильная промышленность, машиностроение;

◆ «вторая промышленная революция» (1840–1900), странновая база – Европа (Англия, Франция, Германия), содержание – железные дороги, металлургическая промышленность;

◆ «третья промышленная революция» (1900–1950), странновая база – Соединенные Штаты Америки, содержание – электрический двигатель, тяжелые химические вещества, автомобили, потребительские товары длительного пользования;

◆ «четвертая промышленная революция» (1950 — по настоящее время), странновая база — Тихоокеанский бассейн (Калифорния, Япония), содержание — синтетика органических химических веществ (масло), компьютеры.

Но вот что касается следующего этапа («пятая промышленная революция»), то здесь все еще неясна его странновая база — Китай? Индия? Бразилия? А, может, — Россия? Зато ни у кого не вызывает сомнения его содержание — нанотехнологии (молекулярное производство)!

Отличительная особенность пятой промышленной революции усматривается в способности строить все, что мы можем конструировать, путем манипулирования молекулами под непосредственным контролем компьютера.

Ожидается, что комбинированное воздействие нанотехнологий будет равно суммарному воздействию всех промышленных революций последних двух столетий, с той особенностью, что все эти изменения окажутся осуществленными в несколько лет. И появятся не только новые продукты, главное — новые средства производства.

Наноиндустриализация будет означать экспоненциальное распространение нанопроизводственных систем. Значительное улучшение качества продукции приведет к ее ускоренному и дешевому ко-

пированию. А недорогое сырье, уменьшение стоимости капитала и портативный размер заводов вызовут социальные потрясения, которые будут свободно пересекать границы, способствуя глобальной трансформации.

❖

Уже сегодня можно с большой долей точности прогнозировать следующие экономические потрясения: обилие дешевых продуктов обрушит аграрные рынки и экономическую организацию сферы потребления, возможен экономический гнет населения в результате искусственного завышения цен, коллективный экологический ущерб от нерегулируемых продуктов, теневой рынок в сфере молекулярного производства.

Наноиндустриализация приведет к революции в обществе, преобразуя медицины, биотехнологию, сельское хозяйство, промышленное производство, материалы, аэрокосмическую промышленность, информационные технологии и телекоммуникации. Важно осознать, что сегодня именно нанотехнологии дают импульс к развитию конкурентоспособных инноваций, появлению новых видов бизнеса и перспективам экономического прогресса для тех стран, которые стремятся стать лидерами в эпоху глобализации знаний.

Мы вступаем в эпоху, суть которой — ускоренное внедрение технологических проектов в бизнес-предприятия, которые, тем самым, и воплощают, и генерируют значительную экономическую ценность. В этом механизме нанотехнологии, возможно, самое главное, что способно обеспечить будущее мировой экономики, конкурентоспособность каждой национальной экономической системы, богатство народов.

Дж. Катон, Генеральный директор Института «*Global Futures*» и советник Белого Дома в период трех различных администраций, еще в 1999 г. объяснял, что нанотехнология повлияет на все аспекты экономики — занятость, вклады, ценообразование, капитал, курсы валют и валютные рынки, спрос и предложение [5]. Другие специалисты считают, что появление радикально новаторских материалов, автоматизация «молекулярных» процессов, изменив подавляющее большинство промышленных цепочек поставок, каналы распределения, цепочки добавленной стоимости, приведут к кризису и исчезновению многих традиционных видов производственной деятельности, возможно, в очень короткий период времени. Многие производственные сектора ощутят значительные изъяны в их экономической организации и необходимость принятия решительных изменений в целях обеспечения своей глобальной конкурентоспособности.

Хотя в сфере освоения нанотехнологий многие страны-аутсайдеры будут двигаться «прицепом» к странам-лидерам (как это происходило в рамках предшествующих «технологических волн»), именно такое освоение явится стратегическим направлением модернизации «догоняющих» экономик в границах «пятой промышленной революции».

Впрочем, не стоит строить иллюзии — в незрелых секторах рынка нанотехнологии не в состоянии породить фундаментальные инновации.

К счастью для догоняющих стран, «молекулярная нанотехнология» еще не может обрести массовую реальность в краткосрочной перспективе.

Однако эффект массового нанопроизводства не ограничивается исключительно позитивом, — негативная сторона предстанет исчезновением многочисленных «ненанотехнологических» линий производства в связи с их неконкурентоспособностью, в результате чего неизбежно грядет огромное сокращение рабочих мест. Другая экономическая неприятность нанотехнологических прорывов — «провоцирование» ими расширения монополистической структуры. Наконец, произойдет устаревание многих элементов экономической инфраструктуры, не соответствующих требования наноэкономики.

Решающее звено в наноиндустриализации национальной экономики — реальная степень интеграции нанотехнологий с экономикой. Для этого необходима реализация всех достижений смешанной экономической системы — эффективное развитие стратегических секторов, инвестиции в человеческий капитал, реструктурирование рынка труда, национальная политика в области *R&D*, государственно-частное партнерство[3].

Однако те страны, экономика которых окажется наиболее подготовленной к революции в области нанотехнологий смогут обеспечить благосостояние своих народов за счет устойчивого эко-

[3] Европейская комиссия по науке и исследованиям с 2007 г. стала проводить регулярные консультации с целью разработки «кодекса ответственного поведения при исследовании нанотехнологий»; Янез Поточник, комиссар данной комиссии, заявил: “Нанонауки и нанотехнологии могут повысить рост занятости в Европе, поэтому важно, чтобы их развитие и использование не замедлялось, но и не было несбалансированным или оставлено на волю случая”. Эта позиция объясняется масштабами финансирования натехнологических разработок: 150 млрд долл. в 2010 г. и 2,6 трлн долл. в 2014 г.; по прогнозам специалистов, рынок нанотехнологической продукции будет крупнейшим рынком, в десять раз превышая будущий рынок биотехнологий см.: [4].

номического роста. При этом следует учитывать, что нанотехнологии не только представляют собой гигантский шаг в техническом прогрессе, но и сами выступают материальной предпосылкой возникновения механизма управления масштабными изменениями.

❖

Все это превосходно, но **какова экономическая цена наночудес**? Ведь нанотехнологические выигрыши в производстве вполне могут сопровождаться проигрышами в экономике.

И сразу скажем о главном: **если наноэкономика реально на практике выводит на неограниченность производственных ресурсов, то это означает своеобразную «гибель» современной экономики, институты, инструменты и мотивация которой построены именно на принципе ограниченности и альтернативного использования этих ресурсов**, — не случайно же все современные экономические учебники начинаются с модели производственной трансформации!

Поэтому нельзя игнорировать те негативные последствия, которые неизбежно будут сопровождать наноиндустриализацию современной экономики, поскольку нанотехнологии, решив одни проблемы, породят новые, — и, к сожалению, не менее острые!

1. Современное производство основано на применении специализированных материалов и машин, используемых высококвалифицированными работниками. В противоположность этому нанотехнологии не требуют значительной массы квалифицированной рабочей силы и развитой вспомогательной инфраструктуры. Главная причина в том, что на молекулярном уровне могут работать только «роботы»! Вот эта «роботизация» нанопроизводства обязательно взорвет рынок труда. В результате на улицу будут выброшены массы квалифицированных работников. И современные луддиты с высшим образованием окажутся, пожалуй, пострашнее своих исторических предшественников.

2. Еще более грозными могут быть последствия исчезновения основы рыночной организации общественного производства — конкуренции. А она обязательно исчезнет потому, что нанотехнологии позволяют из одного и того же исходного материала производить широкий спектр различных товаров, уничтожая тем самым основные формы рыночного статуса фирм — специализацию и диверсификацию.

3. Уход конкуренции сделает бессмысленным поиск оптимальных финансовых институтов и монетарных инструментов, ибо экономический фундамент рынка — кредит — окажется в условиях наноэкономики бесполезным. В результате исчезнет основное оправдание вмешательства государства в экономические процессы — необходимость проведения особой экономической политики, поскольку ее осуществление станет попросту невозможно.

4. Многие отрасли будут заменены наноиндустриализированным (молекулярным) производством — сельское хозяйство будет «перенесено» в портативные нанотеплицы, нанопереработанная вода станет лечить прямо на дому, наноизоляция повысит комфорт и снизит потребление энергии, а жилищно-коммунальное хозяйство претерпит подлинную революцию. Но это же означает пространственную локализацию производства в малосвязанных между собой «точках наноиндустриализации» — со всеми вытекающими отсюда негативными социальными последствиями.

5. Стремительное развитие современных технологий ускорило инновационную динамику экономики развитых стран, — это доказывается, в частности, тем, что информационные технологии в настоящее время обеспечивают не менее трети валового национального продукта США. Наноиндустриализация может стать основой обновления национальной экономики многих стран, повышения экономической устойчивости и роста благосостояния нации, а также исчезновения и появления множества отраслей промышленности. Вместе с тем новейшие разработки в области новых технологий и их влияние на бизнес и экономику означают, что стратегические прогнозы становятся менее точными. Мало кто мог еще 50 лет назад предсказать такие инновации, как Интернет, беспроводную связь или отображение генома человека. Точно так же прогнозы о возможностях нанотехнологий воспринимаются сегодня как фантастика. Тем не менее, нанотехнологии способны придать развитию глобальной экономики такую невиданную ранее скорость, которая опасна сама по себе.

6. Дело в том, что нанотехнологии, выступая средством преобразования неорганических и органических веществ на атомном уровне, способны взорвать современную структуру организации и экономики, и ее созидающего центра — бизнеса. Ведь нанотехнологии «дотянутся» практически до всех аспектов экономики: зарплаты, занятости, ценообразования, структуры капитала и курсов валют, спроса и предложения. В результате нанотехнологии станут двигателем экономического процветания, основой производительности и глобальной конкурентоспособности.

7. Если объем нанотехнологий достигнет критической массы, превратившись в прорыв в автоматизированной «самосборке» нанотоваров, то это разрушит большинство вертикально-построенных отраслей, разорвав большинство промышленных и постиндустриальных цепочек поставок. Коренным образом изменится механизм создания стоимости, а также каналы ее распределения и перераспределения.

8. Нанотехнологии освобождают страны от «нефтяной зависимости», — нам-то радоваться или огорчаться? Нанопроизведенные товары вообще могут заменить натуральные вещества. Фермеры попросту потеряют сферу занятости, а с ней — и доход. Аграрные страны потерпят экономическую катастрофу, поскольку производство наноматериалов способно заменить сельскохозяйственную продукцию. Опасны и отходы от нанотехнологий, выбрасываемые в атмосферу, так как они могут проникать в клетки человека и животных. Причем такой ущерб не поправим.

9. Нанотехнологии требуют высоких первоначальных затрат на инвестиции, что вызовет их одностороннее перераспределение в пользу наноотраслей.

❖

Действительно, представьте себе, что завтра, благодаря появлению наночипов, на рынок будут выброшены суперкомпьютеры по цене кварцевых часов, дешевле, чем брелок. Катастрофические экономические последствия для компьютерной индустрии очевидны. Другой пример — суперстойкие и недорогие наноматериалы, используемые для строительства и производства, наверняка «убьют» рынки стали и пластмассы.

Так же, как компьютеры и Интернет вплетены в структуру современной экономики, так и нанотехнологии выступают структурой будущей экономики.

И особняком стоит вопрос — а готовы ли деловые круги заниматься бизнесом в сфере нанотехнологий? И готовит ли кто-нибудь к этому? Такой же вопрос адресуется сферам здравоохранения, производства, информационных технологий, товаров народного потребления и финансовых услуг.

Американский институт глобального прогнозирования провел специальное исследование, показавшее, что уровень информированности и готовности бизнеса и общества относительно нанотехнологий крайне низок. На этой основе институт предложил пять различных сценариев адаптации национальной экономики к эффективному использованию нанотехнологий — «оптимальный», «догоняющий», «ухабистый» [8].

Особый интерес для нас, в силу ряда причин, представляет, конечно, третий сценарий (временной период — 2010–2050 гг.). Его главные черты — отсутствие всеобъемлющей интеграции нанотехнологий в производство и экономику, резкое сокращение постиндустриального роста, неспособность инвестировать в меры, необходимые для управления системой социально-экономических преобразований.

После детального анализа авторы приходят к важному выводу — развитие «наноэкономики» имеет альтернативный характер и механизм функционирования по сравнению с «петроэкономикой». Это означает, что наноиндустриализация натолкнется на сопротивление не только субъективное, но и объективное.

Между тем исторический урок XX века показывает: та страна, которая бы раньше других осознала будущую значимость компьютеров, могла бы выдвинуться в мировые лидеры.

Ясно одно — та страна, которая бы осознала будущее значение компьютеров, могла бы выдвинуться в лидеры. Это — важный урок для встречи с эпохой нанотехнологий. И этот урок теперь, будьте уверены, учтут все страны мира!

❖

Экономисты призваны ответить на вопрос об экономической цене наноиндустриализации, ведь калькуляция такой цены включает невидимые (и неведомые) неэкономистам потрясения фундаментальных основ современной экономики.

Вот минимальный перечень грозных вопросов:

- сохранится ли в наноэкономике общественное разделение труда (специализация и кооперация производства)?
- останется ли труд основной стоимостесозидающей субстанцией?
- что станет с профессионально-квалификационными различиями работников?
- выдержит ли социальная (непроизводственная) сфера стремительный рост населения?
- как изменится отраслевая структура производства?

- сохранится ли агарный сектор экономики?
- какие перспективы ожидают горнодобывающую промышленность, или добыча полезных ископаемых вообще прекратится?
- как развивать производство в условиях исчезновения экономических стимулов для применения инновационных технологий?[4]

И хотя наноиндустриализация способна снять экономические причины социальных катаклизмов, сама экономика изменится до неузнаваемости…

❖

Согласно Жану Дюпюи, нанотехнологии могут обернуться серьезной проблемой, поскольку они способны привести к созданию искусственного мира, который не будет находиться под контролем человечества. Он утверждает, что эта проблема порождается тем, что нанотехнологии включают способность к самоорганизации и самосозданию сложных структур нанообъектов! И такие структуры ничем не будут обязаны ни человеку, ни даже природе [1]. Не менее проницательно высказывание Билла Джоя, — «Это будет особый мир, который в нас больше не нуждается!» [3].

Так и хочется воскликнуть — «ДОТКРЫВАЛИСЬ?»

Каждое продвижение по пути технического прогресса превращается в напряженное испытание для экономики.
Имя новому испытанию — «наноиндустриализация».
ГОТОВЫ ЛИ МЫ К ТАКОМУ ИСПЫТАНИЮ?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dupuy Pierre.* Pour une évaluation normative du programme nanotechnologique. Réalités industrielles, «Les nanotechnologies, Annales des mines», 27-32, 2004.
2. http://www.crnano.org/benefits.htm.
3. *Joy Bill.* Why future doesn't need us. Article paru dans la revue WIRED. Numéro d'avril, 2000.
4. La Commissione avvia una consultazione sulla ricerca responsabile nel campo delle nanoscienze nanotecnologie // http://ec.europa.eu/italia/attualita/archivio/scienza_ricerca/113e2eaa90c_it.htm.
5. *Muñoz Andrés Pedreño.* Nanotecnología y Economía: estrategias de futuro. Universidad de Alicante // Instituto de Economía Internacional // http://iei.ua.es/nanotecnologia/nanotecnologia-y-economia-estrategias-de-futuro.
6. «Nanosciences: nouvelle âge d'or ou apocalyspe? («Нанонаука: новый золотой век или Апокалипсис?»), réflexion de Louis Laurent et Jean-Claude Petit, // http://www.cea.fr/technologies/nanosciences_et_nanotechnologies/nanosciences_nouvel_age_d_or_ou_apocalypse.
7. *Raj Baw.* Nanotechnology Patent Proliferation and the Crisis at the U.S. Patent Office. 2008 // http://www.nvcc.edu/home/rbawa/articles/.
8. The Strategic Impact of Nanotechnology on the Future of Business and Economics. Dr. James Canton. Institute for Global Futures // http://www.leader-val-ues.com/guests/cantonNanotechFutureBizEconomic.pdf
9. *Treder Mike.* Jolt to the System: The Transformative Impact of Nanotechnology. Center for Responsible Nanotechnology. Troy, New York, November, 16, 2004 // http://translate.google.ru/translate_t#.

[4] Особой проблемой следует считать патентную защиту нанотехнологий, которая будет иметь для конкурентоспособности страны решающее значение. Но и здесь обнаруживаются сложные проблемы, так, в США все чаще возникают патентные претензии в результате удивительно массовой выдачи патентов. Последнее объясняется путаницей, так как широко используемое определение нанотехнологий не является точным. Это, как отмечает признанный специалист, «создает хаотичный, запутанный пейзаж патентирования в различных секторах нанотехнологий (например, наноэлектроники и наномедицины), в котором конкурирующие игроки не уверены в действительности и законности многочисленных выданных патентов. Если эта тенденция сохранится, то она может задушить конкуренцию, ограничить доступ к некоторым изобретениям и просто остановить усилия по коммерциализации» достижений нанотехнологий. И далее автор делает практически важный для всех стран вывод — «только надежная патентная система будет стимулировать развитие коммерчески жизнеспособной нанотехнологической продукции» (см.: [7]).

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

РИЧАРД Т. ЭЛЛИ
Пер. с англ. А.А. Оганесян

Статья представляет собой попытку совершенствования методов исследования земельной собственности с позиций экономической науки. Обосновывается целесообразность ограничения общественных прав на землю в рамках земельной реформы XX в. Сформулированы основные аспекты земельной собственности в рамках правовой и экономической концепций.

The article is aimed at improvement of landed property research methods within the economic science. Expediency of common rights limitation are advocated as a part of twentieth century land reform. The main aspects of economic and law concepts of landed property are formulated.

Наше общество столкнулось с необходимостью разрешения серьезнейших экономических проблем, связанных с собственностью на землю, и вряд ли обращение к экономическим трактатам поможет в этом. Проблемы эти коренятся в основах нашего экономического уклада, и все же именно мы, экономисты, которые должны бы быть несколько прозорливее других, выглядим на удивление беспечными. Большинство мыслителей-философов сошлись на том, что частная собственность на землю до сих пор служила оплотом политической свободы, потому что — согласно выдвигаемым аргументам — она породила сильный класс свободолюбивых людей, и в то же время создала прочный фундамент, позволивший им успешно выступать в качестве оппозиции тирании. Земля, находящаяся в частной собственности, служит обеспечением кредита в Соединенных Штатах, где сосредоточены миллиарды долларов, питающих нашу промышленность. Частная собственность на землю является основой существования кредитно-строительных обществ, которые в этой стране обеспечивают собственными домами, возможно, больше людей, чем любое другое отдельное агентство. Широко распространено убеждение, что эти дома наделяют своих собственников неким особым общественным престижем и превращают их в добропорядочных горожан. С другой же стороны, земля, находящаяся в частной собственности, увеличивает количество домовладельцев. Кроме того, не прибегая к помощи кредитно-строительных обществ, во всех уголках нашей страны частные лица, мужчины и женщины, молодые и пожилые используют землю в качестве обеспечения кредита на строительство собственных домов, что позволяет им улучшить свое экономическое положение. Молодой человек, покупающий участок под застройку, сначала постепенно выплачивает его стоимость, а затем, используя этот участок в качестве залога, берет кредит на строительство дома и так же постепенно выплачивает стоимость строительства, закаляя при этом характер, что стало так привычно для нашей страны. И хотя иногда встречаются города, подобные Нью-Йорку, где условия очень нестандартны и для которого такие молодые люди скорее исключение, в общем и целом для страны они весьма типичны. В деревнях и маленьких городах наблюдения, конечно же, показали бы, что это тот тип людей, которые сейчас наживают благосостояние. Земля представляет собой вид инвестиций, доступный каждому — простому рабочему и профессионалу, мужчине и женщине. Пожалуй, такой способ инвестирования менее, чем какой-либо иной, вызывает ассоциации с чем-то непонятным и загадочным, а кроме того стимулирует формирование сбережений в большей степени, чем любая другая собственность.

[1] Впервые статья опубликована в Ely Rich-ard T. Landed Property as an Economic Concept and as a Field of Research // The American Economic Review. Vol. 7. No. 1. Supplement, Papers and Proceedings of the Twenty-ninth Annual Meeting of the American Economic Association (Mar., 1917). pp. 18–33.

© Р.Т. Элли, 2011
© А.А. Оганесян, перевод, 2011

Частная собственность на землю — источник радости для тех, кто ее приобретает. Какое счастье испытывают супруги, когда все расходы на ферму или домик наконец-то покрыты! Какое удовольствие обернуться назад, вспоминая каждый шаг трудного пути, пусть даже некоторые из этих шагов сопровождались непосильными жертвами! Стоит только задаться целью, как все вокруг начнет способствовать ее достижению. Типично описание румынских крестьян в недавней статье: «Они бережливы и воздержанны. Единственная великая мечта, которую лелеет каждый из них, — обладать возделываемой землей, которую можно будет назвать своей собственностью».

Частная собственность на землю неразрывно связана с благотворительными пожертвованиями всех видов. Наши колледжи и университеты, больницы, научно-исследовательские институты осуществляют крупномасштабные инвестиции в земельные участки — либо прямые, либо косвенные, посредством ценных бумаг, связанных с землей.

При написании данной статьи я не ставил перед собой задачу формулировать аргументы в пользу частной собственности на землю. Я просто описал существующее положение дел, осветив определенные аспекты земельной собственности. Функционирующие сегодня правила и механизмы, по-видимому, могут быть изменены на пользу общества; но, конечно, реализацию подобных проектов нужно начинать лишь после тщательного научного исследования. Деньги сотен тысяч людей направляются на то, чтобы уничтожить земельную собственность, ликвидировав ее ценность, иначе говоря, вынуть ядро ореха, оставив скорлупу. Вместе с ценностью исчезнет собственность в экономическом смысле, а наши суды справедливо считают, что и в юридическом. В то время как эта агитация против земельной собственности продолжается, очень мало средств направляется на проведение научных исследований.

Томас Арнольд однажды сказал: «Ошибочная политическая экономия — плодородная почва для развития преступности». Как бы то ни было, искажение экономической науки — это причина распространения ошибок, влекущих фактически разрастание бедствий и нищеты, что и демонстрируется несовершенством наших методов исследования земельной собственности.

На предыдущих собраниях Американской экономической ассоциации экономическая теория предстала перед нами в плачевном состоянии: горестные стенания были вызваны тем, что нам так и не удалось продвинуться вперед в теоретических вопросах. Боюсь однако, что мы исходили из ошибочных представлений о теории; или, если можно так выразиться, у нас была ненаучная теория о теории. Мы искали простого объяснения и стремились к простым обобщениям там, где по природе своей они не могли иметь место. В теории земельной ренты мы стремились обнаружить единый принцип, который помог бы решить все наши проблемы с землей. Мы слышали даже о теории распределения. Но такой теории ренты не существует, и еще менее вероятной представляется разработка теории распределения. Временами я опасаюсь, что мы окажемся в опасной близости от позиции врача-шарлатана, у которого всегда наготове универсальное лекарство от всех болезней нашего тела. Наша жизнь сложна, и сложность ее возрастает день ото дня. Ни одно из объяснений происходящего нельзя считать полностью адекватным; ни одна из теорий не может сделать больше, чем помочь совсем немножко или, возможно — лишь иногда — совершить прорыв. Постижение принципов функционирования любой обширной сферы нашей экономической жизни требует опоры на множество теорий, а каждый применяемый метод должен приближать нас к научной истине и помогать выработке практических рекомендаций.

В те времена, когда жизнь была сравнительно проще, основатели экономической науки разработали для нас некоторые весьма полезные теории, которые стали хорошим началом; однако мы часто воспринимаем их труды как нечто логически завершенное, а не как начало исследования.

Сегодня необходимо четко осознать, что в традиционном смысле теория принадлежит прошлому, и обращение к ней подобно поиску эликсира жизни. Никакие дедуктивные схемы не смогут привести к простым и понятным теориям, которые предоставили бы готовые рецепты решения практических проблем. Давайте предположим, что некто предложил выдвинуть теорию вашей личной жизни, которая одновременно объясняет ее и содержит руководство для решения жизненных проблем. Что бы вы подумали об этом человеке? Вы бы даже не стали тратить время на то, чтобы опровергнуть такую теорию. Более того, вы не удосужились бы и выслушать этого человека, как только поняли бы, что вам предлагают панацею. Однако в том, что касается неизмеримо более сложной социальной сферы, охватывающей миллионы людских потоков, мы по-прежнему обращаем внимание на того, кто, ссылаясь на мифическое естественное право, в простом памфлете выводит умозаключения, содержащие формулы для решения величайших экономических проблем нашего времени.

Экономисты рассуждали о земле довольно обобщенно, как если бы она была простым объектом, и этот объект включал комбинацию природных сил, предоставляющих человеку производственные ресурсы, различающиеся по качеству и, соответственно, ограниченные, т.е. требующие определенной платы за их использование. В качестве фактора производства и источника ренты земля рассматривалась как некое единое целое. Обратившись к трудам Адама Смита, Рикардо, Джона Стюарта Милля и даже Маршалла, мы обнаружим, что земля трактовалась просто как земля; хотя Маршал совершил прогресс, признав сложность прав собственности: ведь земельный участок может иметь много различных собственников.

Однако что мы можем фактически сказать о земле как таковой? Очень немногое. Прогресс наблюдается, как только мы начинаем классифицировать земли, но именно результатом поиска обобществлений в отношении земли как таковой стали научные заблуждения и ошибочная политика. Так что же нам сказать о земле как таковой? Что она должна находиться в частных руках? Или что мировым опытом опровергнуто данное утверждение? Это приведет к произволу, аналогов которому еще не видели. Будем утверждать, что земля должна находиться в общественной собственности? Для некоторых видов земель частная собственность по всему миру принесла гораздо больше пользы. Или следует отстаивать мнение, что абсолютно вся земля должна кому-то принадлежать? Огромные водные массы на нашей планете являются свободными благами, не находящимися в чьей-либо собственности, и мир никогда не согласится, чтобы они стали объектом собственности. Сложно делать множество обобщений, которые относились бы к земле как таковой. Экономисты часто говорили, что общественная собственность на землю — удел прошлого; и что мы должны решать проблемы североамериканских индейцев, отказавшись от нее совсем. Возможно, по отношению к индейцам такое заключение справедливо, а возможно, и нет; но подобные обобщения слишком поспешны, поскольку сегодня в определенных масштабах происходит ее возрождение до определенной степени в рамках самой современной земельной реформы в Ирландии. А в Вайоминге мы обнаружили комиссию, в составе которой — признанный авторитет профессор Элвуд Мид с его богатым опытом, рекомендующую в рамках плана по развитию сельского хозяйства в этом засушливом регионе, не допускать передачи в частное владение пастбищные угодья в составе государственных земель, хотя управление государственной собственностью следует осуществлять с ориентацией на достижение определенных целей. Подобное регулирование должно означать возвращение к правам пользования общественным выгоном скота, вроде тех, что существуют на общественных полях в Англии; но, используя английское выражение, права должны быть «ограниченными», а не «безграничными». Таким образом, в рамках земельной реформы XX в. предусматривается ограничение общественных прав.

В целом, собственность означает исключительное право контроля, которым наделяется некое физическое или юридическое (частное или государственное) лицо. Собственность на землю предполагает исключительное право контроля по отношению к земле. Соответствующие права контроля должны непременно различаться в зависимости от природы контролируемого объекта. Сегодня земля представлена очень разнообразно, и ее адекватное определение должно отражать это разнообразие. Необходимо приложить усилия, обратиться за помощью к юридическим источникам, поскольку, имея дело с землей во всей ее конкретике, нельзя не заметить всего многообразия охватываемых категорией «земля» факторов.

В поисках правового определения земли обратимся к работе Тидемана. «Земля, — пишет Тидеман, — это почва, покрывающая поверхность нашей планеты, включая все, что воздвигнуто на ней, или покоится под ней. Теоретически это распространяется на все пространство безгранично вверх до неба, *usque ad coelum*, и вглубь до самого центра Земли, *usque ad orcum*. Таким образом, согласно доктрине обо всем, что добавляется или присоединяется к объекту собственности, а также доктрине о праве на произведенное имущество, понятие земли охватывает здания, деревья и прочую растительность, находящуюся на ней, а кроме того, полезные ископаемые, которые могут находиться в недрах земли. Если по земельному участку протекает вода, собственность на землю дает право ее использовать, однако постоянно действующего права собственности на эту воду не возникает. Право собственности предполагает использование» [3, §2].

Добавим к этому, что тот же автор говорит в отношении элементов, образующих землю, для того, чтобы составить более полное представление о содержании юридической концепции земельной собственности: «Термин «земля» в самом широком значении охватывает не только все составляющие твердого тела планеты Земля, но и все жидкости и газы, металлические и неметаллические вещества, находящиеся под поверхностью земли, слои почвы и подпочвы, располагающиеся, соответственно,

непосредственно на поверхности земли и под ней, а также сооружения на поверхности земельного участка постоянного и стационарного характера. Использующиеся в коммерческих целях ценные для человека твердые вещества, кристаллические породы, входящие в состав земли, а также жидкости и газы, которые не имеют определенной геометрической формы, в основном называются «полезными ископаемыми», что позволяет отделить их от почвы, подпочвы и прочих элементов термина «земля», не обладающих особой ценностью» [3, §3].

Экономисты уделяли мало внимания определениям земли, довольно опрометчиво удовлетворяясь, как правило, представлениями о ее тождественности силам природы. Тем не менее, в ряде случаев экономический анализ предполагает более глубокий уровень исследования, чем того требует правовой аспект, в рамках которого понятие земли сводится к наиболее узкому ее значению — к природным силам и результатам их функционирования; при этом к дарам природы относятся и те плоды человеческой деятельности, которые были созданы при помощи земли. Экономическая же мысль разграничивает дары природы и плоды человеческого труда. Так, экономист назвал бы дом или амбар капитальными благами, созданными человеком при помощи природы и исключил бы их из состава земли. С другой стороны, экономическая концепция не противоречит правовой в части включения полезных ископаемых, жидкостей и газов в состав земли; вода рассматривается так же, как часть земли, независимо от существования собственности на нее. Можно также отметить, что в значительной степени земля трактуется законом, исходя из целей экономического анализа, например, в области налогообложения.

Как уже утверждалось выше, экономист, как правило, использует термины «природные ресурсы» и «земля» как эквиваленты. Соответствующая экономическая концепция земли получила развитие адекватное выражению у профессора Альфреда Маршалла: «Под землей понимаются те вещества и те силы, которые природа неограниченно предоставляет в пользование человеку — почва и вода, воздух, свет и тепло» [2, ch. I, § 1, p. 138].

Поскольку понятие земли охватывает так много различных веществ и сил, она может быть разложена на составляющие элементы как с естественнонаучной, так и с юридической позиций. Так, Тидеман достаточно ясно отмечает: «В прежние времена, согласно закону, владельцу определенной площади земной поверхности принадлежало также все, находящееся под этой поверхностью на глубине до самого центра Земли. Сегодня, однако, поверхность земельного участка может быть юридически отделена от нижележащих слоев, и фактически число собственников может достигать количества соответствующих слоев почвы. В качестве объектов отдельных прав собственности могут выступать не только пласты почвы, но и различные виды полезных ископаемых, а также разные месторождения или залежи одного и того же полезного ископаемого. К примеру, одному человеку может принадлежать железная руда, второму — залежи свинца, содержащиеся в том же самом участке почвы, третье лицо вправе владеть определенным сегментом угольного пласта, а четвертая сторона — оставшейся частью этого же пласта, в то время как правом собственности на поверхность данного земельного участка никто из них может и не обладать» [3, §6].

Итак, вышесказанное должно навести нас на мысль, что форма контроля, подходящая для одного вида земли или сырья, не подойдет для другого; следовательно, необходима разработка некоей классификации земель. Фактически так оно и есть: классификация земель — первый шаг любого более или менее серьезного исследования земельной собственности после того, как мы сформулировали в общих чертах основные аспекты земельной собственности в рамках правовой и экономической концепций.

Разнообразие земель настолько велико, что исследовательский процесс неизбежно требует составления адекватной классификации. Отметим, что мы использовали термин «адекватный», а не «совершенная», поскольку цели, в которых используется земля, настолько разнообразны и многочисленны, что невозможно составить совершенную классификацию земель огромной страны, а тем более — всей планеты. Но классификацию, которую мы бы сочли адекватной для большинства теоретических и практических целей, мы можем также охарактеризовать как приемлемую, или «удовлетворительную», заимствовав этот термин у Уэйкфилда, так подробно исследовавшего «удовлетворительную цену» земли, упустив, однако, из виду необходимость дополнить свою теорию соответствующей классификацией. Однако то, что считается удовлетворительной классификацией для одного периода, перестанет быть таковой в другом. Фактически, мы можем однозначно утверждать, что, чем выше ступень экономической эволюции и чем интенсивнее земля используется, тем более развитой и полноценной должна быть классификация земель. Итак, экономическая концепция земельной собственности должна быть достаточно

широка, т.е. распространяема на все многообразие территорий; другими словами, концепция эта, должно быть, очень сложна. Если само определение не может охватить все множество признаков, характеризующих явление, то сопровождающее пояснение должно все прояснить.

Во второй части данной статьи земля выступает в качестве области научных исследований, но для начала необходимо уделить внимание вопросу классификации, поскольку существование разных видов земель предполагает разнообразие проблем, требующих поиска их разрешения; так что, фигурально выражаясь, мы лишь едва ступили на почву науки.

Принято считать, что о земле как таковой сказать можно сравнительно немного. Таково общее суждение, касающееся в том числе земельной политики. Тем не менее, дискуссия с позиций экономической теории дает нам возможность сформулировать некоторые обобщения, касающиеся земли как важной экономической категории, изучаемой наряду с капиталом, трудом и предпринимательскими способностями. Прежде чем обратить более пристальное внимание на вопросы, связанные с земельной собственностью, необходимо отметить кое-какие специфические характеристики земли, в особенности те из них, которые отличают ее от капитальных благ (или, чтобы избежать разногласий с некоторыми моими коллегами по данному вопросу, скажем, «от прочих капитальных благ»). Здесь мы по определению имеем дело с природными объектами, должны учитывать их неравномерное распределение, количественную и качественную ограниченность, недвижимость земли, ее относительную, а в некоторых случаях даже абсолютную, неизменность, и т.д. В нижеследующем тексте все это опущено, будучи уже достаточно хорошо изучено и общеизвестно.

Нельзя сказать, что в США абсолютно отсутствовала какая-либо классификация земель. Между районами, богатыми полезными ископаемыми, и прочими территориями различия проводились всегда, а Конституция исключила из сферы частной собственности судоходные воды.

В 1878 г. майор Дж.У. Пауэлл, побывав в экспедиции в Скалистых горах, в качестве главного геолога Федеральной геологической службы США, сделал ценный, можно даже сказать, эпохальный, «Доклад о землях засушливых регионов США». В своем докладе майор Пауэлл разграничил земли засушливых регионов и регионов с повышенной влажностью, установив приблизительную границу на уровне осадков в 20 дюймов, акцентировав при этом внимание на необходимости учета как количества осадков, так и их распределения. Он не привел классификации земель в регионах с повышенной влажностью, но выделил в засушливых регионах орошаемые земли, лесные участки и пастбища.

Президент Ван Хайз в своей книге «Охрана природных ресурсов» подразделяет земли на три группы, основывая свою классификацию на тех характеристиках, которые, естественно, привлекают внимание геологов. Им выделены следующие группы:

1. Зоны кристаллических и осадочных горных пород.
2. Равнины, плато и горы.
3. Территории, различающиеся в зависимости от природного покрова.

Исходя из сочетаний данных факторов — степени скалистости, возвышенности и характера покрова, он разделяет территорию Соединенных Штатов на восемь провинций:

1. Приатлантическая равнина и береговые равнины.
2. Древние восточные плато.
3. Горная цепь Аппалачей, горные плато Аллеганы и район Озарк.
4. Район Великих озер.
5. Прерии.
6. Великие равнины.
7. Скалистые горы и западные плато.
8. Тихоокеанский регион.

Однако, не располагая возможностью вступать в дискуссию по поводу этой и прочих классификаций, перейдем сразу к той классификации, которую сегодня интересно было бы обсудить как с экономической, так и с юридической точки зрения. Я предлагаю следующую классификацию, по поводу которой, надеюсь, будут получены критические замечания и предложения. Необходимо помнить, однако, сказанное мною выше: ни одна классификация не может являться исчерпывающе полной. Моя цель — предложить «достаточно адекватную» для начала XX в. классификацию, и, хотя она относится в большей степени к Соединенным Штатам, я думаю, что применение ее ко всем крупным странам вскоре станет возможным.

А. Классификация по критерию водоснабжения.

Это, несомненно, самая важная из всех классификаций, предполагающая, что мир рассматривается как единое целое:

I. Земли засушливых регионов.

1. Орошаемые земли.
2. Лесные участки.
3. Пастбища.
4. Неорошаемые обрабатываемые земли.

Это, по сути, классификация майора Пауэлла, включающая земли, на которых ведется неорошаемое земледелие, и каждый из данных видов земли можно разделить на свои подвиды, что является обязательным шагом при составлении программы земельной политики.

II. Территории, в орошении которых первостепенную роль играют атмосферные осадки, второстепенную — искусственная ирригация. Это регионы повышенной влажности.

Нижеследующая классификация в части пунктов B и C относится главным образом к территориям с повышенной влажностью, однако частично охватывает засушливые регионы. Прочие классификации также основываются на различных исследовательских позициях и очень широко применяются по отношению к обоим типам земли.

B. I. Нежилая территория.

II. Заселенные участки.

C. I. Земля, используемая для присвоения даров природы, находящихся под поверхностью земли. Здесь имеются в виду недра земли.

II. Участки, предполагающие присвоение или использование поверхности земли.

1. Земли, используемые для присвоения даров природы:
   a) естественные леса;
   b) природные пастбища;
   c) участки, имеющие на поверхности россыпные руды, прииски или месторождения полезных ископаемых.
2. Культивируемые земли.
   a) сельскохозяйственные участки, находящиеся в чьей-либо собственности;
   b) культивируемые искусственные леса.
3. Строительные площадки.
4. Автомагистрали.
   a) общего пользования;
   b) ограниченного доступа.
5. Прибрежные участки, в том числе объекты, владение которыми подразумевается правами собственника прибрежной полосы.
6. Земли, находящиеся под водой.
7. Воды:
   a) характеризующиеся стремительным течением потоки, ручьи, реки;
   b) водные объекты, в которых отсутствует сильное течение (пруды, озера, моря, океаны, и т.д.)

Другая классификация вод разделяет их на:

a) приливные воды;

b) неприливные воды.

D. I. Урбанизированная земля. Здесь разработка мудрой политики в отношении городских земель требует расширенной классификации. Приблизительная классификация такова:

1. Земля, используемая в коммерческих целях, которая, в свою очередь, подразделяется на:
   a) зоны оптовой торговли;
   b) зоны розничной торговли.
2. Промышленные зоны.
3. Жилые районы, которые, опять-таки, различаются степенью комфортабельности.
4. Рекреационные земли.

II. Сельские земли.

О них уже достаточно было сказано выше.

E. I. Земля, которая косвенно служит человеку посредством предоставления материальных продуктов, к примеру, сельскохозяйственные угодья.

II. Земля, непосредственно обслуживающая потребности человека.

1. Целинные рекреационные территории, например, земля, которую можно было бы приспособить для подобного использования, передав в частные руки, в Онтарио в Канаде. Но большая часть этой земли также принадлежит государству.

2. Искусственные парки, находящиеся в частной или в государственной собственности.
3. Участки земли, окружающие жилые дома и относящиеся к ним.

F. Классификация по признаку фактической и желаемой форм собственности.
I. Общественная собственность.
II. Частная собственность.
1. Индивидуальная.
2. Коллективная (к примеру, корпоративная).
III. Государственная собственность.
G. Классификация по признаку качества.
I. Земля первой категории.
II. Земля второй категории и т.д.

По мере роста населения и интенсификации процесса потребления категории качества должны возрастать. В такой стране, как США, должны, по-видимому, существовать гораздо больше тридцати категорий качества. Современная политика ограничения частной собственности на землю, как например, та, что проводится в Новой Зеландии, должна основываться на этой классификации. Цель земельного законодательства Новой Зеландии заключается в ограничении площади пашни, которая может находиться в собственности одного человека, до четырехсот акров земли первой категории. Очевидно, что ограничение площади территории без учета качества земли демонстрирует либо невежество, как в случае с американскими законами об участках поселенцев, либо отсутствие здравого смысла; и в обоих случаях результаты будут пагубны.

Эта классификация, как и все прочие, основывается на комплексном экономическом исследовании; теперь перед американцами встанут ответственейшие задачи защиты и развития земель, а также разработки программы земельной политики т.е. создания обязательных условий для нашего дальнейшего процветания и благополучия.

Теперь обратимся ко второй части нашего исследования, акцентирующей внимание на земельной собственности как области научных исследований. Здесь мы можем придерживаться различных точек зрения. У меня есть список, в котором перечислено более сотни тем, каждая из которых предлагает вниманию определенную исследовательскую область, и список этот можно расширять бесконечно. Возможно, формированию некоторого представления о масштабах и содер-жании исследовательских тем поможет их примерная классификация, составленная мною для студентов.

I. Проблемы терминологии.

Это преимущественно теоретические темы, но все они имеют свою практическую значимость. Профессор Феттер так высказался о термине «рента»: «Узкий смысл долгое время вкладывали экономисты в это понятие: доход, приносимый землей, и т.д. Рента противопоставлялась доходу в виде денежной процентной ставки, прибыли, приносимой капиталом, и заработной плате. Сегодня студенты, изучающие экономику, забыли это значение». Цель исследования, предлагаемого данной темой, — установить факты, свидетельствующие об эволюционных изменениях в использовании термина «рента» в нашей стране и в других странах и попытаться показать значимость использования данного термина. О своем понимании термина должны быть опрошены и рыночный торговец, и ученый. Использование термина «рента» в связи с преимущественными правами также служит темой исследования и входит в данный раздел.

II. Проблемы исторического характера.

Здесь, в свою очередь, можно выделить:

1. Темы, связанные с фактической исторической эволюцией: исследование порядка использо-вания земель разного качества; историческое развитие земельной политики в различных странах, например, в Англии, в Германии. Первым делом на ум приходят работы Штейна и Харденберга в Германии.

2. Темы, касающиеся истории развития теорий, например, такая тема: Что в сформулированной Адамом Смитом теории ренты прошло проверку практикой?

III. Прочие теоретические вопросы.

К ним относятся такие темы, как обычай и конкуренция и их влияние на арендную плату и цену земли, закон убывающей отдачи, сельскохозяйственная рента и понятие предельного земельного участка.

IV. Рациональное природопользование.

Кое-какая работа в этой области уже проведена, однако все же это немного по сравнению с тем, что еще предстоит сделать. Сюда относятся, например, такие темы: «Какого размаха достигнет

конфликт интересов между частным собственником земельного участка и обществом, если рассмотреть земельную собственность с позиций ее рационального природопользования?» «Каковы мероприятия по охране земли?» «До какой степени интересы нынешнего и будущих поколений противоречат политике охраны окружающей среды?»

V. Национализация земли.

Национализировать — означает сделать так, чтобы земля способствовала достижению целей общества во все возрастающих масштабах. Этого можно достичь с помощью установления государственной собственности, под которой подразумевается собственность народа, штата, города и т.д.

Социализм предлагает один план абсолютной национализации, а Генри Джордж со своим единым земельным налогом предлагает другой метод национализации. В рамках темы «Как следует «сочетать» государственную и частную собственность для того, чтобы наилучшим образом социализировать землю?» предлагается очень широкое поле для исследования.

Генри Джордж и его последователи много говорят о том, чтобы предоставить земли в пользование. Вполне заслуживает внимания мысль исследовать «неиспользуемые природные ресурсы» и попытаться развить теорию неиспользуемых земель. Сколько же на самом деле земли не используется и где она располагается? Эти вопросы следует рассматривать в отношении стран Старого Света, таких как Ирландия и Германия, а также более молодых стран, таких как США и Австралия. Что понимать под неиспользуемой землей во владении, и сколько таких случаев, когда земля пригодна для лучшего использования, чем ее текущее использование? Как мы можем использовать незастроенные городские участки? Каковы различные методы предотвращения чрезвычайного разрастания городов? Вот некоторые из вопросов, которые напрашиваются сами собой в отношении земельных владений, использование которых ограничено полностью или частично.

Национализация земли не означает провозглашения тотальной государственной собственности, поскольку находящаяся в частной собственности земля также может быть национализирована; и действительно, в цивилизованном обществе действуют различные силы, вектор которых, следуя логике социальных процессов, направлен на национализацию все большего и большего количества частных владений, и это касается не только земельной собственности.

VI. Налогообложение земельной собственности и другие государственные доходы от земли.

Этот важный раздел включает множество различных исследовательских направлений. Одно из них — полное или частичное освобождение от уплаты налога на землю, наводит на мысль еще об одной теме: до какой степени и при каких обстоятельствах желательно освобождать от налогообложения урбанизированные земли для того, чтобы стимулировать собственников сохранить открытый доступ к земле для заселения и предотвратить перенаселение?

VII. Земля и человеческий фактор.

Сюда входит множество тем, трактуемых совершенно неадекватно. Одной из таких тем является «Сельскохозяйственный труд». Каким образом следует обеспечить достаточное предложение сельскохозяйственного труда и выставить образ сельскохозяйственного рабочего в привлекательном свете? Материалом для исследования служат типы землевладельцев в деревне и в городе. Нам необходимо то, что называют «сельскохозяйственной лестницей». Каковы отдельные ступени этой лестницы, и как осуществить восхождение от одной ступени к другой?

VIII. Субституты свободных земель.

Мы знаем, как велика роль, которую играли свободные земли в развитии Соединенных Штатов. Сегодня свободная земля — исчезающее явление. Чем можно ее заменить? Свободная земля предоставляла право выбора для бессчетных тысяч жителей Соединенных Штатов и значительно расширяла границы производственных возможностей. Однако обществу сегодня вполне по силам создать даже лучшие возможности.

IX. Современная земельная политика, фактическая и предлагаемая.

Несомненно, легко назвать сорок — пятьдесят тем, которые попали бы под этот общий заголовок. Одна из главных тем, входящих в этот список, связана со средствами, которые заметно облегчают приобретение земли. Каковы условия для интенсивного развития собственности на землю? Разумеется, мы рассчитываем на получение правительственного кредита, на земельные

банки других стран и новые земельные банки в нашей стране. Одна из насущных практических проблем выявляется в ходе исследования различных мер развития совместной собственности в крупных городах, в которых земля настолько дорогая, что средний человек не может позволить себе частный дом с земельным участком. Отдельные квартиры в многоквартирных домах использовались в довольно ограниченных масштабах.

Серьезные процессы, имевшие место в таких странах, как Россия, Новая Зеландия и Ирландия, привлекли некоторое внимание, однако должным образом так и не были исследованы. Очень интересно и информативно проследить путь, которым следовала земельная политика в Новой Зеландии до тех пор, пока безусловное право собственности на недвижимость не стало преобладающим и стало очевидно, что лизгольд предназначен заменить общественную собственность. Ограничение прав собственности на землю и прогрессивное налогообложение в Новой Зеландии представляет большой исследовательский интерес.

Земельные реформы в Ирландии выглядят такой же привлекательной областью исследования, как и любые другие. Здесь мы наблюдаем, как одна земельная политика продолжает другую, а логическим завершением становится ограниченный фригольд, равновесная точка, которая вроде бы достигается тогда, когда человек, обрабатывающий землю, имеет то, что называется домовладением, а именно, участок земли, достаточный для того, чтобы обеспечить семье должный уровень жизни.

Приступая к исследованию прогресса земельной реформы, наблюдавшегося в перечисленных странах, мы оказываемся под впечатлением огромной сложности проблем, связанных с землей. Определенный успех был достигнут в каждой стране, но это потребовало соблюдения множества различных требований. В Ирландии простой обзор земель был и остается серьезным занятием. С целью повышения успешности земельной реформы предпринимались различные образовательные меры. Кооперация под руководством сэра Хораса Планкета играет свою роль в улучшении фермерских угодий. Поощряются различные отрасли промышленности. Проблема носит комплексный характер, поскольку жизнь сложна, и, приступая всерьез к решению земельных проблем, необходимо забыть о простых формулах и универсальных средствах. Я не припомню, скажем, чтобы во время исследования земельного вопроса в Ирландии упоминался единый налог.

Я хочу изложить несколько тезисов, которые следует воспринимать не как достоверные обобщения, а как обобщения, подлежащие проверке в ходе исследований.

Тезис I. Приоритет желания найти и присвоить богатство над стремлением создать его, относится к ранним, эксплуатационным этапам развития. В новой стране люди хотят найти нефть, или обнаружить золото, и в этом кроется огромная опасность деморализации. В Соединенных Штатах эта деморализация проявляется попытками социальных реформаторов отыскать и присвоить кое-что из уже имеющихся богатств. Мы живем в эпоху духовной эксплуатации, в равной мере затрагивающей частную и общественную жизнь. Мы ищем пути присвоения имеющегося богатства, вместо того, чтобы цивилизованно проводить реформы. Если выносится предложение о введении государственной собственности на телеграфную и телефонную связь, значит, среди нас есть класс людей, стремящихся заключить с обществом сделку, по условиям которой за эту собственность нужно будет заплатить цену меньшую, чем ее реальная стоимость.

Противопоставим этому условия в странах Старого Света, например, во Франции. Как недавно писал один из современников, — «Вся Франция трудилась в поте лица так долго, что богатство приобреталось только благодаря усердию и бережливости. Еще ни один француз не обнаружил на своем заднем дворе золотого рудника; никто и не надеется на это. Мы слишком переоцениваем такую удачу» [1, p. 637]. Не объясняется ли этим предложение Генри Джорджа о конфискации земельных ценностей без компенсационных выплат? В противоположность Генри Джорджу, Альфред Рассел Уоллес предлагал национализировать землю, но с выплатой компенсации. Необходимо упомянуть также о консерватизме английских фабианцев-социалистов по отношению к существующим собственникам.

Вообще говоря, используя имеющиеся учреждения, институты и законы, мы можем спровоцировать любые желаемые изменения посредством последовательных конституционных процедур. Закрепленные права, экономическая справедливость и социальный прогресс могут сочетаться.

Тезис II. В процессе развития земельной политики равновесная точка достигается лишь при переходе к фригольду. Это доказано историей землевладения в России, Ирландии, Новой Зеландии и Соединенных Штатах.

Тезис III. После перехода к фригольду начинается заметное развитие социальной стороны частной собственности. Находящаяся в частной собственности земля все в большей степени обобществляется. Мы проследили несколько этапов этого обобществление в Новой Зеландии. По-видимому, как в городе, так и в деревне хорошо развилось прогрессивное налогообложение и появилась эстетическая направленность.

Тезис IV. До тех пор, пока большая часть земли не будет возделываться ее владельцем, о достижении долговременного общественного порядка говорить нельзя. Чтобы воцарились мир и процветание, владелец фермы, обрабатывающий землю, должен стать преобладающим типом собственника в стране, а частная собственность на дома — распространиться повсеместно. Арендование собственности должно существовать всегда, но не должно стать преобладающим. Арендование выполняет две главных цели: во-первых, оно является ступенькой на лестнице, восходящей к частной собственности; во-вторых, — служит целям тех, кому в личных интересах и в интересах общества лучше быть не собственником, а арендатором под чьим-то мудрым руководством.

Тезис V. Требуется значительная доля государственной собственности на землю как в городе, так и в деревне. Это доказано мировым опытом. Определенные классы земли должны находиться в государственной собственности, например, лесные угодья, территории с месторождениями ценных полезных ископаемых, прибрежные зоны. Исследования помогут сформулировать некоторые приблизительные представления о допустимой степени участия государства и наиболее эффективном способе государственного управления.

Можно сформулировать еще много других тезисов, но для целей настоящей статьи этого вполне достаточно.

В данной статье намечены контуры решения масштабной задачи, обладающей практической и теоретической важностью. Нет никаких причин, которые бы помешали исследователям заняться данной проблемой, каковы бы ни были их предубеждения. Если сторонники единого земельного налога убеждены в справедливости своей позиции, они будут скорее поощрять научные исследования, чем препятствовать им, и приветствовать любое научное открытие. В конце концов, в данной статье содержатся пункты, по которым автор соглашается со сторонниками единого земельного налога. Пишущий эти строки убежден, что мы должны быть признательны Генри Джорджу. Нет необходимости говорить о его увлеченности исследованием публичных благ, о цельности его натуры, об искренности его намерений; все это его общепризнанные заслуги. Полагаю, Генри Джордж заслужил признание, потому что он привлек всеобщее внимание к земельному вопросу, придав ему первостепенную важность. Безусловно, развитие общества требует решения этой серьезной экономической проблемы XX в. Генри Джордж сосредоточил внимание на приросте дохода, пусть даже он видел лишь малую часть этого прироста. Ни этой теме, ни теме, посвященной различиям между производственными и непроизводственными доходами, по-видимому, не дано иссякнуть в ходе дискуссии.

Важнейшее мероприятие, крайне необходимое сегодня, — это комплексное экономическое исследование земель, которое потребует самого тесного сотрудничества и послужит для национального правительства, правительства штатов и частных инвесторов возможной сферой приложения финансовых ресурсов. Нельзя придумать лучшего использования для средств, выделяемых на специфические научные исследования, чем исследование проблематики, представленной вниманию читателя в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bullard A.* Our relations with France // Atlantic Monthly. 1916. November.
2. *Marshall A.* Principles of Economics. Bk. IV. London: Macmillan and Co., Ltd., 1910.
3. *Tiedeman C.* An elementary treatise on the American law of real property. St. Louis: F.H. Thomas, 1892.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕССИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ В 20–30 ГОДЫ XX ВЕКА

ЕРОХИНА О.В.
кандидат исторических наук, доцент,
Урюпинский филиал Волгоградского государственного университета,
e-mail: erohina1@mail.ru;

ТОКУНОВА Г.Ф.
кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
e-mail: tgf_1608@mail.ru

В статье рассмотрены особенности концессионной политики России в 20-30 гг. XX в., показана роль иностранного капитала в развитии страны. Авторами раскрываются причины, препятствующие развитию концессий, и анализируются нормативные документы, регламентирующие данный процесс. Детально представлены особенности строительных концессий. Указывается на основные отличия данных концессий от аналогичных в других отраслях промышленности.

Ключевые слова: концессии; иностранный капитал; концессионный договор; строительная отрасль; иностранная техническая помощь.

In this article the authors study the concession policy of Russia in 20-30th of the 20th century. The role of the foreign investments in country development is shown. In the given article the authors reveal the reasons originally interfering development of concessions. The authors give the analysis and characteristic features of the normative documents regulating the given process. The authors cite the main distinctive features of the analyzed concessions in comparison with the similar ones which are present in other branches of industry.

Keywords: concession; the foreign investment; the concession contract; construction industry; the foreign technical help.

Коды классификатора: JEL: F21, G18, N60, O14.

TERRA ECONOMICUS ✧ 2011 Том 9 № 2

Интеграция России в мировое экономическое пространство требует поиска новых инструментов активизации данного процесса. Одним из них является образование концессий[1], которые могут удовлетворить потребность российской экономики в инвестициях и новых производственных мощностях. Наша страна на сегодня имеет огромный потенциал для развития инвестиционно-строительной деятельности на основе концессий. Эффективность данного процесса подтверждается как современной зарубежной практикой, так и историческим опытом самой России.

Попытка привлечь иностранный капитал в виде концессий в нашей стране предпринималась дважды. Впервые она была использована во второй половине XIX — начале XX вв., что привело к

[1] Впервые термин «концессия» был дан Л.С. Талем в 1915 г. По его мнению, концессия — соединение административного акта — элемента привлекательной и публичной службы — с частично-правовым договором, устанавливающим имущественные права и обязанности сторон [23]. Позже это понятие было раскрыто В.И. Лениным: «Под концессией подразумевается предоставление во временное пользование представителям иностранной промышленности лесных, водных или земельных участков с находящимися на них или в их недрах естественными богатствами для хозяйственного использования этих богатств с правом привлечения рабочей силы населения (в отдельных случаях без этого права), а также с правом пользования государственными путями сообщения, портами, электрическими сетями, почтой, телеграфом и другими учреждениями общего пользования» [11, с. 36].

© О.В. Ерохина, Г.Ф. Токунова, 2011

превращению России в промышленно развитую страну. Перед революцией общий объем иностранного участия в экономике составлял около 2 млрд руб.[2] Политикой государства предусматривался частичный ввоз оборудования из-за рубежа, что было на тот момент эффективней его производства на собственной территории.

Во второй раз она была применена в 20-е гг. XX в. для восстановления разрушенного гражданской войной народного хозяйства. Хотя вопрос о предоставлении концессий иностранному капиталу поднимался в 1917/18 гг., так как Первая мировая война и октябрьский переворот 1917 г. резко изменили политику государства и экономическую ситуацию в стране. 29 июля 1918 г. были сформулированы «Тезисы об условиях привлечения иностранного капитала в товарной форме», которые выполняли функцию инструкции для ведения переговоров с иностранцами [24, с. 345–346]. Однако, в течение 1917–1919 гг. существенного оживления концессионной деятельности не наблюдалось. Одной из причин было то, что в условиях «военного коммунизма» невозможно было реализовать указанную политику. Кроме того, иностранный капитал не спешил вкладывать свои средства в российскую экономику, так как существовавшая в РСФСР административная система управления народным хозяйством была не в состоянии обеспечить иностранным инвесторам эффективное функционирование вкладываемых капиталов.

К 1920 г. промышленность СССР достигла максимального падения и, несмотря на то, что в ней было занято 43% довоенного состава рабочих, объем производства составлял лишь 18% довоенного уровня [3, с. 7]. К тому же Россия находилась в состоянии разрыва хозяйственных связей, отсутствия инвестиций, гиперинфляции, разрушающейся кредитно-денежной системы и т.д. Как отмечал русский экономист-эмигрант С.Н. Прокопович, в Советской России шел процесс «проедания» оборотного капитала промышленности — топлива, сырья, запасов изделий и т.д. [2, с. 71]

Ситуация изменилась лишь в 1920 г., когда после окончания гражданской войны и военной интервенции Совнарком смог вернуться к рассмотрению концессионного вопроса. Появление Декрета СНК РСФСР от 23 ноября 1920 г. «Об общих юридических и экономических условиях концессий»[20, с. 260] свидетельствовало о стремлении советского руководства привлечь иностранный капитал и зарубежный опыт, чтобы «черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = $\sum$ = социализм»[17, с. 550].

В декрете, кроме особых условий деятельности концессионных предприятий, говорилось о роли иностранного капитала в процессе восстановления производительных сил России. Одновременно было принято решение об издании декрета отдельной брошюрой и на иностранных языках [14].[3]

Предоставление концессий иностранным предпринимателям давало возможность решить многочисленные экономические и политические вопросы. С экономической точки зрения власти надеялись, используя иностранные инвестиции, восстановить и технически модернизировать предприятия, разрушенные в ходе гражданской войны и интервенции. Политическое значение концессий состояло в том, чтобы устранить внешнюю угрозу и наладить отношения с иностранными фирмами, что вело к признанию РСФСР зарубежными государствами.

В. Смушков отмечал: «Сдавая предприятие в аренду на концессии, мы заставляем капитал служить себе, пользуясь средствами иностранных капиталистов для восстановления крупной промышленности и всего хозяйства страны»[21]. С ним был согласен В. Бутковский, считавший, что «капитализм становился на время кредитором социализма»[3, с. 17].

На основе заранее разработанного и заключенного на определенный срок договора иностранный капиталист получал право строить и эксплуатировать какое-либо предприятие или разрабатывать те или другие естественные богатства страны, извлекая от своей работы прибыль в период действия концессии. По окончании срока концессионного договора концессия переходила в руки государства в вполне исправном виде. Таким образом, концессии кроме вложения капитала решали проблему модернизации и накопления производственных фондов.

В Советском Союзе были определены четыре концессионные формы деятельности иностранного капитала: «чистая» (весь капитал принадлежит иностранному капиталисту), «смешанная» (иностранный капиталист и советский трест совместно в одном акционерном обществе эксплуати-

[2] Точных размеров установить невозможно. Исследователи приводят различные данные. Так, Л.Г. Ляндау называет 1 млрд 436 млн 869,3 тыс. руб., А.Г. Донгаров — 2007 млн руб., П.В. Оль — 2 млрд 242 млн 974,6 тыс. руб., В. Бутковский — 2005 млн руб. [12, с. 8–9; 6, с. 21; 16, с. 6, 10; 3, с. 12–13].

[3] В 1921 г. декрет был переиздан в Петрограде. Брошюра была дополнена статьями советских деятелей по этому вопросу и опубликована на немецком языке в журнале «Russische Korrespondenz» № 1–2 1921 г. Всего было издано 250 экземпляров.

руют какое-либо предприятие или разрабатывают естественные богатства), кредитно-подрядная (подрядно-строительная), договор технического содействия [8, с. 14].

Со стороны государства осуществлялось как прямое, так и косвенное регулирование концессий. Прямое регулирование достигалось посредством заключения двустороннего концессионного договора, надзорные функции возлагались на различные государственные структуры. Непосредственное руководство компанией оставалось за концессионером. Однако советские власти могли осуществлять косвенный контроль за деятельностью концессий через профсоюзы и рабочерасценочные комиссии.

Вместе с тем, как отмечал В. Смушков, вначале «почти все концессионные предложения носили случайный и отчасти спекулятивный характер» [21]. Факторы нежелания вкладывать средства в развитие российской экономики заключались: в неопределенном положении иностранцев в стране, отсутствии хороших условий для деятельности, недоверии к советскому правительству, неразрешенному вопросу о прежних владельцах. К тому же «если была возможна национализация раз, то она может повториться» [22, с. 260].

Перед Гаагской конференцией 1922 г.[4] Л. Красин предложил вернуть иностранцам до 90% национализированной после революции собственности в форме долгосрочных концессий. Этот год стал переломным в концессионной практике Советской России. Так, до середины 1922 г. поступило всего 122 предложения, но к концу года их было уже 210. Иностранные предприниматели стали ежегодно выдвигать предложения участия в экономике России. Всего с 1922 г. по ноябрь 1927 г. поступило от различных иностранных государств 2212 предложений о создании концессий в разных отраслях народного хозяйства. Германия лидировала по предложению участия в концессиях (526 предложений). Это объяснялось тем, что страна в результате Версальского мира лишилась своих колоний и вместе с ними и рынков сбыта, а так как рынки запада были закрыты, то Россия оставалась единственной открытой страной. Второе место занимала Англия (223), третье место отводилось США (205). К концу 1928 г. было подано уже 2200 концессионных предложений для создания компаний с участием иностранных компаний [3, с. 40–45].

Концессионные предприятия создавались в различных отраслях промышленности: горнодобывающей, обрабатывающей, строительной, промысловой, сельскохозяйственной, лесной и торговой, на транспорте и связи. В отличие от концессий в других отраслях народного хозяйства строительные концессии ставили своей основной целью привлечение технических достижений в отрасль. Вопрос о необходимости привлечения в область строительства частного капитала в виде концессий был поднят в мае 1923 г. При этом обращалось внимание, что «ввиду слабой платежеспособности русского населения, при передаче концессий возможно рассчитывать только на иностранный капитал» [5, с. 233]. Вместе с тем указывались вопросы, которые поднимались иностранцами: создание правовых условий, закреплявших за строителями возможность ограниченной эксплуатации строений, обеспечение затраченного капитала русскими платежными средствами, право на равную затраченной при постройке сумму закупки сырья, разрешаемого НКВТ к вывозу из-за границы, беспошлинный ввоз в Россию необходимого для постройки материала, машин, оборудования и др. [19, с. 234]

Иностранные предприниматели привлекались для решения следующих проблем: проектирования зданий и сооружений, которые не могли быть освоены отечественными специалистами; организации строительных работ как при постройке единичных сооружений, так и в массовом строительстве; производства строительных материалов и сборных конструкций, строительных машин, оборудования и инвентаря, их элементов или ввоза их из-за границы; финансирования как нового строительства, так и эксплуатационных затрат готовых объектов [25, с. 110–112].

Специфическими формами привлечения иностранного капитала и иностранной техники в строительство были: во-первых, концессии на право строительных работ; во-вторых, разрешение иностранным фирмам открывать свои конторы в СССР; в-третьих, концессии на эксплуатационное жилищное строительство.

При организации концессии с советским правительством заключался подрядно-строительный концессионный договор. Перед подрядчиками-концессионерами ставилась основная задача — применять новейшие технические усовершенствования, принятые за границей в строительном деле,

[4] Международная финансово-экономическая конференция в Гааге (Нидерланды), состоявшаяся 15 июня – 19 июля 1922 г. по решению Генуэзской конференции. Основными делегатами на ней были представители деловых кругов. На конференции должны были обсуждаться претензии капиталистических стран к Советскому государству, связанные с национализацией собственности иностранных капиталистов и аннулированием долгов царского и Временного правительств, и вопрос о кредитах Советской России.

механизировать процесс производства строительных работ, удешевлять и качественно улучшать производимое ими строительство.

Для повышения эффективности строительства крайне необходимо было изучить зарубежный опыт организации строительства и обучения новым технологиям. «В строительном деле иностранному капиталу, и в особенности идущей вместе с ним иностранной технике, должно быть у нас представлено надлежащее место», — отмечал М. Япольский, — так как «без энергичнейшего усвоения иностранной строительной техники не может быть и речи о разрешении задачи снижения стоимости построек, ускорения темпа строительства и повышения его качества. Работа самоучкой обойдется чересчур дорого, и плоды ее обнаружатся слишком поздно» [26, с. 713].

Считалось, что наиболее эффективным будет наглядный способ изучения современных особенностей строительного производства, причем на территории СССР, чтобы учесть его специфику. Именно поэтому необходимо было привлечь иностранные фирмы для работы в СССР.

Финансовая составляющая также была не менее важна. Необходимость концессий Н. Давиденковым была обоснована следующими данными: в 1923 г. на дорожное строительство государством было выделено 2,5 млн золотых рублей, в то время как стоимость неоконченных работ составляла около 200 млн руб. При таких размерах государственного финансирования строительства завершение работ ожидалось лишь через 80 лет. Кроме того, выделялись деньги на водное строительство — 1,5 млн руб., на гражданское — 2,4 млн руб., на электроустройство — 3,4 млн руб. [4, с. 2–4]

В середине мая 1926 г. управляющий делами ГКК при СНК СССР М. Скороходов констатировал малочисленность иностранного капитала в строительной отрасли. Почти все поступавшие предложения исходили от германских фирм, но они не были реализованы из-за отсутствия у них свободных денег. Он также указал причины отсутствия интереса к строительным концессиям: загруженность иностранных строительных организаций работами в своих государствах по восстановлению разрушений от военных действий (Франция, Бельгия) и по выполнению широко развернувшихся строительных планов (Англия, САСШ), недостаток капиталов (Германия, Австрия); недостаточная осведомленность об условиях и возможностях деятельности по строительству в СССР; высокая плата, устанавливаемая местными органами при отводе под застройку земельных участков, и иные высокие требования с нашей стороны [15, с. 244].

В целях усиления производства строительных работ на территории СССР и применения в строительном деле достижений иностранной техники 25 мая 1926 г. было принято постановление СНК СССР «О льготных условиях допущения иностранного капитала к производству строительных работ на территории СССР» [10, с. 252]. Иностранным строительным фирмам были предоставлены следующие права: участвовать в соревнованиях на получение подрядов на строительные работы, беспошлинно ввозить и вывозить машины и инструменты, устраивать подсобные мастерские и сооружать новые предприятия для производства строительных материалов, привлекать из-за границы высококвалифицированных рабочих и технический персонал, заключать договоры застройки на земельные участки в городах и внегородских местностях.

Разрешения Главконцескома (ГКК) предоставлялись иностранной фирме либо в виде: а) права ведения переговоров с государственными, кооперативными и другими хозяйственными организациями о заключении определенных подрядных договоров с тем, что эти договоры вступают в силу после их одобрения ГКК; б) права осуществлять эти подрядные договоры, одобренные ГКК [26, с. 713–716]. В случае если подрядный договор касался особенно крупного объекта и если он предусматривал обязанность подрядчика финансировать выполнение этого подряда в течение длительного срока на принципах долгосрочного кредита, такой договор мог оформляться как концессионный договор правительства с иностранной фирмой.

Главное обязательство концессионера — ввезти в СССР определенный капитал, в денежной форме или в виде строительных машин. Допускался беспошлинный ввоз машин без оплаты лицензионного сбора, но они должны были предназначаться исключительно для работы в концессионном предприятии и не могли в течение действия договора продаваться или вывозится за границу. Еще одно условие касалось имущества концессионера. Оно должно быть не ниже обусловленного в договоре минимального капитала предприятия. Обязательство инвестирования капитала имело двоякое значение, обеспечивая привлечение в страну некоторого количества технических средств и обеспечивая наличие в стране определенного материального фонда, гарантирующего обязательства концессионера-подрядчика перед его заказчиками и служащего определенным залогом.

Договор ограничивал объем производимых подрядных работ, которые могли быть одновременно взяты на себя концессионером, который не мог быть больше двенадцатикратного размера концессионного предприятия.

В отличие от промышленных концессий, непременным условием которых являлся безвозмездный переход к правительству по окончании срока концессии всего основного имущества предприятия (т.е. строений, машин, оборудования, инвентаря), концессии на производство строительных работ оставляли в собственности концессионера машины и другой инвентарь предприятия. Это имущество по окончании концессии могло быть вывезено или с разрешения правительства продано. Концессионер-строитель не обязан был накапливать амортизационный фонд, проводить замену изношенного оборудования и сдавать правительству в конце действия договора неиспользованную часть этого амортизационного фонда, что являлось обязанностью концессионера-промышленника. Это было обусловлено тем, что в промышленных концессиях цель правительства — получить в свои руки действующее предприятие; при строительной концессии само предприятие не имело значение, важность представляли результаты его работы.

Условия функционирования строительных концессий оказывали влияния на сроки их существования. Концессионеру-строителю не надо было погашать затраты на основное имущество предприятия, как это приходилось делать концессионеру-промышленнику, в чьи обязательства входила безвозмездная передача предприятия правительству в конце действия договора. Срок строительно-подрядной концессии составлял примерно 8–10–12 лет.

В обязательство концессионера-строителя, сформулированное в договоре в декларативных выражениях, входило применение в своих работах новейших достижений техники. Однако, чтобы получить заказ данное условие должно было быть обстоятельно выполнено.

Что касается строительных материалов, то договор не давал права концессионеру ввозить их из-за границы; единичные разрешения на ввоз предоставлялись в исключительных случаях Наркомторгом, если их нельзя было приобрести в Советском Союзе. Ограничения были и в отношении рабочей силы. Иностранный предприниматель не мог принимать на работу иностранцев более 15–20% от общего числа занятых на предприятии.

Деятельность концессионера облагалась налогами в соответствии с налоговой политикой СССР. Наряду с налогами концессионер обязан был уплачивать правительству особое долевое отчисление с оборота в размере 3%, либо с прибыли. Чистая прибыль могла вывозиться за границу в иностранной валюте не менее чем в 16% [1, с. 256].

Крайне желательным было привлечение фирм-подрядчиков, специализированных на массовом стандартном строительстве жилых домов. В первую очередь рассматривались методы организации строительства в Германии, где втечение ряда лет показало свою успешность массовое строительство. Типовой договор о концессии на строительство и эксплуатацию жилых домов предоставлял иностранному капиталисту благоприятные условия для использования сложившейся выгодной конъюнктуры в области жилищного строительства.

В отношении пользования строительным оборудованием и его ввоза из-за границы концессионер-застройщик имел те же льготы, что и концессионер-подрядчик.

Одним из основных обязательств концессионера застройщика являлось обязательство инвестировать в СССР капитал, минимальный предел которого фиксировался в концессионном договоре. Этот инвестированный концессионером минимум капитала должен был оставаться в СССР в форме принадлежащих концессионеру прав застройки, оборудования, наличных денег и т.п. на весь срок, в течение которого концессионеру разрешалось заключать договоры застройки; средства сверх этого минимума могли переводиться концессионером как в страну, так и за ее пределами в любое время.

В течение всего периода деятельности концессий российскими специалистами пристально анализировались, детально изучались и критически осмысливались строительные технологии, подбор оборудования и организационные вопросы, применяемые иностранными коллегами [13]. Кроме того, широко использовался труд привлеченных иностранных высококвалифицированных специалистов в организации промышленности. Так, по постановлению от 2 августа 1928 г. Политбюро ЦК ВКП (б) в 1929–1930 гг. планировалось пригласить от 1 до 3 тыс. иностранных специалистов [18, с. 222–225].

Однако уже с 1927 г. концессии стали сворачиваться. В июне этого же года СНК СССР было принято решение создать комиссию[5] под председательством заместителя наркома РКИ СССР А.Я. Яковлева для выработки проекта постановления по концессионной политике государства [18, с. 223]. 26 февраля 1930 г. на встрече с германским послом Г. фон Дирксеном заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов заявил: «Наша заинтересованность в большинстве кон-

[5] В ее состав входили зам. председателя ВСНХ СССР М.Л. Рухимович, член коллегии НКИД Б.С. Стомоняков, зам. председателя ГКК В.Н. Ксандров, нарком торговли СССР А.И. Микоян.

цессий значительно уменьшилась. <…> Концессионеры принесли нам большие разочарования. <…> Концессионный сектор индустриализации значительно отстает от наших собственных темпов строительства и вместо положительного фактора получился отрицательный, замедляющий и тормозящий выполнение нашей пятилетки» [9, с. 112-113]. В этот же день М.М. Литвинов сообщил об этом разговоре полномочному представителю СССР в Германии Н.Н. Крестинскому [7, с. 171]. В 1937 г. Главконцесском был ликвидирован.

Доля иностранных специалистов, работающих в России, с 1931 г. также постепенно начала уменьшатся, ведь роль, которая на них возлагалась, была выполнена и отечественные специалисты, фактически прошедшие стажировку под руководством иностранных коллег, могли работать самостоятельно, учитывая в работе политические и экономические особенности советского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитическая записка начальника управления государственными налогами НКФ СССР в ГКК при СНК СССР о порядке обложения подоходным налогом концессионеров-застройщиков // Концессии в жилищном строительстве, коммунальном и транспортном хозяйстве России и СССР. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. 735 с.
2. *Булатов В.В., Загорулько М.М.* Водная магистраль Волга-Дон–Азовское море. Нереализованные концессии. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. 188 с.
3. *Бутковский В.* Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М., Л.: Госиздат, 1928. 123 с.
4. *Давиденков Н.* Прошлое и будущее нашего государственного строительства // Строительная промышленность. 1923. № 1. С. 2–4.
5. Докладная записка отдела коммунального хозяйства Моссовета в президиум Моссовета о работе в области привлечения частного капитала в коммунальное строительство // Концессии в жилищном строительстве, коммунальном и транспортном хозяйстве России и СССР. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. 735 с.
6. *Донгаров А.Г.* Иностранный капитал в России и СССР. М.: Междунар. отношения, 1990. 164 с.
7. Дух Рапалло. Советско-германские отношения. 1925-1933 / Под ред. А.Г. Севостьянова. Екатеринбург, М.: Научно-просветительский центр «Университет», 1997. 286 с.
8. *Загорулько М.М., Булатов В.В.* Наркомземовские концессии. Сельское хозяйство и водные промыслы. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 480 с.
9. Запись беседы заместителя наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова с послом Германии в СССР Г. фон Дирксеном // Документы внешней политики СССР. Т. XIII. М.: Госполитиздат, 1967.
10. Концессии в жилищном строительстве, коммунальном и транспортном хозяйстве России и СССР. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. 735 с.
11. *Ленин В.И.* Тезисы о концессиях. 25.03.1920 г. // Ленинский сборник XXIV. М.: тип. «Печат. Двор», 1933. 313 с.
12. *Ляндау Л.Г.* Иностранный капитал в дореволюционной России и в СССР. М.; Л.: Гос. изд., 1925. 58 с.
13. *Меерович М., Хмельницкий Д.* Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Вестник Евразии. 2006. № 1 // http://www.eavest.ru/ magasin /artikelen/2006-1_mee.htm.
14. О концессиях. Декрет Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1920 г. Текст декрета. Объекты концессий. Карты. М.: Госиздат, 1921. 23 с.
15. О мерах и формах привлечения иностранного капитала к строительству на территории СССР // Концессии в жилищном строительстве, коммунальном и транспортном хозяйстве России и СССР. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. 735 с.
16. *Оль П.В.* Иностранные капиталы в России. Пг.: Изд-во Всесоюз. Акад. наук, 1922. 35 с.
17. План статьи «Очередные задачи Советской власти» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
18. Постановление Совнаркома СССР по отчету Главконцесскома за 1925/26 год // Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. В 2 ч. М.: Институт российской истории РАН, 2006. Ч. 1. 385 с.
19. Протокол заседания при секретариате московского губернского экономического совещания по вопросу о сдаче в концессию под застройку одного из пригородов Москвы // Концессии в жилищном строительстве, коммунальном и транспортном хозяйстве России и СССР. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. 735 с.
20. Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920 / Предисл. Д. Курский. М.: 34-я тип. М.Г.С.Н.Х., 1920. 268 с.

21. *Смушков В.* Экономическая политика СССР. М.: Пролетарий, 1925. // www.fintrest.ru/politekonomia.htm.
22. Справка отв. сотрудника НКИД Б.Е. Штейна (к докладу Г.Е. Зиновьева на XIII съезде РКП (б). Вопрос о возможности привлечении иностранных капиталов в СССР // Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. В 2 ч. М.: Институт российской истории РАН, 2006. Ч. 1. 385 с.
23. *Таль Л.С.* Концессионные договоры городских общественных управлений // Вестник гражданского права. 1915. № XI–XII.
24. *Шишкин В.А.* Протоколы СНК РСФСР 1918-1920 гг. как источник по истории советской концессионной политики // Исторические записки. Т. 88. 1971. С. 336–361.
25. *Япольский М.* Иностранные фирмы и строительство СССР // Строительная промышленность. 1926. № 6–7. С. 110–112.
26. *Япольский М.* Концессии в строительном деле // Строительная промышленность. 1927. № 10. С. 713–716.

ИДЕЯ И КОНЦЕПТ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОКРИТИКИ

В.П. МАКАРЕНКО
доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: vpmakar@aaanet.eu

Работа направлена на разработку теории политической критики. Для выполнения этой задачи, автор рассматривает исторические, теоретические и философские предпосылки национальной самокритики. Теория социальной критики М. Уолцера анализируется как философское и теоретическое основание национальной самокритики. Автор предлагает добавить к этой теории концепции, разработанные Ж. Бенда (радикальный дуализм между нацией и критиком), Р. Борна (необходимость критической дистанции), М. Бубера (внутренняя критика путем уточнения понятия народности, этнической принадлежности и национализма), Антонио Грамши (позиционная война с обыденной жизнью), С. де Бовуар (феминистская критика) и др. Теория национальной самокритики, по мнению автора, должна способствовать освобождению от "религиозно-мистического национального эгоизма".

Ключевые слова: метафора "родины", европейский и русский национализм, национальная самокритика, типы политической критики.

The paper seeks to develop a theory of political criticism. To accomplish this task, the author analyzes the historical, theoretical and philosophical premises of national self-criticism. The M. Walzer's theory of social criticism is analyzed as a philosophical and theoretical foundation of national self-criticism. The author proposes to add to this theory the concepts developed by J. Benda (radical dualism between the nation and critic), R. Bourne (the need for critical distance), M. Buber (domestic criticism by clarifying the concepts of nationality, ethnicity and nationalism), Antonio Gramsci (trench warfare with everyday life), Beauvoir S. (feminist criticism), etc. The theory of national self-criticism, in author's opinion, should facilitate the release from «religious-mystical national egotism.»

Keywords: metaphor of the «motherland», European and Russian nationalism, national self-criticism, the types of political criticism.

Коды классификатора JEL: Z13.

Странная любовь

В известном стихотворении М. Лермонтов назвал свое отношение к родине «странной любовью». Из этой любви он исключил старину, славу и покой, т.е. официальную политическую историю России. Взамен поэт испытывал отраду при восприятии русской природы и этнографических свойств «пьяных мужичков». Правда, это не помешало Лермонтову – в качестве поручика Тенгинского полка — принимать участие в завоевании Кавказа. Никто ведь не мешал ему бежать за пределы «немытой России» и досягаемости «голубых мундиров» по примеру казачьего атамана Некрасова или своего современника Печерина…

«Россия, — пишет Эдуард Саид, — обрела свои имперские земли исключительно за счет соседей. В отличие от Британии и Франции, которые прыгнули на тысячи километров от своих границ на другие континенты, Россия проглатывала все земли и народы, прилегавшие к ее границам, которые таким образом расширялись все дальше на восток и юг» [23]. Значит, даже образ «милого севера» — в отличие от опасной «южной стороны», куда несутся «тучки небесные» (в другом стихе Лермонтова), — навеян территориальной экспансией. Значит, лермонтовский конфликт между

© В.П. Макаренко, 2011

ощущением русской природы и восприятием русской державы в чувстве родины является мнимым. И не отменяет факта: поэт участвовал в «проглатывании» южных земель и народов. Здесь его поведение было банальным. Абсолютное большинство русских/советских писателей славословили территориальные захваты Российской империи, затем СССР [28]. Многие отечественные публицисты продолжают дуть в ту же дуду [35].

Правда, есть приятные исключения. Примерно столетие спустя после Лермонтова В. Набоков отказался даже от своего русского имени и языка — начал писать на английском. Такова была его реакция на одно из ключевых событий политической истории СССР: заключение договора Сталин–Гитлер. О России можно только «выть» от горя, муки и стыда за ее политику. Так определил чувство родины эмигрант В. Набоков. Простить этот вой нельзя ни вождям страны, ни ее верноподданным [9].

Могу привести еще ряд аналогичных сентенций. Но лучше оттолкнусь от факта: «странная любовь» к царской природно-этнической России спустя столетие преобразовалась в «вой» от событий советской политической истории. Как изучать природу этой трансформации?

Исторические предпосылки

Напомню, что для политической концептологии исходной является процедура дистанцирования исследователя от реальных политических процессов, систем и коньюнктуры, поскольку реальная политика в большинстве случаев является реализацией абсурда. Проблема сводится к детальному описанию всех аспектов данного абсурда с помощью корпуса социогуманитарных и политологических знаний [14].

Оттолкнусь от *противоположности* между европейским (естественным) и русским (неестественным) национализмом. Ее описал Кшиштоф Помян в книге «Европа и ее нации» [39].

Естественный европейский национализм генетически связан с христианством, которое почти три столетия было преследуемой религией. При Константине христианство стало государственной религией, взяв на себя роль прежних языческих культов. Деление на Восток и Запад, на Север и Юг сложилось внутри Римской империи. Раньше Священная Римская Империя была языковой и экономической единицей, в которой греческие провинции были богаче римских. Во всех случаях речь шла о противопоставлении варварства и цивилизации. После превращения христианства в государственную религию возникло деление на духовную и светскую власть. Раздвоение власти императора на духовную и светскую было навязано соображениями обороны, но оно придало военно-политическое измерение двойственности Империи. Теория разделения власти на духовную и светскую обусловлена стремлением сделать убедительной новую идею: государство отличается от индивидов, которые его персонифицируют и ему служат. В итоге государству был приписан статус невидимого, постоянного и успешно действующего бытия. Так с помощью идеи бога была санкционирована автономия государственной бюрократии.

В Новое время Пьер Бейль разработал концепт иного типа государства по сравнению с христианской империей. Он назвал это государство «республикой ученых». Это страна свободы, поскольку свобода тождественна самостоятельности и независимости индивида от любого партикуляризма, случайности и локальности. Гражданином такой страны можно стать только по собственной воле, а не по внешним обстоятельствам. Для этого надо освободиться от любых связей с сообществами, к которым люди принадлежат на основании рождения (семья) или внешнего принуждения (государство, нация). Граждане равны независимо от их социального статуса. Единственная иерархия в таком государстве вытекает из различия между вкладами индивидов в общее дело.

При принятии гражданства «республики ученых» человек оставляет за бортом принадлежность к религии и верность (любовь) в отношении страны, нации и семьи. Указанные принадлежности тождественны случайным партикулярным локальным свойствам, которые не могут быть конституирующими для человека. Никакой родины в таком государстве нет, и оно само не является родиной. Только разум является всеобщим, необходимым и глобальным. Ценность продуктов духовного творчества зависит от того, насколько они согласуются с разумом. Граждане этого государства должны руководствоваться такой точкой зрения, которая не зависит от любой частной системы отсчета. Если точка зрения удовлетворяет перечисленным условиям, — она объективна. Государство должно предоставить гражданину свободу совести, если он не нарушает публичный порядок.

Войны Французской революции и Наполеона открывают в Европе следующую фазу генезиса наций. Она протекала на двух уровнях: горизонтальном — каждая нация определялась по отношению к господствующей или подчиненной нации или к соседям; вертикальном — каждая страна

вынуждена была решать конфликты между образующими нацию группами, исключая собственные элиты из наднациональной культуры и распространяясь так, чтобы охватить и тех, кто в социальной иерархии занимал низшее место.

Пути преобразования европейских народностей в нации были случайной величиной. Она зависела от борьбы и взаимодействия множества сил в разных комбинациях:

1. Царствующие династии обычно рассматривались как «священные» и представляли страну перед своим населением и зарубежьем. Чувство групповой идентичности (привязанность и верность) кристаллизовалось вокруг династий.

2. Военно-бюрократические аппараты государств обладали собственными иерархиями, традициями и символами, используя организованное насилие и осуществляя контроль над подданными.

3. Территориальные связи (города, провинции, кантоны), в которых определенные права принадлежали всем жителям или выборным инстанциям. В этом случае чувство групповой идентичности концентрировалось не вокруг лиц, а вокруг традиционных форм общественной жизни.

4. Культурные элиты и институты создавали предметные и постоянные носители коллективной памяти, представлений, чувств языковой общности, территории, прошлого и будущего.

5. Религиозные институты и авторитеты тоже принимали участие в этой борьбе.

6. Сами нации и их элементы реагировали на внешнее давление других наций и внутреннее давление собственных политических институтов.

В конечном счете генезис европейских наций был различен.

Нации Англии, Дании, Франции, Испании, Португалии, Швейцарии, Швеции были сформированы царствующими династиями и военно-бюрократическими аппаратами. В этих странах был подготовлен открытый конфликт между народом и государством. Представленный своими элитами народ был лишен любого влияния на общие дела, присвоенные государством.

Нации Швейцарии, Нидерландов и Бельгии возникли на основе территориальных связей.

Германия, Австрия и Италия возникли в результате деятельности культурных институтов.

Нации Восточной Европы (литовцы, латыши, эстонцы, финны, венгры, чехи, поляки) были созданы в результате воздействия собственных религиозных и культурных элит.

Так или иначе появление национальных идеологий подорвало систему европейского равновесия. Дестабилизация была усилена прогрессом военной техники. При этом армии всех государств воплощали насилие во внешней политике, а дипломатия была и остается мирной формой насилия.

Главная стратегическая цель всех государств промышленной Европы состояла в завершении вертикальной интеграции нации. Это способствовало росту вмешательства государства в общественную жизнь. На рубеже XIX–XX вв. в Западной Европе образовалась связь демократических и бюрократических институтов (включая армию). Эти институты функционируют на основе противоположных принципов, предлагают две разных модели национальной интеграции, имеют также разных внешних врагов. Вслед за этой связью в Европе возникло два типа национализма: демократический и авторитарно-бюрократический. Эти национализмы могут перетекать друг в друга на основе антисемитизма, милитаризма и шовинизма.

Русский национализм является неестественным, поскольку он возникал иначе. Московское государство не знало феодализма, сословной системы, не участвовало в первом объединении Европы, не пережило возрождения искусств и литературы, гуманизма и Реформации. Оно переняло от Византии ненависть к Европе. Россия была продолжением Московского княжества и вплоть до конца XVII в. не принадлежала к Европе. Россия была наследницей империи монголов, царь пользовался экономической независимостью, основанной на налогах, дани, монополии внешней торговли, полезных ископаемых и исключительном владении землей.

Стала ли Россия частью Европы в результате реформ Петра? Да, поскольку: создала интеллектуальную элиту (писателей, ученых, художников), научные, образовательные и художественные институты; начала принимать участие в европейских войнах и дипломатии, а значит и в истории Европы, которая взамен начала влиять на внутреннюю эволюцию России. Нет, поскольку по мере европеизации страны форма правления стала еще более самодержавной, не идущей ни в какое сравнение с европейским абсолютизмом (российский монарх всегда выходил за рамки религии и уважения к традиции); господствовало крепостное право, в котором даже дворяне не имели ни свободы, ни права на инициативу; православие как государственная религия отбрасывало все, связанное с латинским миром.

Это противоречие фиксирует центральную проблему русской культуры: *спор между старым и новым приобрел форму спора между сторонниками и противниками входа России в Европу*.

В этом смысле Россию можно сравнить с Грецией, Румынией, Сербией, Болгарией. В каждой из этих стран господствует православие, и есть свои сторонники и противники Европы. Поэтому указанные нации еще не завершили свое становление.

Вплоть до отмены крепостного права русский народ делился на две категории: бесправное крестьянство и дворянство. Поэтому национальное чувство в России приняло двоякую форму: у дворянства оно было связано с привязанностью к царю, государству, отечеству, осознанию религиозного, культурного и цивилизационного отличия от Запада, который обычно считался хуже России, а также с патернализмом в отношении крестьян; у крестьян преобладала идентичность с собственной деревней и осознание границы между ним и дворянством. Крестьянское национальное чувство концентрировалось вокруг личности царя как предмета религиозного культа и (в меньшей степени) вокруг православной церкви. Суть дела в следующем: *модернизация России после отмены крепостного права затормозила процесс формирования русской нации. Все составные элементы становления наций в России только складываются и пока еще отодвинуты в будущее.*

С другой стороны, все европейские нации с конца XIX в. оправдывают империализм, поскольку разделяют тезис о культурном превосходстве Европы над остальным миром. В результате даже культура стала инструментом пропаганды. А СССР сам поставил себя вне Европы.

Холуйство и религиозная восторженность

Что можно противопоставить указанным фактам и тенденциям? Предлагаю исходить из общего положения, сформулированного С. Франком: «Критика породившей ее культуры есть родовая сущность философии» [10, с. 139]. Однако даже в эмиграции русские «мастера культуры» воспроизводили известный стереотип поведения: прав только «начальник», остальные служат ему в меру приспособленчества. Значит, и русские мудрецы не свободны от шаблона «начальству виднее».

Историки определяют этот стереотип поведения и мышления как холопство, которое распространялось по мере территориальной экспансии Москвы [32]. Присоединение к Москве Украины, затем Новороссии породило важное следствие: «Победоносен элемент великорусский и мало-помалу все подчиняет своему влиянию, но во имя великорусского элемента вносится сюда великорусская мерзость; или, лучше сказать, побеждает не великорусский элемент, а какой-то немецко-российский, трактирно-московский, рассейско-лакейский» [8].

Рассейско-лакейская мерзость была перенесена в советский быт и приобрела свойства властно-коммунальной паранойи [30]. Свежее конкретно-социологическое исследование еще раз подтвердило: холуйство остается господствующим типом политической культуры российской «элиты» [6].

Но этот стереотип не является исключительно русским. Румынский (по происхождению) и французский (по месту жительства) философ Э.Чоран пишет: «Я — из народа рабов, отсюда мой неимоверный страх перед властью, любой властью. Стоит мне увидеть человека в форме или ГОСУДАРСТВЕННОГО (выделено Э.Чораном, – В.М.) служащего за окошком конторы, и на меня нападает паралич» [34]. Значит, есть предмет дискуссии: насколько русское холуйство отличается от румынского, греческого, сербского и болгарского рабства и страха перед властью, поскольку в этих странах распространено православие. Фон для соотнесения имеется: 96% населения Голландии всегда скажет своему начальнику все, что о нем думает. Прямота голландцев выражается в пословице: «Я думаю, ты идиот, но не принимай это близко к сердцу» [16].

Кто ближе нам с этой точки зрения — румыны или голландцы? Не все русские философы были рабами. Они уже высказали идею национальной самокритики. В письме Г. Федотову С. Франк отмечал: «Русские меньше, чем кто-либо, склонны уважать независимую мысль и склоняться перед правдой. Замечательно у русских, как склонность к порицанию порядков на родине всегда сочеталась и доселе сочетается с какой-то мистической национальной самовлюбленностью. Русский национализм отличается от естественных национализмов европейских народов именно тем, что проникнут фальшивой религиозной восторженностью и именно этим особенно гибелен» [10, с. 141-142].

Из приведенных фактов вытекает: холуйство перед властью переплетено с религиозно-мистической национальной самовлюбленностью. В данном симбиозе сосуществуют: убеждение «начальству виднее»; приспособленчество; пренебрежение к независимой мысли. Как реализовать идею национальной самокритики для освобождения от религиозно-мистической национальной самовлюбленности?

Православие и внутренняя колонизация

В книге почти двадцатилетней давности я показал: «В какой бы стране ни приходили коммунисты к власти, они делали из своего «марксизма» такую идеологию, действительным содержанием которой был национализм, расизм или имперские амбиции. Большевистская партия способствовала пробуждению националистических идеологий, используя их в качестве средства взятия и удержания власти. То, что происходит сегодня, свидетельствует, что коммунисты сами произвели на свет своих могильщиков» [12].

Сходные мысли высказывает уже упомянутый Кшиштоф Помян, фиксирующий связь между радикальным национализмом и революционным социализмом. На первый взгляд, они базируются на разных традициях. Радикальный национализм опирается на романтизм и монархию, использует риторику частного (нации, расы, земли, крови), рассматривает войну как защиту отечества. Революционный социализм апеллирует к Просвещению и якобинцам, использует универсальную риторику (интернационализм, человечество, мировая революция) и рассматривает войну как империалистическую бойню. На деле радикальный национализм совпадает с революционным социализмом в ряде пунктов: отбрасывание парламентарной демократии со всеми ее составными частями; отбрасывание правления права; отбрасывание границ между публичной (контролируемой государством) и частной сферой; отрицание рынка как механизма распределения благ; трактовка насилия как нормы политической жизни [39, с. 194-196].

Указанные совпадения полностью подтвердились в России на протяжении последних 15 лет, включая обновление связи между военно-репрессивными структурами страны и Русской православной церковью [2]. Православная церковь всегда была сторонником религиозной нетерпимости и сотрудничала с полицией и армией. Поэтому ее миссионерская деятельность носила не столько религиозный, сколько военно-полицейский характер. Например, миссионеры на Кавказе подчинялись военным комендантам Моздока и Кизляра. Обращение горцев осуществлялось на основе грубо-утилитарных мотивов. Так, по сведениям тифлисского военного губернатора, число обращенных в христианство горцев Кавказа к 1828 г. достигло 62 249 человек. В то же время он отмечал, что горцы получали при крещении по 10 аршин холста и потому крестились по несколько раз [22, с. 438-442]. Православные миссионеры отбирали детей у раскольников и сектантов, а родителей лишали прав гражданства. Поэтому православные миссионеры получили кличку «опричников духовенства» и «шпионов правительства». При Николае I сложилась также программа «военного православия» как элемента международной политики России. Именно в период его царствования были приняты решения о строительстве второго Храма Христа Спасителя в Москве, оглашена триада «православие, самодержавие, народность», и начал реализовываться план «монументальной пропаганды» Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии в 1813–1814 гг. [24]. Церковь поддерживала государственный аппарат для помощи колониальной политике России [22, с. 442-455].

Но эта политика направлялась не столько против инородцев, сколько против коренного населения. Главные пути российской колонизации были направлены внутрь метрополии — в тульские, поморские, оренбургские деревни. Здесь государство раздавало латифундии и подавляло восстания, открывало общину и записывало фольклор, изучало старинные обычаи и религии, привозило в столицу уродов и раритеты, направляло паломников в страну Востока. Миссионерство, этнография и экзотические путешествия — характерные феномены колониализма. В России они были обращены внутрь собственного народа. Классические империи имели заморские колонии в разных концах света. Россия колонизировала свое собственное население. Такова природа российской внутренней колонизации, самоколонизации и вторичной колонизации собственной территории. Внутренняя колонизация включала военные и иностранные поселения, переселения, участие имперских интеллектуалов. «В силу своей парадоксальной обращенности на себя внутренняя колонизация оказывается циклически повторяющимся, трудно завершимым процессом. В России и Америке революция совпала с деколонизациями. В американском случае освобождение от внешней зависимости закреплялось в законах и институтах, становясь необратимой основой национального взросления. В русском случае революционное разрушение системы внутренней колонизации вело к циклическим процессам воссоздания ее в новых формах» [38].

При описании данных форм надо учитывать, что в последние годы в отечественной историографии пересматривается концепция мирного и добровольного присоединения нерусских народов и территорий к России. Акцент делается на завоевании, колониальной политике и экспансии. Изуча-

ются факты и степень сопротивления русским местного населения и число вооруженных столкновений. Первыми представителями русского народа и власти были «государевы служилые люди» и «промышленные люди» — русские пионеры-землепроходцы. Обобщенный портрет механизма русской колонизации дан рядом авторов.

Например, А.В. Гринев исследовал историографию проблемы русской колонизации и показал, что на протяжении XIX–XX вв. сложилось три основных точки зрения на характер русской колонизации: обличительная оценка как следствие реакционной политики царского режима; апология российской колонизации сложилась в начале 1960-х гг. и доминировала вплоть до 1990-х гг.; в 1990-е гг. некоторые отечественные и зарубежные ученые высказывают мнение о гуманизме российской колонизации. На основе критического разбора этих концепций с учетом исторических фактов А.В. Гринев заключает: «Разговоры о какой-то «гуманизации» колонизации представляются не научными. Повсеместно и всегда это был процесс извлечения прибыли путем той или иной формы эксплуатации и сверхэксплуатации местного населения и природных ресурсов. Обычно конкретные проявления гуманизма в отношении туземцев в конечном итоге преследовали коньюнктурные экономические или политические цели властей метропологии или колониальной администрации» [3].

Как известно, эксплуатация и сверхэксплуатация не может обойтись без прямого и косвенного насилия. Я уже писал, что историко-концептологический метод позволяет детально описать физическое, ментальное и духовное насилие [13]. Как говорил Гамлет: «Весь мир тюрьма, а Дания — худшее из его подземелий». Поэтому духовно-политическое зло, воплощенное в государственных институтах своей родины, нуждается в детальном описании.

Факты и тенденции

Социолог Б.А. Грушин обратил внимание на интересный факт: перед перестройкой комсомольские вожаки перебежали в КГБ, в результате чего аппарат госбезопасности первым воспользовался в своих целях перестройкой и последующими преобразованиями [5]. О каких же целях идет речь? На этот вопрос отвечает историк А.В. Островский: «Кто же осуществлял программу перестройки? Кто направлял огонь по штабам? Кто разрабатывал планы самоистребительной идеологической внутренней войны? Кто провоцировал национальные конфликты? Кто выводил диссидентское движение из подполья? Кто готовил и осуществлял «бархатные» революции? КГБ. Учреждение, которое должно было стоять на страже интересов советской империи, вольно или невольно стало одним из ее могильщиков. И ведь никто не застрелился. Как академик Легасов. Как Зубатов» [19].

Действительно, во время существования СССР вне критики оставались деятельность органов управления высших уровней, госбезопасности, армии и внешней политики. Я довольно давно показал, что все эти институты и сосредоточенные в них группы являются, как правило, реакционными и консервативными частями политической машины [15]. Последующее развитие событий подтвердило эту констатацию. Зато после 1991 г. открылись шлюзы для критики. Теперь дипломаты критикуют военных и чекистов, генералы и журналисты критикуют чекистов и дипломатов, чекисты критикуют дипломатов и идеологов, главные полицмейстеры критикуют военных, бывшие идеологи огрызаются на все стороны, почти все плюются вслед ЦК КПСС, а сыновья стремятся выгородить своих папаш [4, 37, 31, 27, 1, 36, 11, 21, 33, 17]. Накапливается громадный эмпирический материал для анализа «змеиного клубка интересов» (Б. Льюис) господствующих меньшинств современной России.

Для его обобщения полезно использовать идеи бывших сотрудников и выпускников Ростовского университета. Приведу два примера.

М.К. Петров поставил проблему сравнительного изучения социокультурных типов критики. Общее свойство западной и русской критики — воспроизводство реликта антично-христианского умонастроения: «…иерархии административного всезнания, где объем знания прямо связан с положением должности, и тот, кто оказывается на вершине должностной иерархии, оказывается в силу своего положения и высшим авторитетом» [20, с. 108]. Но есть и различие между западной и русской критикой. Западная критика направлена против науки как причины отчуждения. С помощью науки репродукция омертвляется и машинизируется. Поэтому на Западе воплощается ситуация мясорубки талантов, а руководители и исполнители есть рабы и кастраты. Русская критика направлена против фигуры властного идиота — реформатора, администратора, активного деятеля социального строительства. Эти люди ни в чем не сомневаются, отличаются административным

восторгом, привыкли жить «под сенью директив и указаний». А вместо науки культивируют «конвульсии ученой мысли на скользкой философской почве». Поэтому позиция русских критиков более точна. Хотя в русской политике искусство и наука не имеют решающего голоса [20, с. 107, 98–99, 110, 24–29].

Бывший студент РГУ, затем кремлевский спичрайтер А. Бовин говорит о себе: «Я не был палачом и не был жертвой. Но я был неотъемлемой частью того большинства, молчание которого сделало возможным появление палачей и жертв». Одновременно он замечает: «Как ни ужасна правда, которая открыта нам, правда, которая еще не открыта, вернее, открыта не полностью, наверное, во сто крат ужаснее» [1, с. 118]. Часть правды А. Бовин открывает.

Как известно, дипломаты и разведчики в общественном мнении традиционно квалифицируются как «государственные мужи». На деле для группы российских дипломатов типичны следующие свойства:

1. Крайняя скупость (не выписывают никаких журналов и газет, не ходят в театры и концерты, если надо покупать билеты, распустили профсоюз, поскольку надо платить 1% зарплаты в качестве членских взносов, доллары меняют не в бухгалтерии, а у знакомого менялы на рынке), грубость (особенно в консульских отделах), крайне низкая общая культура (не знают литературы, искусства, философии, современной мировой общественной мысли).

2. Не умеют смотреть на себя со стороны, с долей иронии, в МИДе они чиновники, а за границей барахольщики.

3. Усердие подменяют холуйством (перед визитом начальства у них появляется лихорадочный блеск в глазах).

4. Уклоняются от выполнения служебных обязанностей, пьянствуют, перепродают на местных рынках закупленные с дипскидкой товары.

5. Отличаются крайней бюрократизацией, коррумпированностью и скаредностью (назначают дорогие цены на визы в Россию, особенно для израильтян). В целом за претензиями на голубую дипломатическую кровь скрывается комплекс неполноценности [1, сс. 143, 468, 41, 73, 108, 160, 182, 339].

Соседи из КГБ-ФСБ и ГРУ тоже недалеко ушли. Советская разведка всегда перебарщивала по части массовости, вербуя шоферов, врачей, уборщиц и прочих посольских холуев; 25% дипломатов посольства в Тель-Авиве были работниками спецслужб; «товарищи из органов» выступали при послах как комиссары и полиция нравов, хотя их собственные нравы не отличались строгостью; многие из них — малоквалифицированные люди, которых слали за рубеж по знакомству, а они вели себя там как хозяева; спецслужбисты отличаются безделием, кляузничеством; за пять лет работы посол России в Израиле А. Бовин не столкнулся ни с одной государственной тайной; вместо этого — безбрежное поле чиновничьего произвола, облеченного в форму инструкций; они собирают сведения, какие русские девушки встречаются с израильскими гражданами; отличаются допотопным мышлением: «Пытался пару раз собирать «соседей» для обмена мнениями. Не получилось. Как-то они имели склонность сводить крупные политические проблемы к разного рода козням, интригам, проискам сионизма»; существует мнение, что данные, которые поставляет политическая разведка, необходимы для принятия политических решений». «Я бы дорого дал, чтобы узнать, какая информация, полученная Москвой помимо посольства, от «соседей», пригодилась для формирования политики, принятия решений. Жаль, что я так и не узнаю этого»; стремятся восстановить позиции, которые они занимали в штатных расписаниях посольств и которые в начале 1990-х гг. были сужены; идея бдительности и безопасности, которую лансируют в последние годы, есть «Возврат к тем временам, когда всех иностранцев считали потенциальными шпионами, а всех «совграждан» потенциальными предателями. Если согласиться с предлагаемым порядком, то «загранучреждения» превращаются в подсобный цех разведки». А. Бовин сообщает попутно, что Мост-банк — это деньги МВД и КГБ. Не случайно аналитическую службу банка возглавляет Ф. Бобков — бывший зам.председателя КГБ, начальник бывшего идеологического управления. Он принес в банк не только деньги, но и досье на представителей политической и экономической элиты [1, с. 528, 70–71, 258–259, 292–293, 387, 529].

Таким образом, носители московско-рассейского холуйства, о котором писал И.С.Аксаков более 150 лет назад, частично опознаны. Поэтому история и социология генезиса различных групп политической бюрократии России и связанных с ними банков — важный элемент на пути анализа духовно-политического зла на фоне общей проблемы переосмысления феномена государственной тайны в ее связи с коммерческой тайной.

На пути к теории политической критики

Теперь сошлюсь на зарубежного коллегу. М. Уолцер разработал целую теорию политической критики на основе обобщения опыта XX в. Он определяет критику как внутреннюю работу членов общества, которые подвергают сомнению его политику и практику. Критика имеет разные формы выражения, теоретическое и идеологическое содержание. Она базируется на разном социальном опыте внутри критикуемого общества. Идеальный критик — активный член общества.

Практика критики базируется на постулате «Я выражаю недовольство, следовательно, существую», который отражает суть социального бытия. Главный вопрос современности — отношение элиты и массы, специалистов и обычных людей. Внутренняя жизнь специалистов имеет смысл, если они культивируют социальную критику. Ее концепт базируется на утверждениях: 1. Критика как саморефлексирующая деятельность возникла после Просвещения и романтизма. 2. В прошлом объектами критики были поведение и мнения отдельных людей. Критика социального порядка в целом (комплекса социальных структур, практик, политических институтов и идеологий) — современное изобретение. 3. Но она пока не имеет надежной социальной позиции, роли и признания. Это надо сделать.

Для изменения ситуации Уолцер вводит *различие* между интеллектуалами, социальными критиками и революционерами: «…независимо от социальной принадлежности класс отчужденных интеллектуалов не тождествен классу социальных критиков» [29, с. 25]. Интеллектуалам присущ эскапизм, богема, нежелание просвещать и реформировать массы, желание шокировать и т.д. Революционеры часто начинают как социальные критики, но большинство социальных критиков не становятся революционерами. Только консерваторы считают революционность качеством критики. Революция и критика — разные виды деятельности. Современная академическая среда институционализирует отчуждение. Общество изолирует, но в то же время и защищает тех, кто ставит под сомнение его легитимность.

Формы социальной критики — политическое осуждение, моральное обвинение, скептические вопросы, сатирический комментарий, гневное пророчество, утопические спекуляции. Критика — тотальный процесс, в котором используются два языка: дискурс религии, морали, медицины, истории, философии; народный язык, который талантливые критики поднимают на вершину логической убедительности. Критик вызывает гнев друзей и врагов и обрекает себя на интеллектуальное и политическое одиночество[1]. Мужество — главная добродетель социального критика[2]. Исторический детерминизм с нею не совместим, ибо в детерминированном мире сопротивление бессмысленно.

Мотивы социальной критики — страсть к истине, осуждение несправедливости, симпатия к угнетенным, разочарование, страх перед массами, стремление к власти. Процесс становления социальной критики специфичен. Критики обычно происходят из отсталой части страны, колонии, уходящей социальной страты, плебеев, угнетенных и париев. Обычная форма маргинальности — это страстная приверженность культурным ценностям, которые лицемерно отстаиваются в центре и которыми цинично пренебрегают на периферии. Антагонизму принадлежит ведущая роль в пробуждении критической деятельности. Самая резкая критика всегда направляется на самые близкие критику лица и группы, а разочарование — на народ и социальные институты.

Современные критики вовлечены в деятельность партий и движений и податливы опасному соблазну власти. Они рассматривают партию как потенциальное правительство, а себя — как его

[1] Вначале критики были связаны с определенным этносом (пророки Израиля) и полисом (греческие циники). Но эти формы общности ограничивают критику. Потребовалось ее универсальное обоснование. Предшественники социальной критики — пророки древнего Израиля, Христос, Сократ, софисты, римские сатирики, средневековые монахи, гуманисты эпохи Ренессанса. Мощные импульсы в этом направлении даны платонизмом, стоицизмом и христианством: «Отныне критики общественного устройства должны были покидать родной город, который представлялся им мрачной пещерой, искать свой собственный путь к свету Истины, путь одинокий и непроторенный, и только после обретения этого света возвращаться к согражданам, имея право испытывать и порицать их. Эти вернувшиеся назад критики уже не воспринимали этнос, из которого они вышли, как родственный. Они смотрели на него с позиции вновь обретенной объективности… Поиск истины за пределами родственных и гражданских связей становится отныне характерной меткой социального критика… Дистанцированность критика создает новую разновидность критики. Но возможность эта достигается с большим трудом, поскольку требует сознательного разрыва со своей общиной. От критика героизм требуется еще до того, как он стал критиком, — когда он порывает со своей общиной и дистанцируется от нее». [29, с.35].

[2] Эта добродетель не связана со сплетней как распространенной формой недовольства. Сплетня — это женский дискурс, потенциально бросающий вызов публичной точке зрения, создающий язык для альтернативной культуры. Мужчины тоже сплетничают, но именно у женщин сплетни становятся средством компенсации социальной субординации. Сплетня не требует мужества и предназначена для тех, кто не может позволить себе публичную демонстрацию мужественности. [29, с. 37].

чиновников. Но обладание властью гибельно для социальной критики, ибо после прихода к власти критик перестает критически оценивать результаты своих действий: «Вся история социальной критики недавнего времени может быть описана как цепь такого рода замещений. Но всегда существовали, и существуют сейчас, критики, которые отказались … пойти во власть» [29, с. 48-49].

Опыт таких критиков позволяет поставить проблему отношения социальной критики к народному восстанию. Х. Ортега-и-Гассет считал, что «восстание масс» требует изменить ориентиры социальной критики. Она должна быть направлена не только на руководителей государства и промышленности, но и на массу отечественных бездарей — «вертикальных варваров». Уолцер уточняет Ортега, указывая две возможности социальной критики:

1. Поражение марксизма-ленинизма свидетельствует о том, что народ не может быть средством социальной критики.

2. Народ является субъектом критической деятельности, поскольку восстание масс мобилизует общее чувство недовольства. Критик изнутри возбуждает, советует, оспаривает, протестует. Он должен занимать позицию, которая близка тем, на сторону которых становится, и в то же время сохранять независимость.

На основе указанных общих посылок М. Уолцер анализирует главные формы отчуждения (или типы) социальной критики XX в.

Ж. Бенда обосновал позицию *радикального дуализма* между нацией и критиком. Интеллектуалу опасно иметь родину, ибо национализм — сильнейшее из всех искушений. Он должен судить о ней как гражданин другой страны. Интеллектуалы должны помешать политикам и военным считать себя великими людьми, поскольку последние наполняют историю ненавистью и кровью. Интеллектуалы говорят себе и другим суровую правду. Бездомность — их естественное состояние, а жребий — чаша с цикутой. Наиболее привлекательный образ истинного интеллектуала — гражданин республики всеобщих истин[3]. Средневековые монахи и философы раннего Нового времени не были частью городской общины и отвергали национал-патриотизм. Мнимые интеллектуалы современности превратили нацию в культ путем отказа от общих ценностей. Оправдывали рост силы и благосостояния государств. Превратили естественный антагонизм наций в систематическую ненависть, которая в конце концов вылилась в войну.

Р. Борн обосновал позицию *критической дистанции*. Всякая служба нации и государству заинтересована в неравенстве и порождающих и оправдывающих его порядках. Большинство интеллектуалов предпочитают привилегии убеждениям, проповедуют культурный национализм и войну, оправдывают интеллектуальную нетерпимость. Отрицание этих явлений сопряжено с отчаянием. Критик подобен рабочему, который всегда находится в состоянии нужды.

М. Бубер создал образец *внутренней критики* на основе уточнения понятий народности (область коллективного опыта), национальности (коллективное сознание единства судьбы) и национализма (обостренное сознание в условиях раскола и угнетения). Он ввел понятие легитимного национализма (принцип равенства наций) для борьбы с ростом национального эгоизма. Истинное служение своей нации есть критика нации внутри нации. Нелегитимный национализм исповедует концепцию политического реализма: «Реалист видит мир как скопление национальных государств, каждое из которых рассматривается им вне его истории и культуры, следовательно, как тождественное со всеми остальными по своим целям и действиям, направленным на самосохранение и самоутверждение» [29, с. 110-111]. Бубер отвергал все атрибуты государственной власти — пушки, флаги, гербы и прочие декорации. Требовал противостоять политике государства изнутри государства. Отметил вечный соблазн государственности и политического реализма — превращать сиюминутные интересы в конечную цель. Политические интересы несовместимы с требованиями морали: «Успех как обычная мера людских дел не может служить мерой социальной критики. Социальный критик оценивается по шрамам, которые остаются у его слушателей и читателей, по конфликтам, в которые он их вовлекает, и не только в настоящем, но и в будущем, наконец, по той памяти, которую оставляют по себе эти конфликты» [29, с. 123-124].

А. Грамши — единственный коммунист XX в., которому для сохранения невинности не понадобилось выходить из партии. Он разработал концепцию *позиционной войны* с обыденной жизнью. Ее гегемония проявляется в повседневных делах, отношениях, идеях и привычках. Пока она не подорвана, захват власти не имеет смысла. Современный государь (т.е. партия) ради воплощения национально-народной воли должен быть глашатаем интеллектуальной и нравственной реформы. Партия обязана совершить культурную революцию по типу религиозной реформации и заменить

[3] Образец такого интеллектуала — А.Эйнштейн, который сказал: «Политика преходяща, а уравнение вечно».

политэкономию культурной антропологией. Для постижения подлинных интересов рабочего класса воинствующий марксистский интеллектуал не должен дистанцироваться от здравого смысла и культуры. Он должен быть одновременно критиком, теоретиком, тактиком, революционным лидером и бродячим проповедником.

И. Силоне — типичный критик своего общества и революционер. Он заплатил за это внутренним смятением, разрывом с семьей и опасной жизнью. Его радикализм — естественное продолжение традиционных духовных принципов кровного родства и дружбы. Физические странствия и тяготы изгнания — неизбежное следствие данных принципов. Силоне определил русскую революцию как всемирно-историческое поражение мечты. Поэтому современные критики должны воевать одновременно против капитализма и русско-советского социализма как извращенного средства преобразований, против денег и государства — двух видов зла, старых и ненавистных как кашель и блохи. Такова мудрость *идеологического беженца*. Это несгибаемый критик несправедливости, которого не сломили испытания. Его позиция обернулась одиночеством, но взамен породила критическую традицию здравого смысла и общечеловеческой морали.

Д. Оруэлл занимал идеальную позицию социального критика — *разрыв с корнями, потеря четкой социальной принадлежности, скептицизм и ненависть к социальной иерархии*. Критиковал истеблишмент и оппозицию одновременно: «Потребительство и патриотизм, которые культивируются правящим классом, представляют собой идеологические мистификации; задачей же социального критика является демистификация как отношения к предметам потребления, так и отношения к своей стране» [29, с. 187]. Всякая народная революция усиливает политическую и религиозную специфику общества, в котором совершалась. Поэтому левая интеллигенция Запада возвеличивала социальную реальность советской России. Оруэлл показал, что народная культура Англии связана с гегемонистской культурой английского капитализма. Поэтому отождествление общества и нации с семьей оправдано только во Фрейдовском смысле слова: сыновья должны убить отца для устранения его власти, но отказаться от всякого политического комфорта.

А. Камю — типичный представитель французской традиции критики, которая пытается играть роль Бога. Его риторика — признак *предательства*. Путь социального критика должен начинаться с отказа от социума-в-себе-самом. Но опыт Камю (особенно его позиция во время войны Франции с Алжиром) показывает, что от классовой принадлежности отказаться проще, чем от национальной. Социальный критик опирается на принципы родной страны, но применяет их с последовательностью, которая ставит сограждан в неловкое положение. Цель социального критика — задеть за живое. Все еретики, пророки, мятежные интеллектуалы и бунтовщики принадлежат своему народу. Они знают все уязвимые места культур, к которым принадлежат по рождению. Социальная критика предполагает родство, но не единство с народом: «Социальное пространство не тождественно пространству семейному, и потому родственность критика не принимает характера внутрисемейного общения» [29, с. 223]. Всякая попытка обвинить кого-то другого, всякая ссылка на внешние обстоятельства есть акт предательства.

Феминистская критика (С. де Бовуар) и *критическая теория* (Г. Маркузе) малозначимы. Для анализа социальной одномерности требовался лишь минимальный стоицизм, а не смелость. Критическая теория выражает то, что уже существует на уровне простого недовольства. Одномерный человек — порождение текста Маркузе, а не реального общества. Нет людей, которые довольны покупкой рекламируемых товаров и услуг. Пристрастие Маркузе к отстраненному философскому языку говорит о неудаче попыток объяснить массам высокую культуру на обыденном языке. Его критическая теория — это объяснение всеобщего тезиса о судьбе довольных рабов.

Суть *одинокой политики* М. Фуко — разработка понятий плюрализма и дисциплинарного общества как средств социальной критики. В политическом дискурсе Фуко отсутствуют выборы, партии, массовые движения, парламент, политические дебаты и т.д. Власть не вырастает из индивидуальных и коллективных воль и интересов. Власть народа — это обман, ибо народ есть идеологическая абстракция, которая не может править. Права и обязанности граждан и правительственная власть вытеснены профессиональной экспертизой и локальной дисциплинарностью. Теоретики легитимируют совокупность властных отношений Прошлого. Плюралисты отрицают существование центра и устраняют цель радикальной политики. На деле такой центр есть, хотя не всегда видим: «Закон и политика принимали форму, соответствующую совокупности интересов; эти интересы, навязывая форму, оказывали преобладающее влияние или полностью контролировали принятие законов и проводимую политику» [29, с. 284].

М. Фуко отвергает стратегию и тактику Ленина — захват центров власти: «Невозможен захват власти, если не существует центра, который можно захватить. Если власть осуществляется в бесчисленном множестве точек, ей следует бросить вызов в каждой из них» [29, с. 285]. Но неизвестно, как это сделать? Фуко не верил в существование полновластного государства, правящего класса, захват госвласти, замену правящего класса, демократическую революцию, поскольку народ не существует, а революционный авангард (партия) есть обреченный на неудачу претендент на абсолютную власть.

Теория Фуко — это набор инструментов *локального сопротивления* на дне государства (психиатрические лечебницы, больницы, тюрьмы, армия, школы и фабрики). Это места реального бытия власти, где терпение и страдание от нее переплетено с сопротивлением. Классовая борьба — продуктивный концепт, поскольку позволяет рационально постичь локальную борьбу за власть. Социальные структуры образуют плоть и кровь господствующего дискурса. Код управления этой машиной является научным, а не правовым. Профессиональные нормы науки победили юридические законы, а локальная дисциплина — конституционное право. Поэтому надо полностью демонтировать дисциплинарную систему — этот карательный город, континуум, архипелаг и паноптический режим. Надо отвергнуть идею общества как системы институтов и практик, а также различие невиновных и виновных: «Вина и невиновность создаются сводом юридических законов, нормальность и ненормальность — научными дисциплинами. Ликвидировать системы власти — это ликвидировать правовые, моральные и научные критерии» [29, с. 293].

Русская революция провалилась, поскольку оставила нетронутым микрофашизм повседневной жизни — социальные иерархии, дисциплинарные техники и связь «власти-знания». Каждое общество и эпоха устанавливает свой режим истины — типы дискурса, порождаемые и усиливаемые множеством форм принуждения. Для сопротивления им Фуко разработал концепт *локального интеллектуала* — ниспровергателя той особой дисциплины, в рамках которой он функционирует. Традиционные истины морали, права, медицины и психиатрии включены в процесс осуществления власти. Этот факт забывают социологи, ученые и философы.

Но Фуко не вышел за рамки структур знания, которые хотел разрушить. Его анализ повседневной политики верен и неверен одновременно. Нельзя быть критичным, если отвергаешь кодексы и категории социального контекста. Надо создавать новый контекст, кодексы и категории. Отказ Фуко делать то и другое «… есть свидетельство катастрофической слабости его политической теории и социальной критики» [29, с. 302].

Б. Брейтенбах создал модель *критика-изгнанника*, который пытается даже в эмиграции удержать связь с родиной. Писать книги — тоже способ сопротивления. Чтобы сохранить связь с народом, чье политическое и социальное устройство он решительно отвергает, такой критик вынужден заниматься тайной политикой. Но подполье похоже на отрешенность. Связь с народом, страной и культурой удержать трудно, поскольку все погрязли в отвратительной политической игре. Поэтому эмигрант должен быть непримиримым критиком нравов, взглядов и мифов своего общества. Разделять чувство стыда за свой народ и страну. Выступать против чернокожих революционеров не меньше, чем против белых реформаторов. И хотя за старым угнетением обычно следует новое, старое в любом случае надо разрушить. Иного не дано. Критик в изгнании — неприкаянный одиночка. В российской истории до сих пор преобладали критики-изгнанники, что дает основание увидеть параллель между изгнанником-африканером и русскими изгнанниками — от Герцена до Солженицына.

В заключение М. Уолцер формулирует нормы и идеал критики. Дистанция социальной критики сегодня «… по-прежнему измеряется дюймами» [29, с. 326]. Строгая объективность не достижима, поэтому критик всегда приверженец чего-то одного. Социалистические революции и национально-освободительные движения XX в. не отвечают стандартам социальной критики. Для преодоления разочарования в них есть три пути:

1. Стать апологетом. Ч. Милош детально описал советский социализм как главную форму капитуляции левой критики.

2. Стать универсальным критиком мира в целом, современности, массовой культуры и общества, бюрократии, науки и технологии, государства всеобщего благосостояния и т.д. Таков путь Маркузе.

3. Стать локальным критиком, заплатив за это радикальным сужением сферы собственной деятельности (путь Фуко).

Уолцер предлагает опираться на нравственное чувство как четвертый путь социальной критики. Это руководство к социальному и политическому знанию лучше марксизма как потерпевшей крах теории. Критик пользуется зеркалом Гамлета — безжалостно подвергает сомнению банальности и мифы своей страны и общества, выражает чаяния народа, но не отождествляет народ и государство. В состав критики входит утопия: «Надежды и идеалы обитают в определенном месте — в наших душах и повседневном понимании морали. «Нигде» не локализован только общественный строй, где чаяния и идеалы уже претворены в жизнь» [29, с. 332-333].

Существует три задачи критического исследования: выставлять на всеобщее обозрение ложные условности своего общества; выражать наиболее глубокие идеи людей о том, как надо жить; показывать другие формы лжи, надежд и чаяний. Таков идеал национально-народной критики после низвержения идолов коммунизма и национализма.

Успех критики наиболее вероятен, если она: принимает национально-народный характер; сохраняет связь с традициями социального недовольства; отвергает любую национально-народную апологетику; не превращается в пленника и средство власти; всегда занимает критическую позицию в отношении государств, способствующих укреплению стран, и движений и партий, которые защищают народ. Все иные действия ведут к поражению критики или фашистской ментальности.

Идеальный критик — это человек, отказывающийся платить дань уважения любой власти: «Именно этот отказ и обеспечивает дистанцию критики, и больше ни от чего ради критики отказываться не нужно… Решающее значение имеет независимость критика, его свобода от ответственности перед государством, от религиозных авторитетов, корпоративной власти, партийной дисциплины» [29, с. 339]. Критик должен взять на себя максимум отчаяния, но не пойти ко дну. Балансировать между солидарностью и служением и бороться с разобщенностью. Закреплять такие формы критики, которые уместны для демократической политики. В этом и состоит его мужество.

В заключение отмечу параллели между теорией М. Уолцера и аппаратом московских концептуалистов. При описании прошлой и современной России они предлагают исходить из положения: «Честному наблюдателю, пристально приглядевшемуся бы к картинам этой тишины и умилительности, со всей неприглядностью открылась бы грязь и хлюпающая бездна безнравственности, … ужас и пустота и аморальность самых начал» [7]. Концептуалисты определили смыслы основных понятий для описания русской истории и современности.

Они предлагают описывать отношение «Россия-Запад» с помощью следующих концептов: *Россия* — это область проявления подсознательных, деструктивных аспектов западной цивилизации. *Запад* — супер-эго по отношению к России, доказательством чего служат постоянный протест России против Запада и характерное для русской культуры желание выйти за пределы западной культурной нормы. *Андерсы* — совокупное название субъектов европейской истории. *Политическая сказка* — синтез образов традиционной фольклорной иконографии и визуального арсенала советской мифологии.

Для описания русско-советской идеологии можно использовать следующие концепты: *идеоделика* — манипуляции с идеями и идеологическими конструктами, а также галлюциногенный слой идеологии; *идеотехника* — учет и каталогизация технических приемов, применяемых в ходе идеологического производства; *идеологии больших ремиссий* (христианство, буддизм, коммунизм) намекают на возможность великого отдыха; *идеологии малых ремиссий* (Дао, рыночный капитализм, психоанализ) не пренебрегают краткими периодическими облегчениями; *журземма* — галлюцинаторные образы и переживания, связанные с русским православием. Подобна варенью, в сладкие массы которого внедрен металл.

Феномены **молчания, текста и говорения** в русской культуре тоже можно описать. *Гносеологическая жажда* связывает умозрительную потребность в познании с физиологическим процессом, представлением о русском «коллективном бессознательном» как о едином нерасчлененном «теле», мучительно желающем узнать о себе, что оно есть «на самом деле». *Гносеологический шум* вытекает из гносеологической жажды и означает непрерывные и мучительные вопросы о существующем. *Зассанный матрас* — апофатическая категория для обозначения добровольной и окончательной самокомпроментации дискурса. *Текстурбация* (речеложство) — экстаз говорения, отличительная особенность речевых актов в русской культуре. *Похуй всему* — умозрительная точка полнейшей индифферентности.

Наконец, современная ситуация в России описывается с помощью концептов *про-регресс* и *хроношовинизм*. *Про-регресс* — это возврат на уже пройденные этапы в новом оснащении (например, возвращение к магической стадии культуры с помощью научно-технического прогресса). *Хроношовинизм* — пренебрежение прошлым и будущим в пользу настоящего [25].

Резюме

Таким образом, для реализации идеи национальной самокритики уже созданы исторические, эмпирические и теоретические предпосылки. Требуется их синтез для применения теории политической критики к социальным процессам в российском и глобальном масштабе. Сможет ли социальная наука возглавить этот процесс?

Сошлюсь на один пример. После взятия Берлина Советской армией были введены продовольственные карточки для групп населения побежденной Германии. Участники антифашистского сопротивления получали дополнительные продовольственные талоны. «Как-то днем в мое дежурство в приемную генерала Берзарина пришел пожилой немец с маленькой собачкой. — Я антифашист, — заявил он. — И хотел бы получить дополнительные продовольственные талоны. — А какие у вас есть документы о вашей антифашистской деятельности, какие свидетели? — спросил я. — Сейчас вы их увидите. Есть у вас кусочек сахара? Одна из наших машинисток достала из ящика стола коробочку с рафинадом. Немец взял один кусочек и положил его на пол перед лицом собаки. Та обнюхала сахар и взяла его в рот. — От Гитлера! От Гитлера! — закричал немец. Собака тут же выплюнула сахар. — Вот, видите, — торжествующе заявил немец. — Так я ее воспитал. А теперь смотрите. От Сталина! От Сталина! Собака тут же проглотила сахар и довольно облизнулась. — Вот, видите! — повторил немец. — Надеюсь, все понятно?» [26]

Или надо разъяснить с учетом нынешней ностальгии, усердно распространяемой государственными СМИ и другими любителями сладкого?..

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бовин А.* 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М.: Захаров, 2003.
2. *Воронцов В.* В коридорах безвластии. Премьеры Ельцина. М.: Академический проект, 2006.
3. *Гринев А.В.* Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 109.
4. *Гриневский О.* Тайны советской дипломатии. М.: Вагриус, 2000.
5. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. (часть 2). М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 877–878.
6. *Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю.* Проблема «элиты» в сегодняшней России. М., 2007.
7. ЕПС: Ерофеев, Пригов, Сорокин. М.: Зебра-Е, 2002. С. 357.
8. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой. Т. 2. Письма 1849–1857 гг. 2004. С. 227.
9. История России. XX век: 1939–2007 / Под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель: АСТ, 2009. С. 29.
10. *Кантор В.К.* Философия национальной самокритики (письмо С.Л. Франка Г.П. Федотову) // Вопросы философии. 2006. № 3.
11. *Коржавин Н.* В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания в 2 кн. Кн.1. М.: Захаров, 2006.
12. *Макаренко В.П.* Марксизм: идея и власть. Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 1992. С. 463.
13. *Макаренко В.П.* Политическая концептология: первые итоги разработки // Полис. 2009. № 6. С. 153–154.
14. *Макаренко В.П.* Проблема дистанции при описании социо-политической динамики России // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009. № 1.
15. *Макаренко В.П.* Революция и власть: размышления политолога. Ростов-н/Д, 1990. С. 188–206.
16. *Макаренко В.П.* Экономика, власть, культура. Ростов-н/Д; Сочи, 2005. С. 56.
17. *Микоян С.А.* Анатомия Карибского кризиса. М.: Academia, 2006.
18. *Митрохин Н.* Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: НЛО, 2004.
19. *Островский А.В.* Солженицын: Прощание с мифом. М., 2004. С. 570.
20. *Петров М.К.* Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995.
21. Протоиерей Георгий Эдельшейн. Записки сельского священника. М.: РГГУ, 2005.
22. Русское православие: вехи истории / Научн. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989.
23. *Саид Э.* Культура и империализм. Киев: Критика, 2007. С. 45.
24. *Сироткин В.Г.* Золото и недвижимость России за рубежом. М.: Международные отношения, 2000. С. 204.
25. Словарь терминов Московской концептуальной школы. Составитель и автор предисловия А. Монастырский. М.: Ad Marginem, 1999. С. 123, 35, 142, 117, 41, 118, 43, 169, 43–44, 70–71, 119, 180, 78, 84, 189.
26. *Стеженский В.* Солдатский дневник. Военные страницы. М.: Аграф, 2005. С. 230–231.
27. *Сухомлинов А.* Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М.: Детектив-Пресс, 2004.
28. *Томпсон Е.* Трубадуры империи. Русская литература и колониализм. Киев: Основы, 2008.

29. *Уолцер М.* Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. М.: Идеа-пресс, 1999.
30. *Утехин И.* Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004.
31. *Филби К.* В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. М.: Эксмо, Яуза, 2005.
32. *Хелли Р.* Холопство в России: 1450–1725. М.: Академия, 1998.
33. *Черняев А.С.* 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М.: Республика, 1997.
34. *Чоран Э.* После конца истории / Пер. с франц. Б. Дубина, Н. Мавлевич, А. Старостиной. СПб: Symposium, 2002. С. 447.
35. *Шапталов Б.* Русская экспансия: бей первым или погибнешь! М.: ЭКСМО, АЛГОРИТМ, 2005.
36. *Шлыков В.* Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика. М., 2002.
37. *Шебаршин Л.* Рука Москвы. М.: ЭКСМО, 2000.
38. *Эткинд А.* Бремя бритого человека или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2002. № 1. С. 296–297.
39. *Pomian K.* Europa i jej narody. Warszawa, 1998.

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ[1]

Н.Е. ТИХОНОВА

доктор социологических наук, профессор, зам. директора Института социологии РАН,
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
e-mail: ntihonova@hse.ru

В статье исследуются особенности нормативно-ценностных систем российского общества, которые касаются норм в области взаимоотношений человека, общества и государства, характер их изменения в последние 15 лет, а также оценка основных типов (моделей) мировоззрения, существующих сегодня в России. Процессы социокультурной модернизации протекают в России не так, как они протекали в странах классической европейской модели развития. Фактически сегодня в нашем обществе есть по крайней две разновидности сознания модерна, обе они не ориентированы на то, что Россия должна идти западным путем, а многие ключевые и характерные для них нормы, ценности и установки принципиально отличаются от ассоциируемых обычно с западной культурой. И в этом плане можно говорить о формировании в России «альтернативного модерна», причем существующего в различных формах.

Ключевые слова: теория модернизации, нормативно-ценностные системы российского общества, государство, свобода, частная собственность.

The features of the normative and value systems of Russian society are investigated in the article, the norms of interrelations between individual, society ans state are emphasized, allowing for their change and development during last 15 years. The evaluation of the main world-outlook models that are wide-spread in Russia nowadays is given. In Russia, social and cultural modernization processes differ from those that had been taken place in countries characterized by classical European model of development. Virtually there are at least two types of thinking of modern path of development in Russia, but neither presupposes Russia to follow the West countries. Besides, the key norm and values that are at the core of these types of thinking, are mostly differ from the European ones. Thus, the author concludes, it is reasonable to turn attention to the formation of different forms of «alternative modern» in our country.

Keywords: theory of modernization, normative and value systems of Russian society, state, liberty, private ownership.

Коды классификатора JEL: Z13, Z10.

Благодаря исследованиям последних лет (работы Н. Лапина и Л. Беляевой, Н. Лебедевой и А. Татарко, В. Магуна и М. Руднева, Н. Тихоновой и М. Горшкова, В. Ядова и Е. Даниловой и других) в российской науке уже достаточно прочно утвердилась точка зрения, что в нашей стране происходит разложение модели культуры, характерной для обществ традиционного, доиндустриального типа, хотя само превращение России из крестьянской страны в развитую индустриальную державу совершилось уже более полувека назад. Однако вопрос о том, чем именно заменяется эта модель, включая характерные для нее *нормативно-ценностные системы, являющиеся ядром любой культуры*, нуждается в отдельном исследовании. Актуальность его обусловлена прежде всего необходимостью понимания потенциального места России в условиях нового ми-

[1] Данная статья подготовлена в рамках работы по проекту «Культурная динамика российского общества и перспективы модернизации России» № 11-03-00561а, осуществляемому при финансовой поддержке РГНФ.

© Н.Е. Тихонова, 2011

рового порядка. Ведь то место, которое сможет занять наша страна в глобальной экономике, а следовательно и в мировой политике, напрямую связано с перспективами и итогами завершения в ней социокультурной модернизации[2].

Предметом данной статьи являются, однако, отнюдь не все аспекты социокультурной модернизации, а лишь особенности нормативно-ценностных систем российского общества, которые касаются норм в области взаимоотношений человека, общества и государства, характер их изменения в последние 15 лет, а также оценка основных типов (моделей) мировоззрения, существующих сегодня в России. При этом то, что эти нормы могут далеко не всегда соблюдаться на практике, не имеет для нашего анализа никакого значения, поскольку задачей является понять, как в российской культуре меняется представление о должном, в частности — об оптимальном для России типе социума и принципах его функционирования, как в них появляются новые черты и грани, а старые приобретают новый смысл. Ведь именно изменение старых смыслов и появление новых во взаимодействии культуры и изменяющейся реальности и составляет суть культурных изменений. Анализ же того, как согласуются эти представления о должном с реальностью, — совсем другая исследовательская задача.

Начну с того, что еще раз[3] зафиксирую — *господствующая в России нормативно-ценностная система выступает, на мой взгляд, разновидностью систем, характерных для этакратических обществ, вступивших уже в эпоху своего разложения* («неоэтакратических» [12] или «позднеэтакратических»). С точки зрения доминирующих в ней норм, отражающих представления о «должном», интересы общности, прежде всего — общества в целом, народа, страны — в ней превыше интересов и прав отдельных людей. Государство в рамках этой системы норм — инструмент реализации интересов макрообщности, и именно ее интересами как целого и должно оно руководствоваться в своей деятельности, как, впрочем, и любой человек или социальная группа. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а государство, как выразитель общих интересов, должно, принимая во внимание интересы различных субъектов, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности. Не случайно в 2010 г. более половины взрослого населения страны (76% ответивших на данный вопрос при 24% не согласных с предложенным респондентам суждением) считали, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности[4]. Именно в силу права и долга государства представлять интересы этой общности, граждане должны проявлять к нему максимальную лояльность и признавать его право вмешиваться в их жизнь, даже если это означает нарушение их гражданских прав. Во всяком случае, доля согласных с тем, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие если этого требуют интересы государства, в России уже много лет больше, чем не согласных с этим (в 2010 г. их было 39% при 34% не согласных и 27% не сумевших определиться в этом вопросе с собственной позицией).

В то же время, динамика распространенности подобных взглядов свидетельствует о *быстром размывании основ легитимности идеи всевластия государства и приоритетности его интересов* (рис. 1). Особенно ярко это заметно в отношении свободы слова, по вопросу о необходимости ограничивать которую, если она нарушает интересы государства, россияне сейчас делятся на три практически равные части, хотя еще 10–12 лет назад отчетливо доминировала позиция признания за государством права на реализацию своих интересов и в этой области. Сейчас же в этом вопросе наибольшей (36%) является доля тех, кто не признает за государством права ограничивать свободу прессы, даже если она нарушает его интересы.

[2] Модернизацию я понимаю в ее неомодернизационной трактовке, как протекающий в разнообразных формах с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные (доиндустриальные) общества достигают состояния модерна посредством не только экономической, политической, социальной и культурной, но и социокультурной модернизации. Под последней я подразумеваю формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, систем санкций и т.д., а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что в совокупности и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов.

[3] См. подробное обоснование этой точки зрения: [7, 8, 9, 10,11, 2].

[4] Речь идет об общероссийском исследовании Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), репрезентировавшем население страны старше 18 лет по полу, возрасту, региону проживания и типу поселения. В статье используются также данные исследований: «Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов» (1995), «Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» (1998, 2007), «Собственность в жизни и восприятии россиян» (2005). Выборка и результаты этих исследований описаны, в частности, в работах: [2, 4, 6, 5 и др].

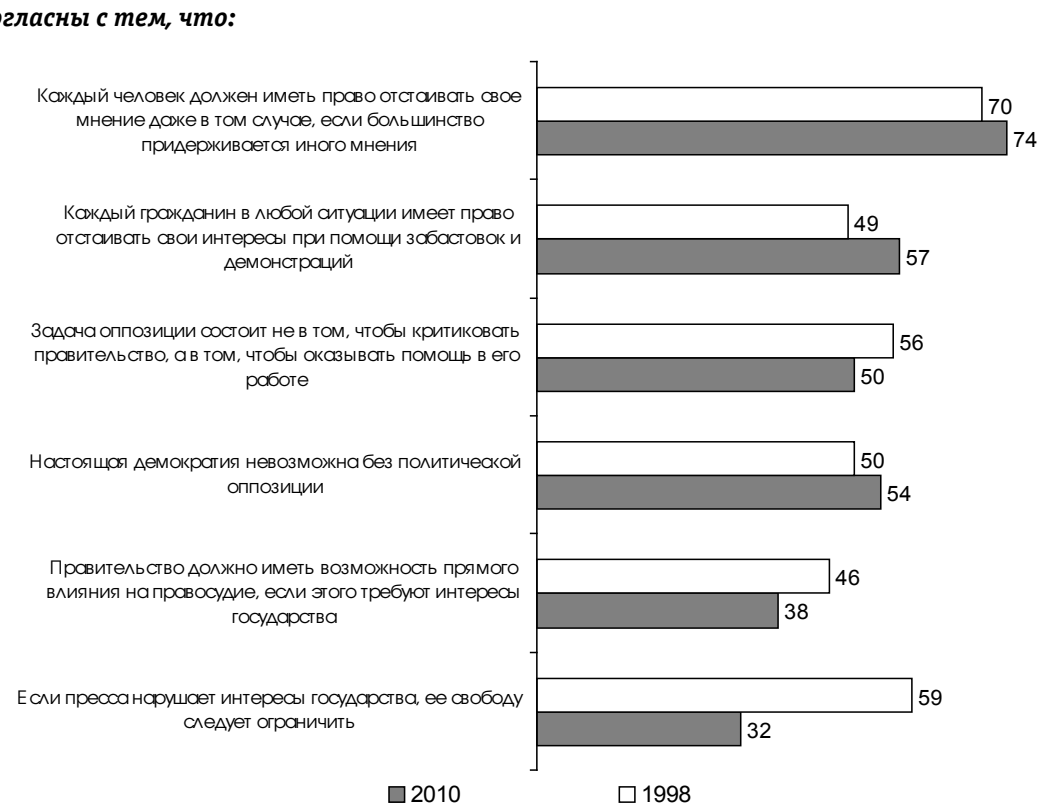


Рис. 1. *Динамика взглядов россиян по некоторым вопросам, 1998/2010 гг., % от россиян в возрасте до 65 лет.*

Кроме того, поскольку эта система норм вступила уже в фазу своего разложения, то в ней не допускается жестко тоталитарная или авторитарная модель действий государства. Скорее это «смягченный» вариант такой модели, предполагающий право людей не просто свободно высказывать свое мнение и отстаивать его вопреки позиции большинства, но даже отстаивать свои интересы с помощью забастовок и демонстраций. Естественна в этом контексте и делегитимизация права государства ограничивать свободу прессы. *При этом одновременно активно растет запрос на Закон («писаное право») как новый социальный регулятор, приходящий в обществах модерна на смену Традиции, выступавшей ранее в этом качестве* (в позднеэтакратических обществах одной из таких традиций выступает и соблюдение так называемого «телефонного права», отражавшего разницу социальных статусов во властной иерархии и, как правило, вступавшего в противоречие с правом «писаным»). О росте этого запроса свидетельствует не только резкое падение за последние годы толерантности россиян к возможности влияния государства на правосудие, но и растущее в их среде понимание, что законы надо соблюдать в любом случае (рис. 2). Не случайно именно равенство всех перед законом (лозунг, знаменующий собой важнейший этап социальной модернизации) выступает в сознании россиян ключевой проблемой реализации поставленной Президентом России задачи модернизации страны, обгоняя в их сознании в этой роли и технологическую перестройку экономики, и даже реализацию принципа социальной справедливости. Равенство всех перед Законом уже много лет россияне называют и важнейшим признаком демократии.

Учитывая, что речь идет о сравнительно коротком временном периоде, *такой рост свидетельствует о достаточно быстрой перестройке общественного сознания и постепенном сокращении правового нигилизма среди россиян*. И хотя группа считающих, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет — главное, чтобы это было справедливо, по-прежнему очень многочисленная, все же впервые за время наблюдений она стала составлять в 2010 г. менее 50%, сократившись за 15 лет примерно на четверть в относительном выражении. Уменьшилась и доля увязывающих необходимость соблюдать закон с тем, насколько законопослушны представители

органов власти, зато выросла доля тех, кто полагает, что всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям.

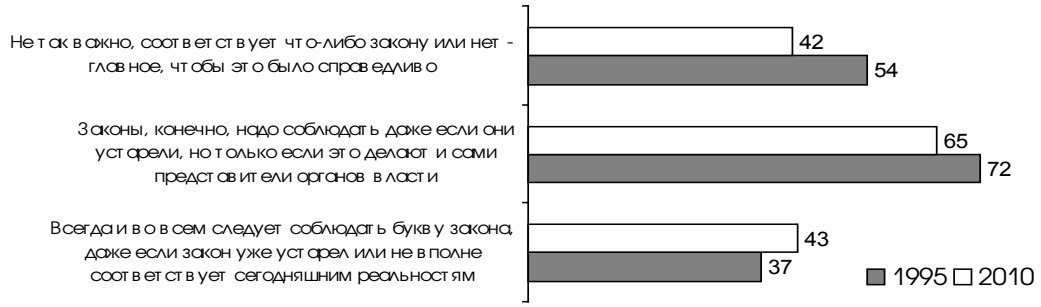


Рис. 2. *Согласие с суждениями, отражающими особенности отношения россиян к закону, 1995/2010, % от сумевших определить свою позиции в данных вопросах*[5].

Тем не менее, несмотря на все эти изменения, отражающие ярко выраженный запрос россиян на то, чтобы закон как социальный регулятор наконец заработал, *наши сограждане и в настоящее время остаются в массе своей сторонниками «консенсусной» модели законопослушания, предполагающей, во-первых, что нормы закона обязательны для всех, и только в этом случае они их готовы соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимизацию, т.е. соответствуют их представлениям о социальной справедливости*.

Ярким свидетельством в пользу такой интерпретации полученных данных выступает отношение к необходимости выполнять распоряжения руководителей независимо от того, убежден ты в их правоте или нет. Хотя доля убежденных в том, что руководителям нужно подчиняться, даже если ты не согласен с их требованиями, за последние 15 лет выросла, свыше двух третей работающих по-прежнему к этому не готовы. Это означает, что *саботаж распоряжений «начальства», еще со времен крепостного права являющийся основным способом борьбы за свои интересы в России, имеет определенную и четко артикулированную подоплеку — убеждение, что делать надо только то, с чем ты согласен. Причем это убеждение является общей социокультурной нормой*, поскольку его разделяют (в среднем примерно в двух третях случаев) даже предприниматели, имеющие наемных работников, и руководители разных уровней. Вряд ли можно в этих условиях ожидать укрепления технологической дисциплины, столь важной для модернизации российской экономики и развития высокотехнологичных отраслей.

При этом неважно, где прошла первичная социализация людей, где они живут в настоящее время, а также их пол, образование, профессиональная принадлежность, общая оценка своей ситуации на работе, стиля руководства и т.д. Даже в армии, правоохранительных и других силовых структурах лишь половина считает, что распоряжения руководства надо выполнять в любом случае, а остальные сотрудники силовых структур убеждены, что надо выполнять лишь те распоряжения, с которыми они согласны.

Однако *постепенно в России все же формируются предпосылки для того, чтобы на место «вольницы», где каждый делает лишь то, с чем он согласен, пришли нормы и модели поведения современных обществ с их уважением к закону, эффективно работающей судебной системой и умением отстаивать свои групповые интересы в рамках предложенных институциональных форм*. Об этом свидетельствует не только уже упоминавшийся запрос россиян на активизацию закона как социального регулятора, но и динамика восприятия ими свободы как полностью бесконтрольного и ничем не ограниченного поведения (не случайно анархизм как учение так пышно расцвел более ста лет назад именно на российской почве). Постепенно смысл понятия «свобода» в российской культуре изменяется, хотя процесс этот идет очень медленно, и 60% россиян до сих пор убеждены, что свобода — это возможность быть самому себе хозяином («воля», противостоящая «неволе», «подневольности» как антитезе свободы), при том, что 40% полагают, что это набор определенных политических прав и свобод. Тем не менее, процесс вытеснения понимания свободы

[5] Вопрос не носил альтернативного характера, и по каждой из переменных ответ выбирался отдельно, поэтому общая сумма ответом более 100%.

как «воли», анархического восприятия ее как «свободы от…» (общества, начальства, многочисленных долженствований, вытекающих из различных социальных ролей) характерным для обществ модерна ее пониманием как «свободы для…», т.е. возможности защищать свои интересы в рамках предусмотренных законом прав и свобод, все-таки идет. Так, если 15, и даже 10 лет назад в двух альтернативных определениях свободы («Свобода — это возможность быть самому себе хозяином» и «Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах») соотношение выборов первого и второго составляло 65:35, то сейчас — 60:40.

Однако, поскольку свобода для россиян — это все еще прежде всего «свобода от», то и *все инструментальные ценности демократии для них сравнительно неважны.* В итоге пять ключевых признаков демократии в их глазах — это равенство всех граждан перед законом (53%), независимость суда (43%), свобода печати (43%), свободные выборы власти (40%) и возможность свободно высказывать свои политические взгляды (36%). При этом в пользу многопартийности, наличия оппозиции и т.п. инструментов демократии как ее ключевых признаков в 2010 г. высказывались менее 20% россиян. Вспомним в этой связи также и понимание ими задач оппозиции, которая, как особая политическая сила призвана в их глазах не конкурировать с властью, а контролировать правильность поведения власти в отношении соблюдения ею общественных интересов и помогать ей в этом главном для всех деле.

Это, конечно, принципиально иная система норм, регулирующих взаимоотношения личности, общества и государства, нежели существующая в западной культуре, где государство не просто заботится об абстрактном "благе народа", а выступает гарантом интересов и прав человека в его взаимоотношениях с обществом. К сожалению, та модель развития рыночной экономики, которая органично вытекает из ключевой роли государства в жизни общества и представляется россиянам оптимальной для России, имеет мало общего с современными высокоэффективными ее моделями. Данные исследований позволяют говорить об устойчивом тяготении россиян к смешанной экономике с доминирующей ролью государства и государственной собственности. По их мнению, все стратегические отрасли экономики и отрасли социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства.

В то же время, и в этом вопросе можно увидеть признаки постепенного разложения норм, служащих основанием для легитимации позднеэтакратической модели развития, число сторонников более современной организации экономики России постепенно растет (рис. 3).

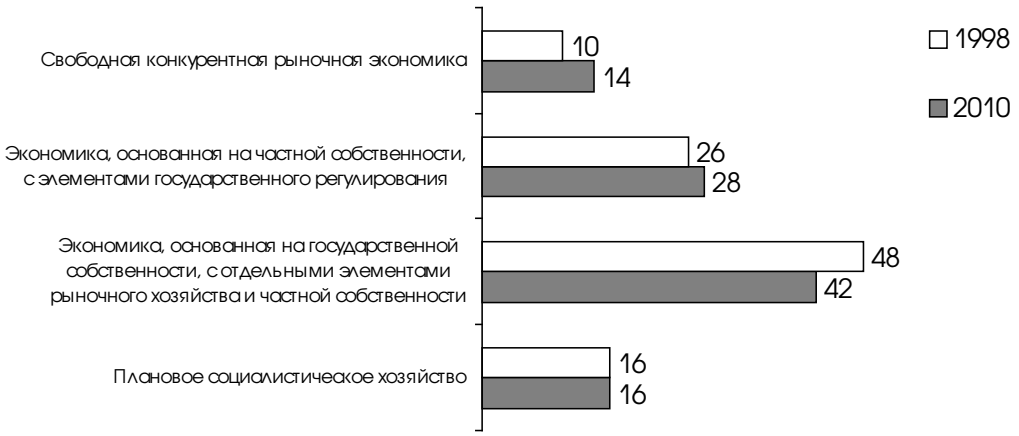


Рис. 3. *Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России, 1998/2010 гг., % от россиян в возрасте до 65 лет.*

Тем не менее, *восприятие государства как ключевого экономического агента с вытекающим из него запросом на усиление роли государства в экономике и расширение государственной собственности остается ключевым отличием россиян от населения стран западной культуры* (рис. 4). Совсем иной смысл в отличие от представителей западной культуры имеет для россиян и институт частного предпринимательства. Предпринимателей россияне воспринимают весьма толерантно, и для большинства из них частный бизнес имеет право не только на существование, но и на защиту со стороны государства в условиях России. Однако верно это лишь для законопослушного

и экономически эффективного малого и среднего бизнеса. Что же касается крупного бизнеса, то ему места в их нормативной модели практически нет. Кроме того, в системе смыслов российской культуры именно государство является реальным (а желательно — и рачительным) «хозяином» всего национального богатства, частью которого оно временно при определенных условиях дает «попользоваться» их формальным собственникам. При этом главный персонаж российского экономического мышления не столько «собственник», сколько «хозяин» («хозяин–барин»). В этом контексте понятно, почему, несмотря на рост толерантности к частному бизнесу, основная масса россиян убеждена, что предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует без всякой компенсации национализировать.

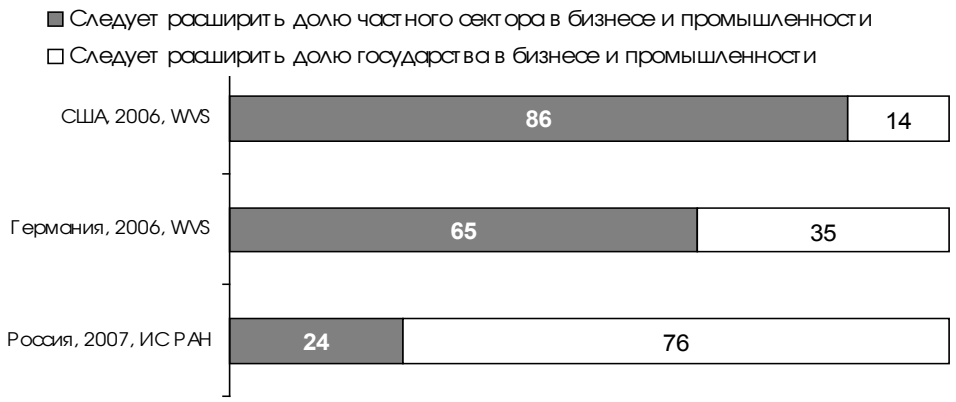


Рис. 4. *Отношение к целесообразности расширения государственного и частного секторов у граждан разных стран мира, % от ответивших*[6].

Легитимность гипертрофированной роли государства в экономической сфере вообще и по отношению к частной собственности связана отчасти и с таким специфическим аспектом понимания института частной собственности в российской культуре, как право собственника бесконтрольно и без всяких ограничений распоряжаться соответствующим объектом[7]. Это вытекает из уже упоминавшейся специфики российского понимания свободы как «свободы от». Учитывая такое понимание свободы, в том числе и экономической свободы, можно выделить три группы видов собственности, по отношению к хозяевам которых права государства существенно различаются. Причем в данном вопросе у россиян существует практически полное единодушие, вытекающее из роли соответствующего объекта в жизни сообщества и возможных последствий бесконтрольного распоряжения им. Первая группа включает в себя собственность, используемую в частной жизни граждан — жилье, крупные суммы денег, земельные участки и т.п. В распоряжении этими видами собственности их хозяева, кто бы они ни были, по мнению подавляющего большинства россиян, должны быть полностью свободны. Вторая группа включает в себя земли для производства сельхозпродукции на продажу, акции предприятий и сами предприятия. По отношению к этим объектам допускается собственность на них и частных лиц, и коллективов, и государства, но контроль за их использованием по отдельным, наиболее важным для жизни сообщества параметрам должно осуществлять государство. Что же касается всех видов природных богатств, а также транспортных коммуникаций и энергетики, то именно государство выступает в сознании россиян подлинным владельцем (хозяином) соответствующих объектов независимо от того, кто в тот или иной момент является их формальным собственником.

В то же время следует отметить, *что и в этой области нормативных представлений россиян наблюдается очень интенсивная динамика* (рис. 4), отражающая принятие ими новых норм по отношению к экономической основе развития российского социума.

[6] Данные по Великобритании, Германии и США здесь и далее приводятся по исследованию World Value Survey (WVS) (волна 2006 г.).

[7] Добавлю в этой связи, что собственность для большинства россиян — это не любой объект соответствующего права, а нечто материальное, прежде всего — различного рода недвижимость. В этом отношении весьма характерно, что даже крупная сумма денег в меньшей степени ассоциируется для них с частной собственностью, чем телевизоры, холодильники и мебель.

Согласие с тем, что государство имеет право ограничивать права собственников:

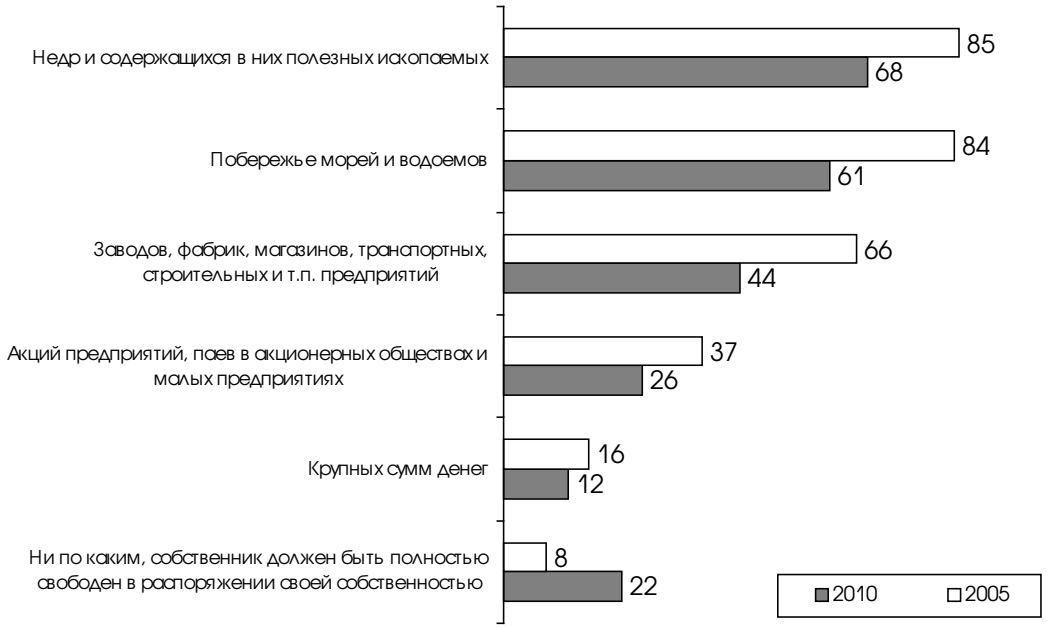


Рис. 5. *Динамика представлений россиян о том, применительно к каким видам собственности государство может ограничивать права их собственников, 2005/2010 гг., %.*

При этом россияне выступают сторонниками абсолютной легитимности только такой собственности, в основе которой изначально лежит труд самого собственника или тех, от кого он получил ее по наследству. В тех же случаях, когда связь собственности и лежащего в ее основе труда размыта и ускользает от непосредственного восприятия, россияне не склонны уважать ее формально-правовой статус. И тот, чье право на соответствующее имущество основано лишь на традиции и морально—этических основаниях, у большинства населения России вызовет большую поддержку, чем тот, кто является его собственником «по документам», но без моральной легитимации этих прав.

Одним из проблемных, с точки зрения успешного экономического развития в условиях глобализирующейся экономики, аспектов понимания собственности в российской культуре и норм, регулирующих отношение к ней, выступает отношение россиян к праву «чужих» (иностранных компаний или граждан) иметь собственность на территории России. Если речь идет об отдельных людях, то определенная часть (хотя и меньшинство) россиян не против наличия у них в собственности квартиры, используемого ими для собственных нужд земельного участка и даже акций предприятий. Однако превращения граждан других государств в хозяев земель сельхозназначения или промышленных предприятий россияне скорее не хотят, чем приветствуют это. В еще большей степени это относится к инофирмам, хотя в данном вопросе наблюдается очень интенсивная динамика, позволяющая даже говорить о переломе тенденций в данном вопросе (рис. 6). Видимо, отчаявшись в поисках «эффективных собственников» внутри России, россияне все лучше начинают относиться к проявляющим интерес к отечественным предприятиям зарубежным компаниям.

Наконец, россияне категорические противники передачи в собственность гражданам или фирмам из других стран природных богатств страны, в особенности — ее недр. В этой связи надо сказать, что россияне исключительно последовательно настаивают на том, что государство должно быть собственником не только природных ресурсов, но и природных комплексов и объектов природы. Единственное исключение, которое они делают из этого правила — земли сельскохозяйственного назначения. Закономерность в этом вопросе прослеживается следующая — если люди могут хотя бы теоретически сами что-то получить от наличия такого рода собственности в частных руках, то они больше приветствуют частную собственность на сельскохозяйственные земли. Если

же этот вопрос носит для них абстрактный характер, то они руководствуются идеологическими соображениями, и тогда основными противниками частной собственности на землю выступают представители старших возрастов и «социальные аутсайдеры». Та же тенденция фиксируется в отношении частной собственности на акции предприятий и на сами предприятия.

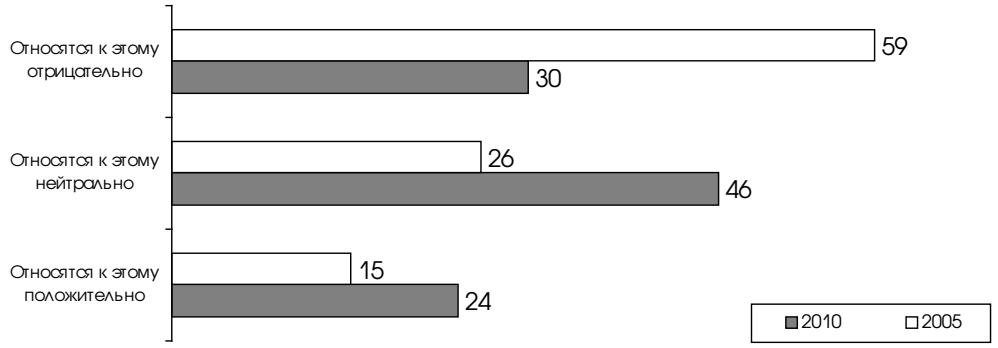


Рис. 6. *Динамика отношения россиян к существованию предприятий, принадлежащих иностранным фирмам, 2005/2010 гг., % от ответивших.*

В связи с характеристикой экономической составляющей нормативных представлений россиян нельзя не упомянуть и проблему патернализма. Именно в этом вопросе ярче всего видно, что существующая в российской культуре модель «должного» социума, которая обеспечивает устойчивость существующей в России модели общества и отторжение всех институтов, которые пытаются в него «имплантировать», *уже вступила в фазу своего разложения. Характерная для российской культуры нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства в ее современном варианте уже не предполагает безусловной и безоговорочной жертвенности со стороны рядовых членов общности. Она носит консенсусный характер, и предполагает, что каждая из сторон выполняет свои обязательства только в том случае, если их выполняет и другая сторона. Поскольку же, с точки зрения россиян, в последние два десятилетия принципы функционирования данной модели постоянно нарушаются, то и сами они не собираются их соблюдать. Более того, такое поведение государства ведет не только к усилению разрыва между «должным» и «сущим» в восприятии россиян и делегитимизации государства, но и к постепенному изменению тех норм, на которых основана легитимность самого существования этакратических обществ для их членов.*

Такая динамика связана с тем, что к числу главных функций государства в рамках существующей в российской культуре нормативной модели относится не только адекватное выражение текущих и стратегических интересов макрообщности, но и забота о минимальных текущих нуждах членов этой общности, для чего, собственно, государству и нужно занимать «ключевые высоты» в экономике. Последовательная реализация этих функций — основа легитимности власти государства и встречной готовности граждан выполнять требования власти, их «послушания». Таким образом, мы имеем здесь дело *не просто с патерналистскими ожиданиями, а с распространенностью среди населения норм, отражающих так называемые патрон-клиентские отношения*, при которых государство получает от населения мандат легитимности на практически необъятные властные и имущественные права одновременно с делегированием ему ответственности за положение его граждан и принятие решений, касающихся страны в целом. И если оно не выполняет своих обязательств, то граждане предъявляют ему претензию за недостаточное к ним внимание (рис. 7), а со временем и отказывают ему в легитимности его власти.

Как видим, позиции россиян и в этом вопросе, как и в вопросе о роли государства в экономике, принципиально отличаются от представителей западной культуры. В то же время, по другим компонентам их экономических воззрений (убеждениям, что конкуренция — это хорошо, т.к. стимулирует людей напряженно работать, что благосостояние каждого может увеличиваться за счет роста благосостояния всего общества, а не за счет ухудшения положения других людей и т.д.) россияне мало чем отличаются от жителей «старой Европы».

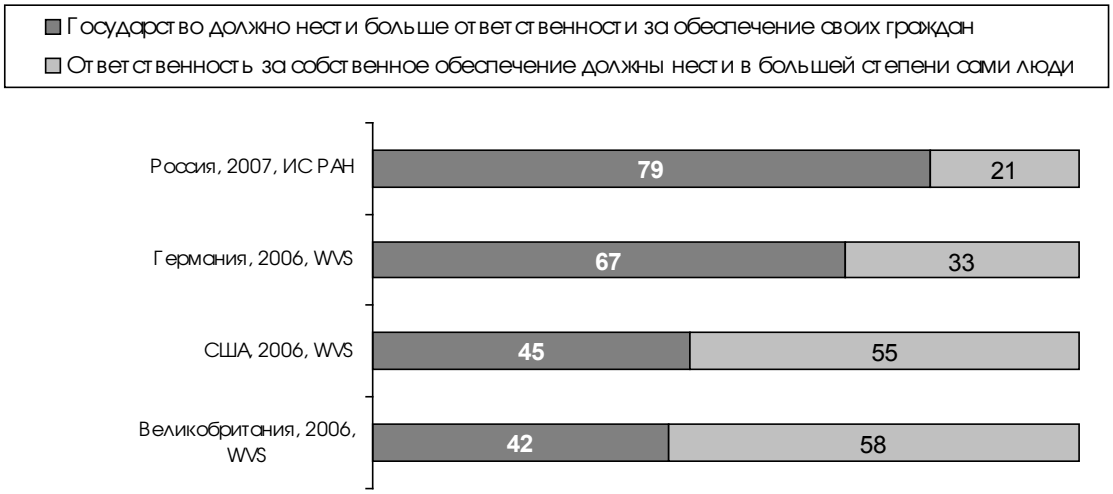


Рис. 7. *Распространенность патерналистских настроений у граждан разных стран мира, % от ответивших.*

При этом динамика взглядов россиян в тех двух принципиальных моментах, которые отличают их «экономический менталитет» от взглядов на базовые принципы развития экономики жителей старой Европы и США (т.е. в распространенности патерналистских ожиданий и представлениях о ведущей роли государства в экономике), говорит об их разной природе. В отличие от практически не меняющегося отношения к роли государства распространенность патерналистских ожиданий — реакция на ситуацию, когда большинство населения мало что может сделать для улучшения своего положения из-за реальных структурных ограничений, и в 1990 году доминировала норма, что ответственность за собственное самообеспечение в большей степени должны нести сами люди[8].

Решающую роль в этом переломе сыграли 1990-е гг. Именно тогда произошел не просто фактический уход государства от обязательств перед своими гражданами, но и смена политической риторики с провозглашением государством, по сути дела, лозунга «Спасение утопающих дело рук самих утопающих». И хотя с изменением политической риторики, а, отчасти, и реальной внутренней политики в 2000-х гг. произошла некоторая реанимация старых норм, скепсис в отношении «заботы» государства о своих гражданах продолжает доминировать в сознании россиян и усиливается тем больше, чем больше реальный жизненный опыт убеждает их, что в предлагаемой государством системе «правил игры» подавляющее большинство не способно самостоятельно справиться со своими проблемами, т.к. решающую роль в ней играют не столько личные усилия, сколько связи и везение (рис. 8). И то, что между представителями самой активной в трудовом отношении возрастной когорты 31–40 лет или работающими в целом, которые на собственном опыте видят, что определяет в современной России занятие благоприятных структурных позиций, и теми, чьи суждения в этом вопросе определяются чисто нормативно, из усвоенной когда-то и не скорректированной сегодняшним опытом системы взглядов (пожилым населением), в этом вопросе есть качественный разрыв, — яркое свидетельство того факта, что с распространенностью в России патерналистских ожиданий дело не столько «не в тех нормах», сколько «не в той реальности». В этой связи симптоматично убеждение, что они смогут сами обеспечить себя и свою семью, и поэтому не нуждаются в материальной помощи со стороны государства, доминирует только в одной возрастной группе — до 25 лет включительно. В группе 26–30 лет число сторонников как этой точки зрения, так и убеждения, что без материальной поддержки со стороны государства им и их семьям выжить сложно, практически выравнивается, а после 30 лет перевес в пользу второго из этих альтернативных суждений становится очень значителен (14% и более).

[8] Данные World Value Survey (WVS) 1990 г. (вторая волна: 1989–1993 гг.).

Рис. 8. *Оценки россиянами факторов, влияющих на их возможности в с помощью собственных трудовых усилий улучшить свою жизнь % от ответивших.*

Не удивительна в этих условиях и динамика приоритетов интересов макро- и микрообщностей в сознании россиян за последние 20 лет. Так, в 2000 г. 87% россиян говорили о том, что, принимая важные для себя решения, они руководствовались бы частными (своей семьи или личными) интересами, и лишь 13% декларировали, что исходили бы в этой ситуации из интересов государства или своего производственного коллектива. Затем под влиянием надежд на изменение ситуации со сменой власти в стране, картина несколько сдвинулась в сторону приоритетности интересов государства и коллектива, однако в 2010 г. подавляющее большинство россиян вновь поставили на первые строчки своих приоритетов интересы семьи (60%) или собственные интересы (20%), и лишь 20% даже на словах готовы были руководствоваться в серьезных для них вопросах интересами государства (4%) или коллектива (16%). При этом среди занятых в государственном и муниципальном управлении ни один (!) респондент не сказал, что он руководствовался бы в этом случае интересами государства и лишь 6% руководствовались бы интересами коллектива, а в так называемой бюджетной сфере эти показатели составили 1 и 14% соответственно. В то же время в промышленности и энергетике, например, они составляли 4 и 15% соответственно, в сельском и лесном хозяйстве — 3 и 18%, в финансовой сфере — 4 и 18% и т.д. Это ли не наглядное признание того, *что существовавшая ранее нормативная модель, основанная на идее «служения» государству/державе, потерпела уже полное фиаско, и постепенное размывание ее легитимности в нормативно-ценностной системе населения России лишь отражает уже совершившийся факт полного исчезновения соответствующих норм из сознания ключевой для успешной реализации этой модели группы — государственных служащих.*

Таким образом, главным следствием фактического «ухода» государства в 1990-х гг. не только из экономической, но и из социальной сферы, отражающим изменения, произошедшие в этот период в сознании работников самого государственного аппарата сверху донизу[9], стало то, что характерная для российской культуры нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства в итоге делегитимизировалась в глазах населения. В самом деле — зачем делегировать государству столько прав, если оно при этом не выполняет своих базовых обязанностей? Да, учет в последнее десятилетие властью, хотя бы на уровне деклараций, ожиданий общества, в отличие от ситуации в эпоху Б. Ельцина, способствовал временному расширению делегирования ей права действовать от лица и в интересах общества. Однако это право, во-первых, уже не столь бесспорно и сакрально, как раньше. Во-вторых, многие конкретные нормы, на которых строится характерная для России нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства начали терять в последние 15 лет свою популярность или ослабевать. В-третьих, легитимизация в последние годы права государства защищать интересы общности даже в ущерб интересам и правам отдельного человека диктуется в ряде случаев уже утилитарными и прагматическими соображениями, теряет характер культурной нормы.

[9] То, что этот процесс имел повсеместный характер, продемонстрировал, в частности, опрос руководителей всех уровней, занимавшихся в конце 1990-х гг. разработкой и реализацией государственной социальной политики, проведенный Т.Ю.Сидориной [1].

Все вышесказанное позволяет сделать три основных вывода. Во-первых, *процессы социокультурной модернизации в области норм и смыслов, определяющих отношение россиян к себе, обществу и государству, еще не завершены*. Свидетельства тому — их специфическое отношение к природным ресурсам, четкое деление на «своих» и «чужих» с соответствующим ограничением допуска «чужих» к собственности на значимые условия существования сообщества, ряд специфических особенностей восприятия частной собственности и прав частного бизнеса, к примеру значимость их морально-этической легитимации и относительная незначимость юридически закрепленных прав собственности и т.д. Впрочем, все эти особенности характеризуют в период социокультурной трансформации любую страну, совершающую модернизационный переход.

Второй вывод, связанный со спецификой уже российской культуры в части ее нормативно-ценностной характеристики, состоит в том, что *легитимность всевластия государства и его особой роли в экономике свидетельствует: этакратизм с характерной для него сращенностью власти и собственности по-прежнему остается в России нормой для общественного сознания*. Право государства на ограничение прав частных собственников вплоть до прямого изъятия их собственности, статус государства как основного собственника и субъекта экономического развития, патронклиентские отношения между ним и населением и т.д. — лишь некоторые проявления этого.

В-третьих, несмотря на сохранение доминирующего положения этих норм, *в отношении базовых прав и свобод, затрагивающих интересы рядовых граждан, по итогам последних 15 лет можно зафиксировать интенсивную динамику, связанную с размыванием легитимности всевластия государства* в этой области. На протекании этого процесса сказываются несколько факторов. Во-первых, как уже отмечалось выше, на этот процесс влияют действия власти, которая, в отличие от населения, долго не понимала, а часть ее представителей и сейчас не понимает, в какой «системе координат» и как именно ей надо действовать, чтобы сохранить свою легитимность. Во-вторых, в поколениях, социализирующихся в новых условиях, все же несколько больше людей, отрицающих нормы традиционной для российской культуры модели взаимоотношений общества, личности и государства, включая априорную сращенность власти и собственности, чем среди тех, кому «за 50». В-третьих, начинает сказываться хотя и затормозившийся в последние два десятилетия, но успевший набрать некую критическую массу еще в советское время процесс концентрации населения в крупных городах и одновременного увеличения в составе их жителей доли лиц с высшим образованием. Все это ведет к постепенному распространению ценностей, слабо совместимых с традиционной для России системой норм взаимоотношений личности, общества и государства, и формированию на этой основе новой нормативной системы.

Ключевым вопросом в этих условиях становится вопрос о том, куда и как пойдет дальнейшая эволюция нормативно-ценностных систем в России. Общий вектор эволюции нормативной составляющей этих систем отчасти был намечен выше. Однако нормы неразрывно связаны с ценностями[10] людей, их стремлениями и установками, также претерпевающими в последние десятилетия серьезные изменения. С точки зрения ценностей, как и с точки зрения норм, национальная культура, обеспечивавшая длительное и устойчивое существование социума этакратического и позднеэтакратического типа, неизбежно должна была относиться к типу коллективистских. Однако при этом сами россияне, как свидетельствуют их психологические особенности [3], — огромная роль для них свободы («воли»), понимание этой свободы в духе анархизма и многие другие факты — в массе своей ярко выраженные индивидуалисты.

Именно поэтому в России исторически нужен был *особенно жесткий «пресс» норм и ценностей, вырабатывавших способность к подчинению своих личных интересов коллективным и неизбежно формировавших в этой связи в первую очередь не ценности успеха и преуспевания, а ценности хороших отношений, душевной гармонии, и, особенно, чистой совести как свидетельства соблюдения данным индивидом в его собственных глазах интериоризированных норм культуры*. Этот «пресс» веками сдерживал центробежный индивидуалистический порыв россиян, позволяя не только сохраниться определенному типу социума, но и обеспечить в нем приемлемые условия для совместного существования, не доводя его до «войны всех против всех» (опасность которой особенно велика в условиях отсутствия эффективно действующей правовой системы). Сейчас этот «пресс» в силу разрушения в 1990-х гг. многих существовавших в советское время механизмов ретрансляции норм культуры, а также возникновения объективного противоречия между этими нормами и критериями селекции, обеспечивающими восходящую мобильность в новых рыночных условиях, в

[10] Ценности, в отличие от норм, отражающих долженствование или «естественность», «нормальность» определенного положения, поведения и т.д., всегда эмоционально (хочу/не хочу, важно/не важно) окрашены.

значительной степени уже исчез. В этих условиях естественно, что *максимальный рост в последние годы продемонстрировали именно те ценности, которые связаны с индивидуальным успехом и самоутверждением в ущерб ценностям, присущим культурам коллективистского типа*[11]. Более того, при этом пострадала и распространенность ценностей, обычно относимых не к ценностям модерна, а к ценностям постмодерна, например, возможность самореализации. Как видно из табл. 1, ценности, связанные с душевной гармонией, хорошими отношениями с близкими людьми и с самореализацией, заметно потеряли за последние 15 лет в популярности. И хотя интересная работа до сих пор входит в терминальные ценности большинства россиян, однако в условиях, когда, как было отмечено выше, упорный труд не рассматривается как причина успеха большинством работающих, а успех становится все более значим, такая самореализация вряд ли долго сохранится как значимая ценность для большинства населения. И вряд ли можно ожидать в таких условиях серьезного положительного эффекта от роста в российском обществе достижительных ценностей.

Таблица 1

Динамика выбора россиянами в альтернативных парах ценностных суждений, 1995-2010, %

Альтернативные ценностные суждения	1995	2000	2010
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него была спокойная совесть и душевная гармония	93	94	**80**
–––––––			
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него были доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	7	6	**20**
В жизни главное — хорошие семейные и дружеские отношения	91	92	**82**
–––––––			
В жизни главное — общественное признание и успех	9	8	**18**
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	63	58	**54**
–––––––			
Главное в работе — это сколько за нее платят	37	42	**46**

Ряд полученных различными (в том числе и нашей) исследовательскими группами результатов позволяет также высказать предположение, что *в России для перехода от традиционалистских систем ценностей к ценностям эпохи модерна решающую роль играют, видимо, утилитарные, прагматические мотивы роста индивидуального благополучия, повышения собственного статуса и самоутверждения даже в ущерб окружающим. При этом население России в значительной части уже ушло от традиционалистской системы ценностей, но еще не пришло к характерным для обществ модерна ценностным системам, а возможно — и вообще к ним не придет*.

Насколько уникальна такая ситуация? Как показывают данные сравнительных общемировых исследований Р. Инглхардта, изучение ценностей по методике Ш. Шварца и др. ценностные системы россиян отнюдь не являются чем-то из ряда вон выходящим, хотя достаточно своеобразны. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, который освещен в литературе значительно лучше, чем вопрос о нормативной составляющей мировоззрения россиян, приведу лишь данные о месте России на условной ментальной карте мира (рис. 9), построенной с использованием методики измерения культурных характеристик Г. Хофстеда. Эта методика, уже около 50 лет успешно применяемая в десятках стран мира и впервые использованная в общероссийском масштабе в ходе уже не раз упоминавшегося выше исследования 2010 г., основана на расчета таких показателей как:

- толерантность к неравномерному, иерархизированному распределению в обществе власти («Дистанция власти»);
- доминирование традиционно рассматриваемых как «мужские» (достижение, успех и т.п.), или «женские» ценностей (теплые личные отношения, взаимопомощь и т.п.) («Маскулинность»);
- высокая значимость личных интересов («Индивидуализм»);
- стремление к ясности и четкости правил, в соответствии с которыми организован внешний мир, сведению к минимуму «эффекта неопределенности» («Избегание неопределенности»).

[11] Об этом же говорят и другие исследования ценностей — Н. Лапина, В. Магуна и М. Руднева, Н. Латовой, Н. Лебедевой и А. Татарко, выполненные с использованием иных методик и на других массивах данных.

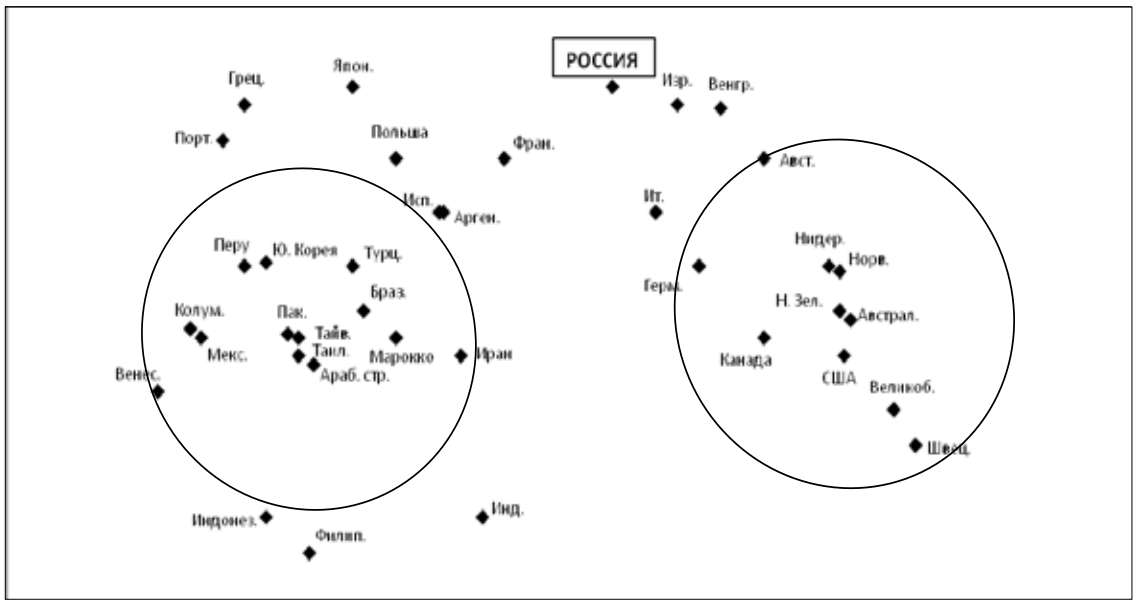


Рис. 9. *Место России на условной ментальной карте мира*[12].

Как видно на рис. 9, на правой части рисунка четко сгруппировались страны с европейскими культурными корнями, включая Канаду и США. В левой части сгруппированы в основном страны неевропейских культур, в которых процессы социальной и социокультурной модернизации еще, как правило, не завершены. При этом Россия, как, впрочем, и многие другие страны, оказалась за рамками и условного «Запада», и условного «Востока», а ее ближайшим соседом стал Израиль. И хотя она тяготеет скорее к «Западу», чем к «Востоку», однако своеобразное, а в ряде случаев даже парадоксальное, сочетание различных культурных характеристик в ней не позволяет рассматривать ее как периферию западной культуры.

Все вышесказанное позволяет утверждать — *Россия пока по-прежнему сохраняет специфичность характерной для нее системы ценностей и норм и в этом отношении она в мире далеко не одинока. Однако она достаточно далеко продвинулась за последние полтора десятилетия по пути социокультурной модернизации. При этом часть норм, и ценностей в ходе социокультурной модернизации заменяется для россиян другими, зачастую альтернативными, а часть меняет свой смысл — так, ценность свободы, например, остается, но смысловое наполнение ее становится постепенно иным. То же относится к пониманию института частной собственности и т.д.*

В то же время, в России пока еще сохраняется закрепление в системе норм национальной культуры определенной модели развития социума, который можно охарактеризовать как позднеэтакратический. Наиболее характерными его чертами выступают особая роль государства в жизни общества и в экономике, сращенность власти и собственности. Соответственно, «ядерным» и наиболее устойчивым элементом системы неформальных норм, обусловливающих невосприимчивость этого социума к «имплантированию» в него многих институтов, характерных для развитых стран, выступает та часть этих норм, которая относится к экономической сфере, прежде всего — к пониманию места государства в экономике, отношению к собственности на природные ресурсы и представлением о сути собственности, связанным с историческими особенностями развития России на протяжении по меньшей мере последнего тысячелетия.

Само по себе признание рыночных начал в экономике вполне совместимо с этой системой норм и не ведет к ускорению социокультурной модернизации. И хотя темпы изменений в нормативно-ценностных системах россиян довольно высоки, они могут оказаться недостаточными для занятия нашей страной стратегически удачного места на мировой арене, даже если отвлечься от проблемы неэффективности и коррумпированности российских элит, — этого не позволит степень восприимчивости населения к той институциональной матрице, которая обеспечивает наиболее эффективное экономическое развитие. А это, в свою очередь, будет означать не только консервацию нынешней экономической модели развития страны, но и отсутствие предпосылок для ускоренного

[12] Карта построена научным сотрудником ИС РАН Н.В.Латовой на основе методики многомерного шкалирования. Ею же выполнены расчеты и подготовка других графических иллюстраций по методике Г. Хофстеда.

завершения социальной и социокультурной модернизации, без которых невозможно радикально изменить ее место на мировой арене.

Однако при оценке вероятности этого сценария развития нельзя сбрасывать со счетов два обстоятельства. Во-первых, в последние десятилетия Россия начала активно включаться во все ускоряющиеся процессы глобализации, а появление Интернета придало этим процессам новый импульс. *Все это кардинально поменяло условия эволюции менее развитых в экономическом отношении стран мира и поставило крест на анклавных моделях развития, которые до последнего времени реализовывала и Россия. Процессы модернизации, в том числе и социокультурной модернизации, в них стали накладываться на процессы, «запущенные» переходом к постиндустриальному этапу развития глобальной мировой экономики. В этих условиях в рамках одной страны уже невозможно сохранять даже относительную гомогенность культуры, а, соответственно, в фокус внимания попадает вопрос о соотношении в рамках каждой национальной культуры носителей разных типов нормативно-ценностных систем*. Превращение же субкультур меньшинства в культуру большинства может придать серьезный импульс ускорению экономического роста в той или иной стране и утверждению в ней демократических норм.

Во-вторых, нельзя забывать о том, что *разные социальные группы играют различную роль в определении вектора развития любой страны*. А как было показано выше, в последние годы фиксируется все большая гетерогенность российского социума с точки зрения специфических для него нормативно-ценностных систем фактически по всем вопросам, связанным с представлениями россиян о нормах и ценностях, в нем нет единства и доля «нормативно-ценностных меньшинств» в составе населения страны имеет тенденцию к росту. Вот почему в условиях нарастания гетерогенности представлений россиян о «должном» неизбежно встают вопросы о сути тех различающихся, а во многом и альтернативных моделей мировоззрения, которые основаны на разных нормативно-ценностных системах и характеризуют разные группы российского населения.

В литературе существует несколько традиций выделения и изучения таких групп. Так, например, Н. Лапин и Л. Беляева, уже около 20 лет осуществляющие мониторинг ценностей россиян на базе проходящих раз в несколько лет общероссийских опросов, рассматривают меняющуюся и усложняющуюся картину ценностей российского населения через призму сочетания в его нормативно-ценностной системе интегрирующих, дифференцирующих и конфликтогенных ценностей (методику измерения которых они разработали самостоятельно). Этой исследовательской группой получены очень интересные результаты, в частности сделан вывод о растущей значимости утилитарных, прагматических мотивов в эволюции ценностных систем населения нашей страны. Группа Н. Лебедевой и А. Татарко уже много лет работает с массивами данных, в которых используется разработанный Ш. Шварцем инструментарий измерения ценностей, эмоционально значимых лично для индивида и проявляющихся прежде всего в системе межличностных отношений. В последнее время, впрочем, они начали работать и с материалами «Всемирного исследования ценностей» (WVS), используя методику Р. Инглхардта, а также комбинируя результаты, полученные с использованием обеих упомянутых методик. Полученные результаты позволили им утверждать, что за ростом индивидуалистических ценностей, по сути, стоит рост ценностей выживания, а не самоутверждения. В обеих этих группах, хотя акцент делается на получении общей по России картины, рассматривается и специфика мировоззрения отдельных социальных групп.

Группа В. Магуна и М. Руднева работает на массивах данных международного опроса «Европейское социальное исследование» (ESS), используя при этом как оригинальную методику Ш. Шварца, так и собственные методики обработки данных. Ключевое в их результатах — анализ внутренней неоднородности ценностных систем россиян, показавший, что главным, что зависит в ценностных системах населения именно от межстрановых различий культуры, а не от социально-демографической структуры населения разных стран, выступает отношение к двум альтернативным блокам ценностей. В рамках данной методики эти блоки идентифицируются как блок «Самоутверждение», отражающий ориентацию на успех и благополучие, и блок «Выход за пределы собственного Я», включающий ценности толерантности, сохранения природы и благополучия других людей и т.п. Проведенная представителями этой исследовательской группы работа показала, что в России достаточно высокая по отношению к другим странам доля нетипичных для страны в целом ценностей и ни один из выделенных ими кластеров не составляет большинства населения[13].

[13] Два наиболее характерных для стран Западной Европы кластера в России насчитывают в общей сложности лишь 19% населения (в Швейцарии этот показатель 66%, Швеции — 63%). При этом самым массовым в России является кластер, характеризующийся очень высокими показателями ценностей самоутверждения при средних показателях открытости изменениям. В странах Западной Европы его доля не превышает 30%.

Однако минус методики Шварца при массе ее несомненных плюсов в том, что она ориентирована на измерение лишь значимых для индивида в процессе межличностных отношений установок, и не затрагивает норм макромира, которые считаются автоматически следующими из ценностей микромира. Частично этот недостаток пыталась преодолеть группа, работающая под руководством автора данной статьи и М. Горшкова. Эмпирической базой деятельности этой группы выступают общероссийские опросы, а методологической — нормативистский подход, учитывающий специфику ценностей и норм, традиционно описываемых в литературе как характерные для «*Modern Man*». Этой группой были разработаны такие идеальные конструкты как «классический традиционалист» и «классический модернист» (по аналогии, например, с «идеальным газом»), ключевые признаки которых были операционализированы и затем на основе их комбинаций были построены многомерные индексы, позволяющие выделять носителей определенного типа сознания. Значимость результатов, полученных в рамках данного направления исследований, связана не только с тем, что ею был получен ряд выводов о динамике численности и зоне локализации «модернистов» и «традиционалистов» в тех или иных социальных группах, но и в том, что особый акцент в ее работе делается на нормы, отражающие механизм регуляции взаимоотношений личности, общества и государства, которыми никто другой (из углубленно работающих с этой проблематикой исследователей) в России систематически вообще не занимается.

Однако постулат о применимости для России концепции, отождествляющей прогрессивное развитие с движением от домодерна к классическому (т.е., по сути, «западному») модерну, сам по себе не очевиден. Поэтому автором данной статьи была *предпринята попытка выделить объективно существующие в России типы нормативно-ценностных систем, и лишь затем обратиться к анализу их носителей*. При этом особый акцент делался в первую очередь на взглядах россиян на принципы взаимоотношений в системе «личность — общество — государство».

Для реализации этой более чем непростой задачи сначала из общего массива данных были выделены 65 переменных, характеризующих различные аспекты представлений россиян о должном, желаемом или эмоционально значимом во взаимоотношениях личности, общества и государства. Вопросы, связанные с нормативно-ценностными аспектами взаимодействий в семейных, соседских, родственных, дружеских, производственных отношениях при этом не рассматривались. Затем эти 65 переменных были запущены на кластеризацию для выделения относительно гомогенных по своему составу групп респондентов, что позволило «отбраковать» ряд переменных, не значимых для деления на кластеры[14]. Факторный анализ, примененный к оставшимся 40 переменным, выделил 12 факторов[15], которые, комбинируясь в разных вариациях, формируют многообразие реальных представлений россиян.

Часть этих мировоззренческих «блоков» интерпретировалась достаточно легко (с учетом содержательного наполнения этих блоков, они были названы мной «Модернистские установки», «Толерантность к «не-Мы»», «Уверенность в возможности себя обеспечить», «Постмодернистские установки», «Индивидуалистические установки», «Либеральные установки», «Нормы этакратических обществ», «Гражданская пассивность по убеждению», «Постсоциалистические установки»). Другая часть потребовала большой дополнительной работы для их более точной интерпретации. В числе «блоков», потребовавших такой работы, были три, получившие в итоге названия: «Правовые основы взаимоотношений в системе личность — общество — государство», «Позитивное отношение к жизни в условиях плюрализма, риска и конкуренции» и «Российская модель демократии».

Чтобы было яснее, что стоит, например, за совокупностью объединившихся в фактор «Российская модель демократии» переменных, опишу, отталкиваясь от них, ее внутреннюю логику: интересы и взгляды у людей очень разные, а значит заведомо невозможно сделать так, чтобы все были довольны — в этих условиях государство должно принять на себя миссию согласования интересов и действий с учетом большинства; политическая оппозиция должна помогать государству в решении этой сложной задачи, учитывая специфику этой модели и ее отличие от западных моделей

[14] Допустимое по методу иерархического кластерного анализа число кластеров оказалось 4–8. Далее расстояние между центрами кластеров уменьшалось незначительно, а их число возрастало в разы. Анализ дендрограммы по иерархическому кластерному анализу показал, что на основе визуализации результатов кластерного анализа по заданным переменным оптимально выделение 4–7 кластеров. Содержательный анализ с использованием таблиц сопряженности показал, что наиболее значимые для реальной дифференциации кластеров переменные заканчиваются на переменных, значимых для дифференциации на 7. В результате для последующего анализа были отобраны 40 переменных, оказавшихся значимыми для кластеризации на 7 кластеров. Эти переменные были одновременно значимы для деления по типам нормативно-ценностных систем (необходимое условие) и обеспечивали наиболее полное представительство реально дифференцирующих россиян нюансов взглядов (достаточное условие).

[15] Использованная модель факторного анализа объяснила 50,761% дисперсии.

взаимоотношений государства и его граждан (понятно, что характерные для этих моделей индивидуализм, либерализм и западная демократия для России не годятся, и для нее важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство) учитывая как сложно организовать эффективную работу такой модели взаимоотношений государства и его граждан, все и всегда должны соблюдать букву закона, иначе наступит общий хаос. Лучше всего, учитывая характерную для сторонников этих взглядов убежденность в том, что демократия все-таки должна быть, хотя и в заметно отличающейся от ее классических канонов форме, этот мировоззренческий блок, на наш взгляд, отражало название «Российская модель демократии».

Фактор, названный мной в итоге «Правовые основы взаимоотношений в системе личность — общество — государство», включал в первую очередь согласие респондента со следующими суждениями: «Не так важно, соответствует что-либо закону или нет - главное, чтобы это было справедливо»; «Каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения»; «Законы, конечно, надо соблюдать, даже если они устарели, но только если это делают и сами представители органов власти»; «Правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства»; «Каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций»; «Государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности»; «Если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить»; «Всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям». Конечно, эти нормы — отнюдь не нормы общества классического модерна, для которого нехарактерно ни пренебрежение законом во имя справедливости, ни допущение давления на правосудие или прессу со стороны правительства, ни убеждение в том, что государство призвано отстаивать интересы народа, а не права человека. Однако эти нормы, являющиеся своего рода «родимыми пятнами» нормативной системы этакратических обществ, соседствуют в рамках этого блока взглядов с убеждением в необходимости равенства перед законом представителей власти и рядовых граждан, признанием за каждым человеком права отстаивать свое мнение в противовес большинству и права отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций, которые в классическую модель нормативной системы этакратических обществ не вписываются.

Вошедший в этот фактор набор норм свидетельствует не только о разложении характерных для позднеэтакратических обществ нормативных систем, отражающих существующие на микроуровне представления об основах «общественного договора» между рядовыми гражданами и властью, но и о разной степени прочности, укорененности в общественном сознании тех или иных норм (представляя одновременно наиболее типичные для данного общества нормы). В таком случае внутренняя неоднозначность этих норм — свидетельство переходного характера этой системы воззрений, уже ушедших от легитимности и почти сакральности власти государства, имеющего права требовать бесспорной жертвенности со стороны своих граждан (подданных), и постепенно переходящих к консенсусной модели взаимоотношений с ним, но все еще сохраняющих за государством при условии и в рамках соблюдения этого консенсуса, своего рода негласного «общественного договора», право действовать вне правового поля во имя «общих интересов». Исходя из этих соображений я очень условно и не вполне удачно и назвала его «Правовые основы взаимоотношений в системе личность — общество — государство».

Наконец, фактор «Позитивное отношение к жизни в условиях плюрализма, риска и конкуренции» включал в первую очередь положительное отношение респондента к таким понятиям как модернизация, различия, глобализация, индивидуализм, демократия, риск, конкуренция и Евросоюз, а также убеждение, что успех в жизни — результат упорного труда, а не просто везения и связей.

В целом по результатам анализа выделенных факторов («мировоззренческих блоков») просматривалась следующая картина. *Индивидуалистические установки оказываются связаны сегодня в России не столько с формированием модернистских установок, сколько с отрицанием норм этакратических обществ.* Распространение индивидуализма, вероятно, — первый шаг к отрицанию этих норм. *Модернистские установки связаны с блоком «Правовые основы взаимоотношений личности, общества и государства»*. Видимо, эти типичные для России представления разлагаются только под влиянием определенных, характерных именно для сознания модерна поведенческих установок (нонконформизм, ориентация на перемены, инициативность, готовность к борьбе за свои интересы, толерантность к конкуренции). *Постмодернистские установки связаны в России с отрицанием либеральных установок,* предполагающих в России, судя по полученным результатам, прежде всего убеждение в необходимости минимизации социальной роли государства.

Таким образом, анализ факторного распределения применительно к ключевым компонентам норм, ценностей и установок, которые составляют своего рода «каркас» мировоззрения россиян, позволил не только понять внутреннюю взаимосвязь многих из них, но и интерпретировать смыслы, которые стоят за соответствующими взглядами в российской культуре и достаточно сильно отличаются от приверженности, на первый взгляд, тем же нормам в западноевропейской культуре.

Подводя же не только методологические, но и содержательные итоги анализа основных факторов (блоков), из которых складывается сознание россиян, отметим также, что такие факторы как «Правовые основы взаимоотношений в системе личность — общество — государство» и «Российская модель демократии» очень ярко отражают *переходность, промежуточность нынешнего этапа эволюции нормативно-ценностных систем россиян в движении по пути от нормативно-ценностных систем этакратической разновидности обществ традиционного типа к обществам модерна.* Однако не менее, а может быть и более важно то, что *одновременно они демонстрируют специфику этих систем в России, поскольку соотношение входящих в них компонентов мировоззрения у россиян в целом достаточно устойчиво по крайней мере на протяжении последних 15 лет,* и ожидать быстрых сдвигов в этой области нет никаких видимых оснований, хотя некоторая динамика в этой области, как я постаралась показать в первой части данной статьи, все же прослеживается. Характер их объединения с другими факторами (блоками) свидетельствует при этом о том, что если «Правовые основы взаимоотношений в системе личность — общество — государство» прямо связаны со все более широким принятием многих ценностей модерна на микроуровне, а, следовательно, этот блок будет и дальше развиваться относительно динамично по мере распространения соответствующих ценностей и установок, то блок «Российская модель демократии» существует в сознании населения достаточно изолированно и, видимо, будет характеризоваться в силу этого относительно большей устойчивостью.

Лучше понять ситуацию с гетерогенностью нормативно-ценностных систем россиян позволяет анализ того многообразия комбинаций, подчас весьма причудливых, которые составляют входящие в эти блоки элементы составляют в сознании отдельных людей, а также степени распространенности этих комбинаций. Конечно, «сколько людей — столько и мнений», и в этом смысле каждый человек уникален. Тем не менее, можно попытаться выделить некоторые достаточно широко распространенные кластеры сочетаний, позволяющие получить интересующую нас картину гетерогенности нормативно-ценностных систем россиян и ее специфики по отношению к неким классическим представлениям о переходе от сознания домодерновых обществ к нормативно-ценностным системам обществ модерна. В качестве метода анализа этих комбинаций нами был избран кластерный анализ[16]. По его результатам были выделены 7 кластеров, некоторые особенности взглядов которых по конкретным переменным, вошедшим в анализ, приведены в табл. в Приложении.

Если попытаться выстроить кластеры по мере движения от сознания традиционалистского типа к сознанию модерна, и подобрать с учетом их характерных особенностей названия для каждого из полученных кластеров, то мы увидим следующую линейку:

- «Последовательные традиционалисты» (2-ой кластер)
- «Традиционалисты-этакраты» (1-ый кластер)
- «Разочаровавшиеся традиционалисты» (5-ый кластер)
- «Немодернисты» (3-ий кластер)
- «Протомодернисты» (4-ый кластер)
- «Российские постмодернисты[17]» (6-ой кластер)
- «Российские модернисты» (7-ой кластер).

[16] Анализ носил многоступенчатый характер. Сначала был использован иерархический кластерный анализ. При кластеризации респондентов по 12 описанным выше факторам, судя по показателям *Coefficients* в *Agglomeration Schedule*, возможное число кластеров составляло 6–9. Затем были построены соответствующие кластеры. Статистический анализ выделенных кластеров показал, что есть устойчивые «ядра», которые в нашей выборке составляли 5,7%, 5,1%, 3,9%, 3,8%, 3,1%, 2,2% и 1,8% от всех респондентов — остальные группы составляли в выборке 1,5% и менее. Эти «ядра» целиком «перекочевывали» при различных моделях кластеризации в те или иные кластеры. Поэтому за основу дальнейшего анализа нами была избрана модель с 7 кластерами, хотя, строго говоря, на большем массиве данных (например, с выборкой в 10 тыс. респондентов) более полной может оказаться модель с большим количеством кластеров. Однако и в этом случае подавляющее большинство кластеров, которые анализируются в нашей модели, сохранится. Это связано с тем, что доля в их составе выделенных «ядер» для большинства из них достаточно велика и находится в диапазоне 28–35% от всех членов кластера. И лишь для двух кластеров эта доля составила 12 и 17% соответственно, что означает для них заметно более низкую степень устойчивости характеристик кластера в целом.

[17] Нормы постмодерна соседствуют в данном кластере с нормами позднеэтакратического общества, что не позволяет рассматривать этот кластер как следующую за сознанием модерна ступень и заставляет оценивать его скорее как одну из специфически российских форм сознания модерна.

Использование в двух последних случаях прилагательного «российские» призвано подчеркнуть специфику этих групп, оттенив тот факт, что сознание их представителей во многих отношениях довольно далеко и от классического модерна, и от классического постмодерна.

Если учесть как характерные особенности кластеров в целом, так и их ядер[18], то портреты этих кластеров будут выглядеть следующим образом.

Традиционалистски ориентированные кластеры:

- **«Последовательные традиционалисты».** Наиболее характерными особенностями этого кластера на фоне остальных выступают убеждения, что конкуренция вредна, что все перемены к худшему и нужно приспосабливаться к реальности, а не бороться за свои права, негативное отношение к демократии, модернизации, различиям, риску, последовательная приверженность уравнительности и т.п. Не удивительно при таких взглядах и согласие членов максимального из всех кластеров с суждением, что западный путь развития России не подходит. При этом кластер характеризуется довольно толерантным отношением к соблюдению закона.
- **Традиционалисты-этакраты.** Это кластер во многом близок к «Последовательным традиционалистам». Для него также (и в отличие от всех остальных кластеров) характерно безоговорочное согласие с тем, что западный путь развития России не подходит, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, негативное отношение к ЕС и индивидуализму. Как и «Последовательные традиционалисты», члены данного кластера убежденные сторонники необходимости доминирования в России плановых, а не рыночных начал (97% ядра и 73% кластера в целом) и хотели бы жить в обществе социального равенства, а не индивидуальной свободы (96% в ядре и 78% в кластере в целом). При этом к демократическим нормам жизни и кластер в целом, и в еще большей степени представители его ядра, настроены скептичнее, чем «Последовательные традиционалисты». Так, они в большинстве своем не считают необходимой оппозицию, не согласны с тем, что каждый гражданин имеет право отстаивать свои интересы при помощи демонстраций и забастовок, хотя, как отмечалось выше, это обязательные компоненты, норм характерных для россиян в целом. Ядро отличается от кластера еще большей готовностью признать за государством право влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. При этом, в отличие от «Последовательных традиционалистов», кластер характеризует позитивное отношение к конкуренции, переменам и модернизации, а также очень противоречивое и неоднозначное отношение к закону.
- **Разочаровавшиеся традиционалисты.** Этот кластер, как и предыдущий, также демонстрирует сложность и неоднозначность протекания процессов разложения ранее характерной для России модели сознания. Однако в нем разложение этой модели начинается как бы «с другого конца» — не с развития на микроуровне толерантности к конкуренции и т.п. с одновременным сохранением лояльности к нормам, на которых строится этакратическая модель развития, а с разрушения в первую очередь именно этих норм. При этом, вследствие разочарования в традиционной модели взаимоотношений общества, личности и государства, разложение этих норм происходит у членов этого кластера без одновременного формирования альтернативных им представлений, характерных для обществ модерна, что ведет к развитию в нем массовой аномии. Именно члены этого кластера чаще всего оказываются просто не способны определить свою позицию, выбрав из (как правило, альтернативных) предлагавшихся им вариантов ответов тот, с которым они были бы согласны. При этом в сознании членов этого кластера остается очень много черт, характерных для сознания традиционалистского типа — от ориентации на воспроизводство привычных образцов и отрицания права личности защищать свои мнения и интересы в противовес мнению большинства. Характерно для него и тяготение к плановой модели хозяйствования. Отличия во взглядах его ядра от взглядов кластера еще ярче демонстрируют, что это традиционалистский по своей природе кластер.

[18] А по большинству позиций, отражающих специфику того или иного кластера по отношению к остальным, число сторонников соответствующих взглядов в ядрах кластеров оказалось заметно больше, чем в этих же кластерах в целом. Это означает, что ядра кластеров действительно выполняют в них эту роль, и что именно эти воззрения являются для соответствующего кластера своего рода «несущим каркасом» мировоззрения его членов.

Промежуточные кластеры:

- **Немодернисты**. Этот кластер находится как бы «на перепутье» — нельзя сказать, что он настроен безусловно традиционалистки, но никакого отношения к сознанию модерна, по крайней мере в его классическом виде, его члены также не имеют. В целом для них характерно пребывание в начале пути разложения традиционалистской модели сознания в вопросах поведения личности, и, одновременно, довольно далеко зашедшее размывание норм этакратической модели развития общества. Однако на место этих норм приходит не аномия, как в кластере «Разочаровавшихся традиционалистов», а достаточно четкая альтернативная система ценностей, где у человека есть право заявить о себе и своих проблемах, хотя и не в тех формах, как в западных моделях демократии. Так, они убеждены, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, и что не так важно при этом, соответствует ли что-то закону или нет — главное, чтобы это было справедливо. Одновременно в кластере очень велика доля тех, кто считает, что каждый гражданин в любой ситуации вправе отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций, и что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение, даже если большинство придерживается иных взглядов. К этому стоит добавить, что, хотя это характерно не только для данного кластера, большинство в нем склонно ограничивать всевластие государства — почти 60% кластера, и еще большая доля его ядра не готова, признать безусловное право правительства влиять на правосудие, а также ограничивать свободу прессы, даже если этого требуют интересы государства. Все это довольно мирно сосуществуют в нем с толерантностью к «Западу вообще» и, одновременно, отрицанием необходимости демократии, эффективно работающей в ее рамках оппозиции, конкурентной среды и т.д. При этом члены данного кластера не уверены в своих силах и ждут помощи в решении своих проблем от государства.

- **Протомодернисты**. К числу наиболее ярких особенностей этого кластера относятся прежде всего последовательная прагматическая ориентация (убеждение, что материальное благополучие важнее свободы, а зарплата — «интересности» работы), а также убеждение, что чего-то добиться можно только действуя сообща. Характерны для его членов также негативное отношение к индивидуализму, убеждение, что следование традициям важнее инициативности и поиска нового, что хорошие руководители для России важнее хороших законов. Яркой особенностью кластера выступает и отсутствие в нем толерантности к «не-Мы», возможно в силу очень ярко выраженной уверенности, что согласовать интересы разных групп общества невозможно. Однако в отличие от всех рассмотренных выше кластеров его члены в массе своей признают пользу конкуренции, являются сторонниками общества равных возможностей, а не равенства доходов, положительно относятся к модернизации и демократии, убеждены в праве человека отстаивать свое мнение даже если большинство придерживается другого мнения, не согласны с признанием права государства влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. Ядро этого кластера еще толерантнее относится к неравенствам, при этом в нем ярче выражено убеждение, что успех — результат упорного труда, а не простого везения. Все это позволяет отнести данный кластер к промежуточным кластерам, характеризующимся весьма противоречивым сознанием.

Сравнивая между собой два промежуточных кластера, нужно прежде всего отметить, что во многом (признание необходимости главенства традиций, установка на конформизм, неуверенность в своих силах, отсутствие толерантности к «не-Мы», согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение независимо от позиции большинства и т.д.) два промежуточных кластера похожи. Однако при этом «Протомодернисты», в отличие от «Немодернистов», настроены скорее на доминирование в российской экономике рыночных начал, среди них заметно меньше распространены уравнительные настроения и больше — убеждение в необходимости активности «снизу» как фактора перемен в обществе. Характерны для него и гораздо меньшая роль, которая отводится государству в обществе вообще и в экономики в частности, а также признание необходимости оппозиции. С другой стороны, у «Протомодернистов» нет характерной для «Немодернистов» убежденности в праве человека отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций безотносительно к ситуации. Возможно, это связано с четко выраженным у них

априорным признанием невозможности согласовать интересы разных групп так, чтобы это устроило всех, и ориентацией на приоритетность групповых интересов, которые не должны страдать в результате проявлений интересов индивидуальных — ведь в отличие от «Немодернистов» этот кластер характеризуется ярко выраженным негативным отношением к индивидуализму, готовностью к групповой солидарности, признает важность законов как социальных регуляторов.

Модернистски ориентированные кластеры:

- **Российские постмодернисты**. Это самый большой по численности (20% всех россиян) и очень своеобразный кластер, имеющий достаточно яркие отличия от всех вышеописанных кластеров, с одной стороны, и от «Российских модернистов», с другой. К числу наиболее характерных особенностей его членов относятся: ярко выраженный нонконформизм, выбор в пользу общества индивидуальной свободы, а не социального равенства, убеждение, что инициатива и поиск нового важнее следования традициям, вторичность материального благополучия как ценности (свобода для него важнее материального благополучия, а «интересность» работы — размера заработной платы), последовательная ориентация на собственные силы, убеждение, что в защите своих интересов надо ориентироваться на индивидуальные, а не коллективные действия, уверенность в том, что их материальное положение зависит от них, а не от ситуации в стране, позитивное восприятие перемен, модернизации, индивидуализма, демократии; несогласие с суждением, что западный путь развития России не подходит; согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение, даже если оно не совпадает с позицией большинства. По всем этим позициям ядро данного кластера демонстрирует еще более высокие показатели, чем кластер в целом.

  Качественные отличия ядра от кластера в целом просматриваются лишь по нескольким позициям, но они демонстрируют, что мы имеем дело в данном кластере скорее с весьма специфической формой сознания модерна, чем с какой-либо промежуточной, транзитивной формой сознания, а также тот факт, что этому типу сознания присуще тяготение к демократии, хотя и не в той ее форме, которая характерна для стран Запада. Так, 58% (при 40% в кластере в целом), убеждены, что перемены в российском обществе надо проводить, опираясь на инициативу «снизу», а не на действия «сверху». Ядро в меньшей степени настроено также на роль государства как гаранта прав общности, а не прав человека и в меньшей степени готово делегировать ему право прямого влияния на правосудие и ограничивать свободу прессы. Кроме того, оно в большей степени уверено в своих силах, в частности в том, что они проживут и без помощи государства.

  Таким образом, это прорыночно и проиндивидуалистически настроенный кластер, с отчетливым тяготением (во многом, видимо, стихийным) к идее прав человека и отрицанием всевластия государства. Члены его достаточно уверены в своих силах, последовательные нонконформисты и характеризуются низкой значимостью для них материалистических ценностей при приоритете ценностей свободы и самореализации. В то же время, при бесспорном признании ценности демократии как таковой для них характерны типичные для России представления о том, как должна выглядеть эта демократия, весьма далекие от классических представлений о ней.

- **Российские модернисты.** Этот кластер во многом похож на «Российских постмодернистов». К числу общих особенностей их членов относятся: ярко выраженный нонконформизм, прорыночные ориентации, выбор в пользу общества индивидуальной свободы, а не социального равенства, убеждение, что инициатива и поиск нового важнее следования традициям, последовательная ориентация на собственные силы, уверенность в том, что нужно бороться за свои права, а не приспосабливаться к реальности, позитивное восприятие перемен, модернизации, индивидуализма, демократии; согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение, даже если оно не совпадает с позицией большинства, неготовность делегировать правительству право влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. Любопытно при этом, что, как и в предыдущем кластере, в вопросе о том, как должны идти перемены — «сверху» или «снизу» — при переходе к ядру происходит качественный скачок, и большинство начинают отводить приоритетную роль активности

«снизу». При этом, также, как и в предыдущем кластере, в нем при переходе к ядру падает толерантность к «не-Мы», что даже приводит в ядрах обоих этих кластеров к доминированию негативного отношения к Западу, что *не позволяет однозначно охарактеризовать его членов как сторонников западной модели развития, хотя объективно именно члены данного кластера характеризуются наибольшем распространением в их сознании взглядов, характерных для этой модели*. В том, что и *это особая, «незападная» разновидность сознания модерна* убеждает и то, что, хотя это единственный кластер, где доминирует (70% в кластере и 84% — в ядре) убеждение, что природные богатства могут принадлежать кому-то, кроме народа или государства (в остальных кластерах доля сторонников этой точки зрения колебалась в диапазоне 2-18% — по ядрам кластеров и 3-14% — по кластерам в целом), однако только 18% в данном кластере считают, что природные богатства должны принадлежать тем, кто стал их официальным собственником в последние годы, а основная масса убеждена, что речь должна идти в данном случае о территориальных сообществах или производственных коллективах. Из остальных особенностей кластера стоит упомянуть о том, что для него характерна гораздо большая, чем для «Российских постмодернистов», значимость материального благополучия, хотя его материальное положение объективно лучше, и уверенность в возможности прожить без помощи государства распространена в нем относительно шире.

Таким образом, и в плане формирования характерных для сознания модерна на микроуровне норм, ценностей и установок (нонконформизм, индивидуализм, внутренний локус-контроль, ориентация на конкурентную рыночную экономику и т.д.), и, особенно, в плане разложения норм, характерных для позднеэтакратических обществ, этот кластер продвинулся дальше других. Однако это не привело ни к признанию в нем западной модели развития как эталонной, ни к однозначному принятию ряда конкретных особенностей западных обществ, ни даже к развитию толерантности к «не-Мы».

Если оценить распространенность представителей различных кластеров в российском обществе, то она будет выглядеть следующим образом (рис. 10).

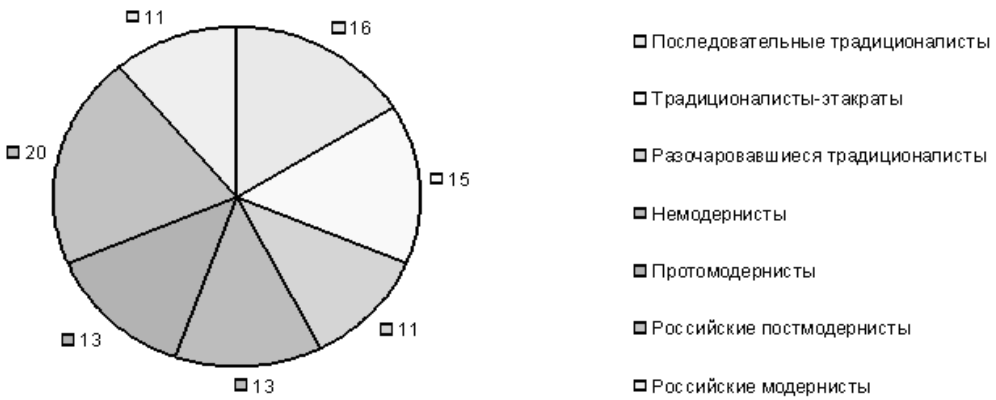


Рис. 10. *Доли сторонников различных типов нормативно-ценностных систем в российском обществе, в %*

Как видим, сегодня в России нет четкого доминирования каких-либо взглядов, скорее российское общество представляет собой в этом отношении пеструю мозаику. Однако главный вывод из проведенного анализа заключается все же не в этом, а в том, что, *хотя фактически сегодня в нашем обществе есть по крайней мере две разновидности сознания модерна, обе они не ориентированы на то, что Россия должна идти западным путем, а многие ключевые и характерные для них нормы, ценности и установки принципиально отличаются от ассоциируемых обычно с западной культурой. И в этом плане можно говорить о формировании в России «альтернативного модерна», причем существующего в различных формах.* Конечно, это не значит, что в России вообще нет сторонников пресловутых «западных ценностей» в их классической комбинации — просто их так мало, что в стандартных общероссийских социологических исследованиях они составляют стати-

стически незначимую величину и не могут стать объектом дальнейшего анализа. Видимо, поэтому наша «правая оппозиция» никак не может найти свой электорат, оставаясь на уровне, не превышающем 3% поддержки, — она просто видит его совсем не таким, каков он на самом деле, и апеллирует не к тем ценностям, о которых он хочет услышать.

Однако насколько можно доверять этим выводам с учетом их новизны? Чтобы проверить это, я рассмотрела особенности ценностей выделенных кластеров с помощью такого проверенного инструмента как методика Г. Хофстеда. При всем том, что последняя рассчитана на анализ ценностей, определяющих поведение в системах производственных отношений, существующих в разных типах обществ, а не нормативно-ценностных систем, определяющих взаимоотношения в системе «личность — общество — государство», такое сравнение дает не только возможность дополнительной проверки полученных выводов, но и позволяет получить новую информацию о векторе культурной динамики россиян (рис. 11).

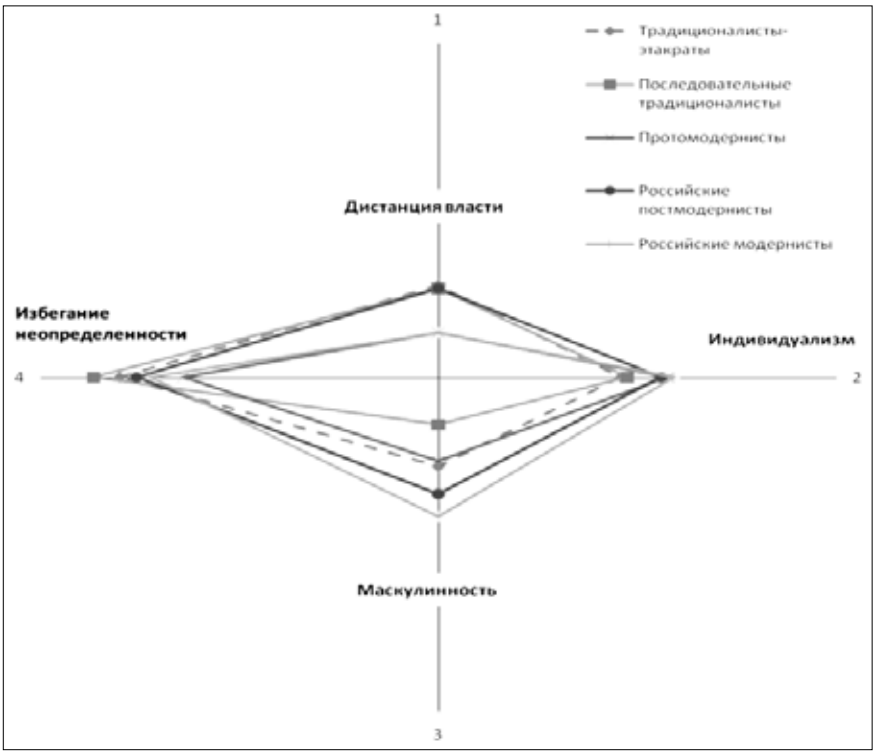


Рис. 11. *«Профиль» различных кластеров*[19] *в хофстедовой системе координат*.

Из рис. 11, и при использовании методики мы видим две альтернативные версии российского модерна. Они очень близки по значимости личных интересов для членов соответствующих кластеров, готовности жить в условиях не жестко запрограммированной среды и важности для них успеха при низкой готовности к сотрудничеству. Однако по отношению к дистанции власти они различаются довольно сильно. В то же время драматизировать эту ситуацию явно не стоит — даже у «Традиционалистов-этакратов», имеющих максимальный балл по данной шкале, толерантность к неравномерности распределения и иерархизированности власти чуть ниже, чем в Великобритании, Германии и США, и вдвое ниже, чем в Турции или Бразилии. Если же говорить о «Российских модернистах», то их показатели толерантности к неравномерности распределения власти в обществе находятся между показателями Израиля и Дании. Так что все россияне по этому показателю вполне вписываются в ареал западной культуры, и отличия их от других стран этой культуры связаны отнюдь не с их «недемократичностью» на микроуровне, а с высокими по отношению к странам этой культуры показателями значимости личных интересов, низкими (даже у «Российских модернистов») показателями ориентации на успех и очень высокими запросами в отношении четкости правил.

[19] Кластеры «Разочаровавшихся традиционалистов» и «Немодернистов» занимают по всем осям хофстедовских координат промежуточное положение в ряду других кластеров, что, впрочем, в соответствии с их общей спецификой неудивительно. Поэтому для удобства визуализации на рис. 11 представлены профили только 5 кластеров.

На рис. 11 видно и то, в какую сторону происходит сдвиг ценностей в российском обществе. Фактически речь идет о сильном смещении в сторону ценностей успеха в ущерб ценностям сотрудничества (однако при этом на общемировом фоне ситуация по России все еще характеризуется скорее готовностью к сотрудничеству, чем ориентацией на успех в ущерб ему) и умеренном смещении в сторону роста значимости индивидуальных интересов и толерантности к ситуации «незапрограммированности», готовности работать в условиях отсутствия четких правил. Картина же, наблюдаемая по отношению к иерархически организованной модели распределения власти в обществе, уже не демонстрирует таких четких трендов. Четко выраженное у одних модернистски настроенных групп («Российские модернисты» и «Протомодернисты») стремление к большей равномерности распределения власти в обществе и большей демократичности в принятии решений соседствует с высокой толерантностью к жесткой иерархизированности власти у других («Российских постмодернистов»).

Таким образом, на данных, полученных по совсем иной методике, построенной для других целей и в другой «системе координат», видны многие знакомые по приведенному выше их описанию особенности рассматриваемых кластеров, прежде всего — разная роль для них индивидуалистических и достижительных ценностей. Понятнее стало и то, что весьма своеобразное отношение россиян к государству и к демократии связано не с их антидемократизмом как таковым (на уровне ценностей), а с существованием в общественном сознании особой модели взаимоотношений общества, личности и государства, поддерживаемой исторически сформировавшейся системой норм, закрепленных в культуре и, видимо, являющихся, судя по их устойчивости, своего рода «несущим каркасом» нормативно-ценностной составляющей этой культуры в целом. Тем не менее, как я уже отмечала в первой части статьи, по крайней мере в последние 15 лет идет достаточно быстрое размывание основ легитимности этой модели, тем более, на микроуровне «подпитывающееся» спецификой ценностей россиян, о стихийном анархизме которых я также уже упоминала.

Кроме того, по данным исследования по хофстедовой методике также видно, что в российском обществе происходит своего рода «культурный дрейф». В ходе этого дрейфа Россия будет сближаться со странами Запада, прежде всего — за счет роста достижительных установок и индивидуализма, по которым она от них до сих пор сильно отстает. Более точно вектор и границы этого движения ясны при взгляде на место на ментальной карте мира двух полярных пар кластеров («Последовательных традиционалистов» и «Традиционалистов-этакратов», с одной стороны и «Российских постмодернистов» и «Российских модернистов» — с другой) (рис. 12).

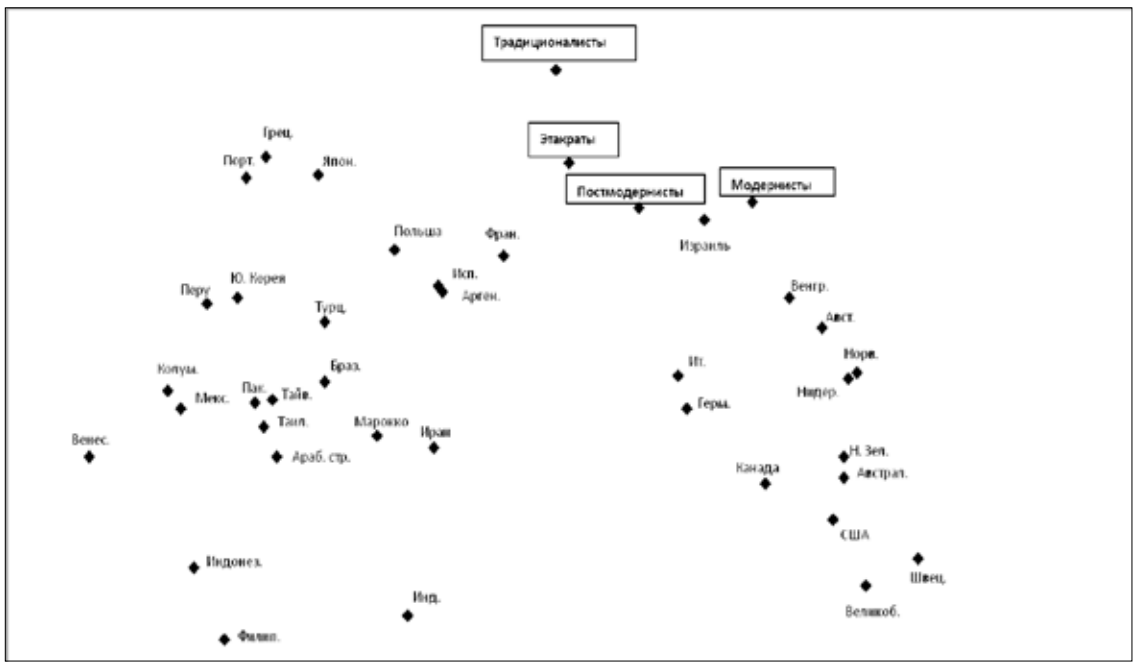


Рис. 12. *Место различных кластеров на ментальной карте мира.*

Как видим, все рассматриваемые кластеры, при весьма значительных различиях между собой, остаются в верхней части многомерного пространства и сохраняют свою культурную уникальность. Однако вектор движения от «Последовательных традиционалистов» к «Российским модер-

нистам» ведет все-таки ко все большему смещению в правую часть пространства, где концентрируются страны западной культуры.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что процессы социокультурной модернизации протекают в России не так, как они протекали в странах классической европейской модели развития. Вероятнее всего, разложение традиционно существовавших в России нормативно-ценностных систем вообще никогда не приведет в ней к массовому принятию традиционных для западной культуры норм и ценностей, сформировав альтернативные модели «*Modern Man*», которые нельзя рассматривать просто как переходные. Можно предположить также, что на этом своеобразии сказываются не только уникальные культурные особенности, связанные с историей, религией и т.п. факторами, но и иная, нежели это было характерно для XIX и XX вв., траектория экономического развития России. Если в так называемых развитых странах на смену индустриализации и урбанизации пришло активное развитие третичного (связанного с производством и воспроизводством человека как важнейшего компонента современных производительных сил) и четвертичного (связанного с производством и циркулированием информации) секторов экономики, предполагающиехмассовое формирование среднего класса, то в России вот уже около 30 лет эти сектора не только не растут, но, скорее, даже сокращаются. Стагнация характеризует уже 30 лет и процессы урбанизации. Причем скорее всего это не чисто российская особенность — неслучайно в последние годы все больше говорят о неомодернизационном подходе, предполагающем множественность не только путей, но и результатов модернизационного процесса.

А это значит, что на российском примере можно выделить, видимо, очень важную для понимания процессов культурных изменений в ходе модернизации обществ в XXI в. закономерность: отсутствие объективных экономических предпосылок для социокультурной модернизации, которые выглядят сегодня несколько иначе, чем в XVIII-XIX вв., может вызывать в модернизирующихся обществах в ходе экономического роста вместо постепенной смены норм и ценностей традиционного общества нормами и ценностями обществ классического «западного» модерна формирование каких-то иных культурных моделей или же состояние длительной социальной аномии. Возможно даже, что именно эти принципиально новые модели и станут определять будущее не только России, но и целых ареалов мира в XXI в.

Приложение

Особенности нормативно-ценностных систем различных кластеров[20]

Переменные	Кластеры						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты–этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
Убеждение в необходимости превалирования плановых, а не рыночных начал в российской экономике	82	73	72	58	45	47	30
Убеждение, что государство должно обеспечивать полное равенство всех граждан	59	32	31	48	27	30	12
Выбор в пользу общества индивидуальной свободы, а не социального равенства	13	22	22	22	12	62	70
Убеждение, что уважение к традициям и следование привычному важнее инициативности и поиска нового	82	50	71	64	69	23	48
Убеждение, что конкуренция вредна	69	18	28	29	16	9	15
Установка на то, чтобы жить как все, а не выделяться среди других	82	62	41	72	51	14	28
Убеждение, что материальное благополучие важнее, чем свобода	40	58	44	44	75	19	36
Убеждение, что чего-то добиться можно лишь действуя сообща, а не рассчитывая только на свои силы	52	48	60	46	74	35	53

[20] Указан процент выбравших соответствующий ответ в рамках того или иного вопроса. Фоном выделены те варианты ответов, которые набрали в данном кластере свыше двух третей поддержки или менее одной трети, т.е. ответы, где прослеживалось отчетливое доминирование в кластере соответствующих взглядов.

Продолжение приложения

Переменные	Кластеры						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты–этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
Убеждение, что перемены в нашем обществе надо проводить «сверху», а не «снизу»	69	84	53	77	46	60	57
Успех — результат везения и связей, а не упорного труда	41	60	62	39	44	45	57
Выбор в альтернативе «интересная работа» — «высокая зарплата» в пользу з/п	44	62	42	62	58	23	40
Убеждение, что его материальное положение зависит от ситуации в стране, а не от него самого	66	62	64	47	54	47	34
Убеждение, что равенство доходов важнее, чем равенство возможностей	46	38	43	48	29	25	31
Уверенность, что без помощи государства они не выживут	72	66	66	68	59	58	33
Убеждение, что нужно приспосабливаться к реальности, а не бороться за свои права	69	60	48	39	34	27	44
Убеждение, что все перемены к худшему	80	43	36	52	36	17	31
Негативное отношение к приезжим	60	68	36	61	71	76	47
Негативное отношение к Европейскому Союзу	49	57	32	38	48	42	31
Негативное отношение к Западу	59	72	33	54	58	49	37
Негативное отношение к Азии	61	48	41	57	70	64	40
Негативное отношение к модернизации	48	22	37	20	16	10	22
Негативное отношение к различиям	57	57	29	43	51	31	33
Негативное отношение к риску	58	58	33	48	60	34	45
Негативное отношение к глобализации	66	63	53	48	83	44	38
Негативное отношение к индивидуализму	45	51	38	28	82	11	22
Негативное отношение к демократии	56	31	22	20	10	17	16
Согласие с суждением «Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство»	78	75	33	26	42	32	43
Согласие с невозможностью согласовать интересы всех групп общества	76	78	21	45	74	78	69
Убеждение, что роль оппозиции в обществе заключается в помощи правительству	69	77	23	19	54	69	60
Согласие с суждением «Всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям»	62	48	15	48	52	34	43
Согласие с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности	62	71	25	77	41	67	46
Согласие с тем, что законы надо соблюдать, только если это делают и представители власти	76	58	25	78	83	62	52
Согласие с тем, что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	67	41	23	71	55	63	69

Окончание приложения

Переменные	Кластеры						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты–этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
Согласие с суждением «Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции»	62	50	20	22	85	60	62
Согласие с тем, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие если этого требуют интересы государства	47	37	15	42	28	46	42
Согласие с тем, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет — главное, чтобы это было справедливо	49	19	13	62	51	45	46
Согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения	83	54	24	88	88	89	72
Согласие с тем, что если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить	34	42	12	40	27	31	39
Убеждение, что природные богатства страны могут принадлежать кому-то кроме народа и государства	14	6	10	13	3	7	70
Убеждение, что хорошие руководители для России важнее, чем хорошие законы	37	86	39	74	21	41	47

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств // Под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
2. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010. (разделы 3, 4).
3. *Касьянова К.* О русском национальном характере. Академический проект. 2003.
4. Российская идентичность в социологическом измерении / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Институт социологии РАН, 2008.
5. Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.
6. Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Чепуренко. М.: Наука, 2006.
7. *Тихонова Н.Е.* Личность, общество, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
8. *Тихонова Н.Е.* Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006. № 1.
9. *Тихонова Н.Е.* Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005. № 6.
10. *Тихонова Н.Е.* Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1 // Общественные науки и современность. 2008. № 2.
11. *Тихонова Н.Е.* Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 2 // Общественные науки и современность. 2008. № 3.
12. *Шкаратан О.* Становление постсоветского неоэтакратизма / Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 5–22.

ВЕЛИКАЯ МИССИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Т.Л. КОНЧАНИН
кандидат философских наук, доцент,
Донской государственный технический университет,
e-mail: Tel5410@inbox.ru

Проблема заключается в безразличном отношении современного студенчества к овладению комплексом культурных, морально-этических и общегражданских ценностей гуманитарного образования. Делается вывод, что возврат к целостному содержанию социогуманитарного образования предполагает повышение статуса гуманитариев, обновление контента социогуманитарного образования на основе актуализации его содержания, вовлечения студентов в обсуждение самых злободневных проблем общественной жизни.

The problem, touched in this article, lies in apathetic attitude of modern students to mastering the complex of cultural and civil values of humane education. The material leads to the conclusion that returning to complete contents of social-humanitarian education presupposes rising of the humanitarians' status in social life, context renovation of social-humanitarian education on the base of actualization of its contents and drawing students in discussing of the most burning social life questions.

Ключевые слова: социально-гуманитарное знание, отторжение студенчеством гуманитарного дискурса, статус гуманитариев, обновление контента социогуманитарного знания.

Keywords: social-humanitarian education, humanitarians' status, context renovation of social-humanitarian knowledge.

Коды классификатора JEL: I25, Z13.

«Будущее полностью зависит от политической и педагогической деятельности. Напрягать волю в бессилии перед ходом вещей, воздействовать на них — в этом мужество самобытия действующего в политике человека; в бессилии перед сложившимся типом человека все-таки делать все возможное, чтобы посредством передачи глубочайшего содержания традиции придать человеку благородство, заключена сила воспитателя» (К. Ясперс)

В отечественной социологической литературе и публицистике (к сожалению, заметно скукожившейся по сравнению с 1990-ми гг.) довольно активно обсуждаются два сюжета, а именно: деградационные тенденции в сфере общественной нравственности и ситуация в сфере образования, в частности высшего. Внутренняя связь между этими явлениями, как правило, не фиксируется, хотя она, несомненно, существует. Более того, можно предположить, что оба обозначенных явления имеют общий корневой источник, заключающийся в систематической, затянувшейся на века недооценке, если не сказать нигилистическом отношении к социальному знанию и гуманитарному просвещению общества.

Историк А. Алексеев приводит такой факт. Как-то император Николай I спросил генерал-адъютанта Назимова, случалось ли ему читать философские сочинения. Услышав отрицательный ответ, самодержец сказал: «Ну а я прочитал их все и убедился, что все это только заблуждения человеческого ума» [1,58]. Результатом его слов стал запрет преподавания философии в универ-

© Т.Л. Кончанин, 2011

ситетах, а также негласное табу на использование слов «революция», «конституция» и «общество» в социальных дискурсах. Читатель, скорее всего, еще хорошо помнит, с каким ожесточением коммунистические правители превращали социогуманитарные науки в инструмент идеологического зомбирования подрастающих поколений. В итоге это не могло не привести к задержкам в области развития нравственной, социологической, политической и правовой культуры, к распространению примитивных мнений и оценок, а в конечном счете, — ко сну разума, что всегда дорого обходится обществу.

Несостоявшийся поворот к гуманизму

Совпавшее с завершением XX столетия окончание «холодной войны» и прекращение гонки вооружений породили у определенной части интеллектуалов надежды на поворот к гуманизму. Прозвучало пророчество-предупреждение К. Леви-Строса о том, что грядущий век будет веком гуманитарных наук или его не будет вовсе. ЮНЕСКО объявил XXI в. столетием гуманитарной экспансии как в науке, так и в образовании. И. Валлерстайн высказал прогноз-пожелание о признании за гуманитарными науками центральной роли в мире знания.

Что можно сказать по поводу этих гуманитаристских упований на исходе первого десятилетия XXI в.? Честность требует признания того, что реальная действительность развивается в противоположном направлении. «В глобальные замыслы развития человеческого знания практически никто из его архитекторов сегодня, увы, не включает гуманитарное знание. Последнее оценивается лишь с позиции технических и естественных наук, причем только в такой мере, в какой они могут способствовать экономическому росту. В результате происходит глобальный закат гуманитарного знания» [8, 26].

Действительно, можно ли утверждать, что принимающие решения политики и управленцы систематически задумываются о том, в какой мере эти решения содействуют сохранению и наращиванию культурного потенциала общества, развитию личности, росту ее творческих возможностей и социальной ответственности? Часто ли они анализируют влияние принимаемых решений на социальную стратификацию, на обеспечение условий для социальной мобильности «сильных» и приемлемых условиях жизни «слабых», т.е. на созидание социальной гармонии? Да и само понятие социальной гармонии сегодня кажется чрезмерным, но не потому ли, что человеческое, личностное измерение жизни отодвинуто на второй план? Можно ли утверждать, что лица, принимающие решения, обладают достаточно адекватными представлениями о процессах, происходящих в среде подрастающих поколений, что реализуемая молодежная политика выдерживает более или менее серьезную критику? На все эти и многие подобные вопросы трудно дать положительный ответ.

Понятно, что речь идет о крайне сложных и неоднозначных процессах. Но разве это является весомым основанием, чтобы не придавать их решению серьезного значения? Думается, что дело здесь упирается не только в трудности их решения или недооценку значимости. Видимо, имеют место и такого рода ситуации, когда общество в силу разных причин не обнаруживает достаточного мужества, чтобы честно, с открытыми глазами реагировать на происходящее. Именно такая ситуация характерна, по нашему мнению, для сферы отношения к молодежи. Она чревата издержками для обеих сторон. Само общество вынуждено воевать с мифическими угрозами, а подрастающее поколение лишается возможности должным образом воспользоваться опытом отцов. Кстати, рассматриваемую ситуацию нельзя квалифицировать как закат гуманитарного знания, поскольку расцвета не было. Это торжество традиционализма, когда сложные и сверхсложные проблемы социальности замалчиваются или «решаются» путем словесных заклинаний.

Самое уязвимое место в социогуманитарном дискурсе — засилие неадекватной методологии как в сфере познания, так и в сфере поиска практических решений. В последней бал правит технократический, менеджерский подход. Сошлемся на условный, но, как нам кажется, вполне убедительный пример. С точки зрения указанного подхода иерархия значимости факторов развития общества выстраивается примерно таким образом: ресурсы, организация, правила игры, социально-психологическая атмосфера. В неискаженной же какими-либо патологиями действительности она такова: социально-психологическая атмосфера, правила игры, организация, ресурсы. Метафорически можно утверждать: ресурсы создаются из воздуха, если он в достаточной мере насыщен кислородом взаимного доверия, сотрудничества и готовностью к всестороннему совершенствованию.

Почему так происходит, почему гуманитарное знание малодушно отступает под напором прикладного, научно-технического знания? Ответ на этот вопрос обычно связывают с кризисом

культуры, «перерождением гуманизма» (А. Солженицын), кризисом человеческой личности. Под влиянием потребительского ажиотажа, охватывающего все большее число стран на всех континентах, люди утрачивают интерес к смысложизненным аспектам своего бытия и устремляются к сиюминутным благам. Задаваясь вопросом, где мы потеряли и продолжаем терять стремление к мудрости, В.А. Кутырев приходит к выводу, что человечество лишилось мудрости на пути поклонения Логосу, на пути сведения его к чистому разуму, освобожденному от ценностей и интуиции. В прежние времена мышление без блага, не «ведущее к Храму», не ценилось и считалось опасным. В XX в. Логос практически уже полностью отождествляется с позитивным мышлением, рациональностью, дискурсом. С появлением информационно-компьютерных технологий возникают внутренне не связанные с целями и ценностями, чисто формализованные способы обработки реальности, отвечающие лишь на единственный вопрос «как?». «Потерей собственно человеческого и победой принципиально антифилософского мышления объясняется кризис антропологии и гуманизма и переход к протогуманному и постгуманному образованию» [9, 100].

В порядке самокритики можно высказать предположение, что частично в подрыве своего статуса виноваты и сами гуманитарные науки, в течение долгого времени ориентировавшееся на идеалы точных наук и не придававшее должного значения осмыслению своей специфики и своих приоритетов. В частности, если взять социологию, то она, очевидно, слишком много внимания уделяла получению «полезного знания» в ущерб знанию «бесполезному», связанному, например, с поиском путей обеспечения свободы и вменяемости индивида или пробуждением его социологического воображения. Думается, что практически все гуманитарные науки должны принять упрек в слабой приверженности демократическому этосу, в недостаточном уяснении того, что при всех огромных возможностях политиков и интеллектуалов все их начинания, в конечном счете, будут упираться в качество сознания, установок и склонностей массового человека.

Резюмируя сказанное выше, можно заключить, что кардинальное совершенствование преподавания социогуманитарных дисциплин, прежде всего, предполагает более глубокое осмысление специфики социогуманитарного знания и его приоритетов, осознание его неизбывной *миссии*. Здесь многое нуждается в конкретизации и уточнении. Необходимо четко уяснить, чем должно отличаться преподавание социогуманитарных дисциплин от преподавания «знаниевых» (естественные науки) и прикладных специальных дисциплин. Необходимо определить, чем должно отличаться преподавание социогуманитарных дисциплин, как профильных и как общеобразовательных. Необходимо отказаться от максималистских иллюзий, которые порой возникают в сфере гуманитаристики. Так, прогноз-пожелание И. Валлерстайна о признании за гуманитарными науками центральной роли в мире з н а н и я , очевидно, является утопическим. А вот признание за гуманитарным знанием центральной роли в б ы т и и — задача весьма актуальная и вполне реальная. Ну и, наконец, — в первую очередь — необходимо освободить гуманитарное знание от тисков шаблона и мелочного административного контроля.

Социально-гуманитарное знание существует в двух ипостасях — в форме гуманитаризма и в форме гуманитаристики. Хотя оба эти термина употребляются в отечественном гуманитарном дискурсе относительно редко, смысл их предстает достаточно определенным. Гуманитаризм представляет собой определенный мировоззренческий концепт, некую разновидность «сферной», «отраслевой» идеологии, защищающей и продвигающей ценности культуры, гуманизма и высоких нравственных стандартов в жизни общества и человека. Он может быть поставлен в понятийный ряд, включающий такие концепты, как экономизм, политизм, морализм, эстетизм, сциентизм, европеизм (В. Кантор), романтизм, «интеллигентское сознание» и т.п. Что же касается гуманитаристики, то это понятие обычно используется для обозначения комплекса социогуманитарных наук, которые иногда подразделяются на социальные и гуманитарные. Для целей нашего анализа данное разделение несущественно.

Попытаемся подробно раскрыть содержание гуманитаризма как мировоззренческого комплекса и выявить его наиболее существенные признаки.

Первым из них, несомненно, является гуманизм. Традиция, идущая в европейской культуре еще от Сократа, предполагает признание морального достоинства индивида. Нерушимость и самоопределяемость духовного мира человека означают, что человек не может быть описан лишь в терминах внешних свойств, ибо он заключает в себе самобытный внутренний мир: человек являет собой существо, которое постоянно ищет и испытывает самого себя. В последующей европейской мысли тенденция, в соответствии с которой человек не только не есть предмет среди предметов, но и не может быть средством для достижения каких- либо социальных целей, оставаясь господствую-

щей, все более вступала в противоборство с противоположной — антигуманитарной, пытавшейся, в частности, опереться на методологию и успехи естествознания. С приходом XX в. процессы массовизации европейского общества и острота социальных конфликтов еще больше осложнили ситуацию. Тем не менее, традиция признания моральной ценности отдельного человека не исчезла. К примеру, в русской культуре гуманитарная составляющая ярко представлена в классической русской литературе, в религиозно-философской и общественной мысли XIX века. Они пронизаны глубоким пониманием морального значения личности и обосновывают необходимость его отстаивания.

Вторая существенная черта гуманитарного мировоззрения — культуроцентризм, антропоморфизм, критические отношения к инструментальному разуму и тенденции технологизации всего и вся. Ярким протогонистом этой черты гуманитаризма в отечественной социогуманитарной мысли выступает В. Кутырев. Кризис культуры, чье наличие признают многие, ученый видит в том, что технологическое отношение к миру становится универсальным и захватывает все большее число людей, народов и стран, проникая в самые интимные сферы человеческого общения. Констатируя тотальное наступление техники и технологии, В. Кутырев призывает отстаивать те сферы бытия, которые могут и должны существовать без техники, бороться с редукцией жизни к разуму, разума — к исчислениям, ценностей — к информации, интеллигентности — к интеллекту.

Современное образование В. Кутырев характеризует как сугубо теоретическое, научно-техническое, формирующее профессионально компетентных, но бездуховных индивидов, что и является одной из причин переживаемого человеком эколого-антропологического кризиса. Ученый считает, что объявленная на рубеже 60-70-х гг. прошлого века гуманизация образования остановилась на этапе призывов или подменяется гуманитаризацией. По его мнению, действительная гуманизация требует относиться к индивиду как целостному существу, культивировать все способности его духа — веру, надежду, эмпатию, чувство красоты, эмоциональное отношение к миру. Жизнь не сводится к доказательствам и логике. Значит, образование прежде всего должно быть духовным — философским и культурным. «Надо развивать и укреплять человека, его силу, гибкость, здоровье, умение противостоять стрессам, выживать в нестандартных ситуациях. Иными словами, сначала личность, потом — не по времени, а по значению — знание, сначала дух, потом интеллект» [10, 182].

Еще одной, по нашему мнению, принципиально значимой чертой гуманитарного мировоззрения является признание совместимости религиозного и научного видения мира. Еще сто и даже пятьдесят лет назад вера в культурообразующую роль науки связывалась с надеждой на окончательное вытеснение религии на периферию общественной жизни. Однако современный социально-исторический контекст изменил отношение как к науке, так к религии. От науки, технологии и вдохновляемого ими просвещения уже не ждут гарантий «светлого будущего» и все чаще обращают внимание на исходящие от них угрозы. Что касается религии, то даже самые решительные ее критики не осмеливаются предрекать ее исход с историко-культурной сцены. Власти же заинтересованы в том, чтобы споры между наукой и религией не выходили за определенные рамки: мировоззренческие конфликты не должны нарушать баланс сил в обществе, без которого и самой власти трудно сохранить свои позиции. На этом фоне явственно дает о себе знать крепнущая тенденция к объединению культуросозидательных усилий науки и религии. Сегодня все большее число интеллектуалов склоняются к мнению, что культурное движение человечества идет не от веры к безверию, а от веры к знанию, объектом которого становятся и те стороны жизни человека, которые не поддаются рассудочному умозрению. Это бесспорное свидетельство готовности науки к сотрудничеству с религией. Практический вопрос такого сотрудничества сейчас заключается, видимо, в том, окажется ли религия способной пройти свою часть пути, необходимую для эффективного сотрудничества с наукой.

Квинтэссенцией гуманитарного сознания является жажда нравственной ясности, острое ощущение правды и кривды, обостренное чувство гражданской совести и отчетливое понимание того, что «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов» (А.С. Пушкин). Гуманитарность выступает апологией нравственного начала в общественной жизни. Недаром великий гуманитарий А. Смит начал свою научную и писательскую деятельность с публикации книги «Теория нравственных чувств».

Гуманитарному мировоззрению свойственны элементы пассионарности, подвижничества, жертвенности. Оно в значительной мере является антиподом потребительскому ажиотажу, охватившему сегодня доминирующие референтные группы российского общества. Гуманитарное со-

знание созидает личность, формирует потребность в духовном развитии и совершенствовании, обязывает человека культивировать понятия чести и достоинства. Небезынтересно отметить, что В.И. Ленин, освободившись на склоне дней от революционного угара, связывал свои надежды именно с ипостасью внутреннего человека. Он призывал сделать ставку на «элементы действительно просвещенные, за которые можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести» [11, 391]. К сожалению, призыв не был услышан. В результате обрушившаяся на нас в конце 80-ых гг. свобода во многом оказалась разрушительной. И понятно почему:

Свобода, если разобраться,
Тогда лишь делается нужной,
Когда души моей пространство
Обширней камеры наружной.
(И. Губерман)

Гуманитарное образование как раз и направлено прежде всего на расширение пространства души воспитанников, на возвышение и облагораживание их помыслов. Невольно вспоминаются строки Б. Окуджавы: «Ах, были б помыслы чисты, а остальное все приложится». Поэтому можно вполне обоснованно утверждать, что система высшего образования выполняет свою задачу в полном объеме лишь тогда и в той мере, когда и в какой мере формирует у своих питомцев готовность взять на себя самообязательства гражданина и интеллигентного человека.

«Ополовиненное» гуманитарное образование

Подошло к концу время реализации Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. В той или иной мере основные ее положения воплощаются в жизнь. Вводятся в действия образовательные стандарты нового поколения, возникли новые очаговые центры эксклюзивного гуманитарного знания, журналы «НЛО», «Логос» и другие. Внешне еще более убедительную картину прогресса являют книжные магазины и темпланы издательств. Беспрецедентно высокими темпами происходила гуманитаризация отечественного высшего образования. По расчетам автора, за период с 1990 по 2008 гг. при общем увеличении приема студентов в 2,5 раза прием на естественнонаучные специальности сократился на 47%, прием на прикладные специальности (инженеры, агрономы, геологи и т.п.) увеличился в 1,4 раза, тогда как прием на социально-гуманитарные увеличился в 4,5 раза, а на экономические и управленческие специальности — в 8,4 раза (!).

«И, тем не менее, — констатирует Н. Покровский, — знак неблагополучия витает над социогуманитарной сферой» [16, 95]. Сохраняется неопределенность буквально по всем аспектам социогуманитарного образования — от масштабов и уровня подготовки до ценностно-идеологической направленности преподавания. Верное замечание А. Магарила шестилетней давности: «Характерно, что в рамках дискурса о предстоящей реформе образования обсуждаются любые вопросы, кроме качества общественно-гуманитарного образования» [12, 44] и это сегодня полностью остается в силе.

Наглядным подтверждением сохраняющейся неопределенности в сфере социогуманитарного знания является тот факт, что появление самых содержательных работ на тему о реформе социогуманитарного образования относится к 2002–2007 гг[1]. В этих публикациях остро обозначены болевые точки состояния преподавания социогуминитарных дисциплин и выдвинуты предложения, требующие выработки согласованного мнения обществоведческого сообщества. Но случилось так, что начавшаяся было принципиальная дискуссия по проблеме роли и содержания гуманитаристики в системе образования, так и не выработав сколь-нибудь внятной позиции по существу сформулированных проблем, сама по себе незаметно угасла.

В чем же конкретно лежит эпицентр неблагополучия в сфере гуманитарного образования? Социологически глубоко обоснованный ответ на этот вопрос дает Н. Покровский: «Если дать обоб-

[1] Кроме процитированных выше статей Н.Е.Покровского и А.С.Магарила, назовем ряд других публикаций: Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах. Аналитический доклад. М.2003; Андреев А. Гуманитарное образование: очередной кризис?// Высшее образование в России.2004. №7;Балацкий Е. Мутации и мимикрия в сфере высшего образования// Свободная мысль. 2006. №6; Косолапов Н.А. Мечты гуманитария, или Индикатор зрелости общества// Общественные науки и современность. 2004. №5; Любимов Л. Реформа образования: благие намерения, обретения, потери// Высшее образование в России.2004. №12; Юревич А.В. Звездный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России// Вопросы философии.2003. №12.

щенную характеристику ситуации, можно сказать, что *современное университетское образование отторгает гуманитарный дискурс*. Это сложная, многогранная проблема. Она порождена, прежде всего, тем, что российское (и не только российское, но и западное) общество все в большей степени фокусируется на бизнес-ценностях, коммерции, "полезном знании" (*useful knowledge*), что почти автоматически приводит к снижению или даже к аннигиляции и гуманитарного, и гуманистического дискурса. Говоря проще, наши студенты приходят в университеты для получения полезных знаний, обеспечивающих наиболее эффективный и скорейший доступ к источникам капитала. И хотя можно найти немало исключений, тенденция именно такова. В этом смысле гуманитарные знания (а до них и гуманистические ценности в целом) выглядят во многом излишними, бесполезными и неоправданно затратными. Дегуманизация общества и дегуманизация университетского образования тесно переплетены между собой» [16, 95]. Во многом аналогичную точку зрения на истоки безразличного, незаинтересованного отношения современных российских студентов к изучению социальных и экономических дисциплин высказывает экономист Е. Балацкий, обращая внимание на то, что «в студенческой среде постепенно складывается утилитарный, чрезвычайно узкий тип мышления» [2, 52].

Как справедливо отмечает Т. Хагуров: «Для того чтобы наука, искусство, мораль существовали и развивались, обществу требуется сохранение "критической массы" умных, глубоко образованных, неравнодушных, ищущих истину его членов. Кроме того, требуется, чтобы остальные … относились к усилиям тех, кто "горит огнем истины", с уважением и пониманием. Когда же количество "горящих" людей снижается ниже некоего критического уровня (который трудно определить точно, но он есть!) начинается регресс» (22,102). Обращаясь к своему преподавательскому опыту, и опыту коллег-преподавателей других социогуманитарных дисциплин, автор показывает, что даже среди благополучных студентов «стремительно снижается процент интересующихся тем, что они изучают», кто стремится «понять конкретные истины и разобраться в сути вопроса». Даже эти лучшие студенты всерьез заинтересованы лишь тем, чтобы сдать и получить высокую оценку. При этом Т. Хагуров отмечает, что такое сугубо конъюнктурное отношение характерно не только для отвлеченных, типа философии и логики, дисциплин, но и для профильных общетеоретических предметов: теория государства и права, социологическая теория и т.п. Готовность же изучать студенты проявляют лишь в отношении «практичных» «нужных для работы» предметов — бухучет, бизнес-планирование, жилищное право. Словом, образовательный заказ студенчества вполне однозначен: «научите меня зарабатывать деньги, прочее мне не интересно» [22, 96-97]. Такой образовательный этос свидетельствует о кризисе не только социогуманитарного образования, но и образования вообще.

В избранном нами ракурсе рассмотрения проблемы — прежде всего через отношение студентов к предлагаемым им социогуманитарным курсам — интерес представляет опыт кафедры общей социологии ГУ–ВШЭ, реализующей целый ряд инновационных начинаний в сфере преподавания социологии. В частности, к стержневым фундаментальным курсам общей социологии и истории социологии здесь была добавлена целая «линейка» новых экспериментальных курсов-факультативов: *«Социологическое воображение — визуальная социология. Практикум», «Кино как социологический текст», «Социология музыки и музыка в рекламе»* и др. По содержанию эти курсы были междисциплинарными, читались не только сотрудниками кафедры, но и приглашенными со стороны известными специалистами, в том числе и зарубежными, в некоторых случаях в формате дистанционного телекурса в реальном времени в режиме телемоста.

Обобщая опыт внедрения инновационных курсов, Н. Покровский констатирует, что эксперимент выявил своеобразие развития личности современного студента. «С одной стороны, его привлекают яркие и активные методы преподавания с применением мультимедиа и электронных коммуникаций, представляющих собой своеобразное введение в мир виртуальности. С другой стороны, как только возникает необходимость серьезно готовиться к занятиям и осваивать достаточно большие объемы информации, у некоторых студентов возникает разочарование, "оказывается, "это не как в клубе"» [17, 36]. Такое раздвоение весьма симптоматично. Оно, по нашему мнению, является подтверждением тому, что только увеличением элементов увлекательности, тем более развлекательности, социогуманитарных курсов отторжения современной студенческой аудиторией гуманитарного дискурса преодолеть невозможно. Требуется поиск более глубоких оснований возрождения заинтересованности студентов в освоении содержания социогуманитарного дискурса.

Обращает на себя внимание заметное расхождение оценок ситуации в сфере СГО, даваемых авторами, проблематизирующими ситуацию (Н. Покровский, Т. Хагуров и др.), и авторами пре-

обладающего массива публикаций, отмечающими некоторые затруднения в этой сфере, но придерживающимися мнения, что в целом учебный процесс идет нормально. За обозначенным выше расхождением стоит расхождение представлений о значении и смысле преподавания социогуманитарных дисциплин. Авторы «спокойных» описаний ситуации подходят к проблеме с позиции современного студенчества, ориентированного на получение полезных знаний. Их в целом удовлетворяет достаточно устойчивый интерес студентов к приобретению имеющих перспективу спроса на рынке труда знаний и компетенций. То же обстоятельство, что упомянутые выше *гуманитарные профессии предполагают освоение целого комплекса культурных, морально-этических и общегражданских ценностей,* овладение которыми современным студенчеством практически тотально игнорируется, данную группу преподавателей особенно не беспокоит. Проблематизирующие тему авторы видят перед собой целостный классический облик «образованного человека», в связи с чем их беспокоит ополовиненность этого образа откровенно прагматическими и приземленными устремлениями современного студенчества.

Следует также иметь в виду, что в среде современного российского студенчества, наряду с преобладанием студентов-прагматиков, имеется еще менее привлекательный тип студента. Его образ весьма красочно рисуют Е. Золотухина-Аболина и В. Золотухин: «Студенты, немалая часть которых явно (платное обучение) или тайно (взятки преподавателям приемной комиссии) получают студенческий билет за деньги, считают, что и диплом можно приобрести без особых усилий, лишь в нужное время открыв родительский кошелек. Взяточник-студент искушает взяточника-преподавателя, порой не только искушает, но и нагло и беспардонно, едва ли не с угрозами навязывает деньги, потому *что категорически учиться не хочет и не собирался изначально этого делать»* (выделено нами – Т.К.) [7, 89].

Наличие в составе современного российского студенчества некоторого количества, с позволения сказать, студентов, отвергающих не только гуманитарный дискурс, но и знания вообще, свидетельствует о далеко зашедшей деградации университетского этоса. Конечно, эта проблема должна решаться прежде всего путем повышения требовательности и контроля со стороны администрации. Вместе с тем мы считаем, что следует иметь в виду и другие ресурсы возрождения университетского этоса, непосредственно связанные с преодолением сегодняшней практики «ополовинивания» гуманитарного образования. По мере того, как на всех уровнях его организации будет осознаваться важность целостного гуманитарного просвещения, по мере того, как благодаря этому просвещению студенты будут овладевать культурными, морально-этическими и гражданскими ценностями, подобающими образованному человеку, в игру будет вступать фактор «внутреннего человека», отсекающего императивами культуры обман и халтуру.

Возврат к целостному содержанию СГО

Прежде всего, следует признать исключительную, поистине судьбоносную значимость преодоления тенденции «ополовинивания» социогуманитарного образования (СГО) и поиска путей возврата к его целостному содержанию. «Отступление гуманитарного образования и гуманизма как такового, — пишет Н.Покровский, — чревато потерей эффективности и самоуничтожением системы. Прагматизм, не уравновешенный гуманистическими ценностями, приводит к распаду. К сожалению, это становится ясным, как правило, тогда, когда поздно восстанавливать систему. Следовательно, воссоздание гуманитарного образования есть не проявление доброй воли, а императив сохранения высшего образования как такового и отчасти общества в целом» [16, 97].

Сфера высшего образования выступает важным и во многих отношениях решающим этапом воспроизводства элиты, качество которой современная социальная теория расценивает как едва ли не важнейший фактор эффективного развития общества. Почему задохнулась, выродилась перестройка? Да потому что, как заметил В. Путин во время одной из встреч с журналистами (Сочи, 27 марта 2004 г.), «очень многие из так называемой элиты занимались растаскиванием того, что можно было растащить» (Независимая газета. 2004, 29 марта). Противостоять подобному ходу вещей могут лишь такие изменения в системе высшего образования, когда она будет формировать поистине интеллигентных людей, подлинных граждан и патриотов, которые в дальнейшем, заняв доминирующие позиции в обществе, не станут оголтелыми карьеристами или бездушными доктринерами, а, главное, окажутся способными противостоять соблазну превратиться в замкнутую касту, радеющую только о собственных групповых интересах. В решении этой сложнейшей задачи система образования может рассчитывать только на насыщение образовательного процесса высокими идеями и смыслами, которые актуализируют моральные запросы, обогащают духовный мир, стимулируют гражданские чувства.

Обращение к публикациям, посвященным проблематике совершенствования СГО, обнаруживает, что их авторы по-разному локализует эпицентр данного процесса. По мнению одних, проблема насыщения учебно-образовательного процесса гуманитарными идеями и смыслами должна решаться, главным образом, на уровне отдельного вуза (факультета, кафедры), с точки зрения других — на уровне системы образования, по убеждению третьих — в рамках соответствующих преобразований в обществе в целом.

Так, Н. Покровский считает, что наиболее подходящей дидактической формой приобщения студентов к гуманитарным ценностям является тактика «медленного терапевтического лечения» в виде предложения студентам ярких и доступных по форме курсов, в достаточной степени насыщенных близкой студенческому мировосприятию проблематикой. Конкретные примеры реализации подобного подхода рассмотрены выше. Е. Балацкий также исходит из того, что преодоление деструктивных тенденций следует начинать на локальном уровне, путем дополнения массового высшего образования (автор ведет речь о подготовке экономистов) элементом, ориентированным на подготовку элитных специалистов (см. подробнее [3, 38]).

В отличие от Н. Покровского и Е. Балацкого, локализующих глубинные истоки проблем в сфере СГО в меркантильном «духе времени», В. Порус считает, что виновных в том, что философия выпала из центра духовно-культурной и интеллектуальной жизни, философам России следует искать в своей среде. Философия, в значительной степени правомерно претендующая на содействие формированию личности студента и аспиранта, успешно формирует лишь скептическое отношение к своим обещаниям. Отсюда автор делает вывод о необходимости реформы, затрагивающей цели и смысл преподавания философии в структуре высшего образования.

Не останавливаясь подробно на всех предлагаемых автором компонентах реформы, обратим внимание на главное. А главным В. Порус считает высвобождение преподавания философии из тисков шаблона и стандартов. Преподавание философии должно вводить в атмосферу мировоззренческого вопрошания, а не превращаться в заучивание формулировок или обретение ненужной осведомленности. Поскольку «философия есть язык и мысль свободного человека» и, если сама свободна, «может порождать нужду в свободе» (В. Межуев), ее преподавание на первый план выводит вопрос о том, что же такое свобода вузовской философии в дисциплинарных рамках? Вот ответ автора: «На этот вопрос нельзя ответить каким-то единым рецептом или предписанием. На него ответила бы (и ответы были бы разными!) сама жизнь философских кафедр, если бы им был предоставлен свободный выбор (без пугливой оглядки на какие-либо шаблоны или стандарты) тематики, структуры и методики соответствующих курсов. Это ни в коем случае не означает призыва к бесшабашной вольнице “кто во что горазд”, напротив, такой подход требует самой серьезной профессионально-экспертной оценки достигаемых результатов, но в том-то и дело, что оценивать их стали бы не сравнением с какими-то шаблонами — показателем успеха стали бы не проценты “правильных” решений тестовых заданий, а *заинтересованная активность студентов»* (выделено нами. — Т.К.) [18,29].

Итак, по мнению В. Поруса, конструирование преподаваемого курса философии должно быть полностью доверено преподавателю (точнее, коллективам философских кафедр) при самой серьезной профессионально-экспертной оценке полученных результатов. Такой подход, конечно, радикально порывает со многими традициями российского гуманитарного просвещения. Но ведь почти общепризнанно, что эти традиции особых плодов нам не принесли. Подпитывающие их опасения относительно свободы философствования не оправдали себя. Здесь уместно напомнить известные слова Б. Спинозы: «Свобода философствования не только может быть допущена без вреда благочестию и спокойствию государства, но она может быть отменена не иначе как вместе со спокойствием и с благочестием» [21, 3].

Вместе с тем нам представляется, что возможности преодоления отторжения современной студенческой аудиторией гуманитарного дискурса на локальном уровне принципиально ограничены. Также не приходится рассчитывать на сколь-нибудь существенное преображение меркантильного духа «нашего времени». Иное дело — интеллектуальная атмосфера страны, непосредственно связанная с повышением статуса интеллектуалов, насыщением общественной жизни гуманитарным содержанием. Именно она, по нашему мнению, и должна стать основной площадкой возрождения целостного гуманитарного образования. Руководитель центра исследований идеологических процессов Института философии РАН А. Рубцов одну из своих статей о современной российской модернизации завершает словами: «Эту модернизацию не сделать, не приходя в сознание, на лжи и самообмане, в дыму политического пиара» [19, 8]. Данное заключение вполне может быть отнесено к реформе СГО. Без нелицеприятного рассмотрения всех ее исходных диспозиций, корректной

инвентаризации проблем и достижений задача воссоздания гуманитарного образования не может быть решена.

Недавно в статье под «говорящим» названием «Мы живем, под собой не чуя страны» А. Механик обратил внимание на ряд невыгодных для российских интеллектуалов отличий их статуса от статуса интеллектуалов на Западе. Интеллектуалы в западных странах являют собой публичное сообщество. Публичное в том смысле, что они постоянно и всенародно обсуждают актуальные философские проблемы, они не только интеллектуалы, но и общественные деятели. В России такого нет: сегодняшняя Россия поклоняется богу повседневности, ценностям потребления и комфорта. Общественный цинизм позволяет элите игнорировать общество. Этот же цинизм лишает гуманитариев моральной силы и энергии (см. подробнее [13, 57–59]). Проблема усложняется тем, что, как свидетельствует А. Магарил, российская элита демонстрирует очевидную незаинтересованность в наращивании качества массового социогуманитарного, политико-правового образования. «Специфика современной ситуации в том, что в наращивании массового социогуманитарного образования, обществоведческого знания правящая российская элита (не смешивать с верховной властью) объективно не заинтересована. Эти знания "работают" на формирование структур гражданского общества, массовой правовой и политической культуры, демократии, что непосредственно противоречит интересам правящих элит, так как гражданское общество является наиболее эффективным средством контроля населения над властвующими группами, включая источники и механизмы их противоправного обогащения». [12, 44].

Трудности, с которыми сталкиваются российские гуманитарии, являются отражением специфического состояния нашей общественной жизни. Гражданское общество находится в зачаточном состоянии, такие его атрибуты, как «общественность» и «публика», не приобрели еще статуса авторитетных социальных субъектов. Массовые слои характеризуются критически низким уровнем межличностного доверия. В этих условиях в обществе затруднен диалог, затруднено обсуждение актуальных проблем, нуждающихся в общественном осмыслении, получает широкое распространение практика принятия решений «по умолчанию». Такие решения не могут быть ни чем иным, как следованием социальной инерции и уклонением от принятия «вызова времени». В результате тормозится развитие совокупного социального интеллекта. «Главная беда в том, — говорил на одном из "круглых столов" Г. Павловский, — что российское общество свалилось в кризис интеллектуально немощным. У нас нет публичного диалога, его нет даже как жанра… Мы сегодня объективно не готовы к честному разговору между собой» (Независимая газета 2009, 20 января).

Российские гуманитарии остро ощущают свою невостребованность. Особенно это касается представителей социологии и философии. «Выраженного общественного заказа на социологию в постсоветской России, — свидетельствует Д. Подвойский, — до сих пор не сформировалось. Функции публичных интеллектуалов берут на себя писатели, люди искусства, представители других научных дисциплин. Социологи, молчат, или говорят сами с собой. Опасность превратиться в "экспонат музея, в котором нет посетителей" для российской социологии приобретает реальные очертания» [15, 22]. Не менее драматично профессиональное самоощущение философа В. Поруса: «Дело дошло до того, что философы (российские – Т.К.) стали стесняться своей профессии» [18, 27].

В сложившейся ситуации на передний план выдвигается задача преодоления глубоко эшелонированного недоверия к социогуманитарному знанию, воспринимаемому на верхних этажах социальной пирамиды почти исключительно как инструмент манипулирования общественным мнением, на нижних — как вранье или болтовня, и почти никем — как пространство созидания человеческих смыслов. Следует обеспечить большую открытость гуманитарного образования, повернуть его к реалиям сегодняшней действительности, перейти от описания социальных феноменов к их анализу, от информирования о социальном мире к его пониманию. На повестку дня встает вопрос о создании благоприятного климата для гуманитарных инвестиций.

В свое время Ю. Афанасьев заявил о том, что нашим студентам не нужны ответы, им нужны вопросы. Такой подход ориентировал на вовлечение студентов в обсуждение актуальных проблем общественной жизни. Если же обратиться к учебной литературе по социогуманитарным дисциплинам, то, скорее всего, придется сделать вывод, что для нее характерен уход от серьезных проблем, а не их рассмотрение. Трудно рассчитывать на заинтересованное отношение студентов к социогуманитарным курсам, когда, по словам Е. Бунимовича, «практически все реальные проблемы страны являются зоной повышенной секретности» [4,7]. Вот почему мы считаем, что ради действительного разрешения ситуации отторжения гуманитарного дискурса *предстоит радикально обновить контент социогуманитарного знания*. Если иметь в виду российский социум, а также прогноз-пожелание И. Валлерстайна о необходимости преодоления междисциплинарных границ в соци-

альной науке, то заявленное обновление предполагает выдвижение в центр социогуманитарного дискурса примерно следующего перечня проблем-вопросов.

- Почему столь губительный для нормального развития российского общества раскол сохраняется и вновь и вновь воспроизводится?
- Почему реформы «выдыхаются» и не доводятся до конца?
- Почему Россия, в течение столетий претендовавшая на особую приверженность социальной справедливости, входит в число стран с самым высоким уровнем социального расслоения?
- Почему свыше 80% населения страны живут с ощущением, что они не располагают реальными возможностями влиять на ее развитие?
- Почему «элиты не протестуют против доходов от падения морали»? [6,19]. Можно ли такие элиты считать «элитами»?
- В чем истоки необузданного своекорыстия и близорукого эгоизма российской бюрократии? Почему, по мысли В.О. Ключевского, она в первую очередь заботится о том, чтобы легче было управлять, а не о том, чтобы населению было легче жить?
- Почему, по оценке нынешнего министра образования и науки, в России по-настоящему учится 15-20% студентов? Отдаем ли мы себе отчет, чем это угрожает будущему страны?
- Почему в миграционном балансе России просматриваются признаки негативного отбора: в страну въезжают слабообразованные и малоквалифицированные работники, а выезжают образованные и высококвалифицированные? Чем это грозит для России с точки зрения неизбывного мирового соперничества государств?
- В чем заключается назначение и роль в обществе образованного класса, интеллигенции? Что происходит с русской интеллигенцией? Почему ее лучшие представители вынуждены соревноваться в изобретении уничижительных определений: «интеллигетщина» (Н. Бердяев), «образованщина» (А. Солженицын), «элитарщина» (В. Распутин)?

На наш взгляд, кричащая злободневность этих вопросов и бьющая в глаза «жизненность» их происхождения гарантируют небезразличие общества, тем более студенчества. Между тем, сами вопросы далеко не новы, они, что называется, «витают в воздухе». В некотором смысле они выступают ремейком ситуации конца 80-х гг., когда тиражи публицистических изданий зашкаливали и студенческие аудитории бурлили. Обращение в социогуманитарных курсах к перечисленным выше и подобным вопросам будет означать, что актуальные проблемы страны из зоны повышенной секретности станут, наконец, предметом анализа и поиска решений. Такого рода перемены в сфере СГО явятся для все возрастающего количества думающей молодежи предложением, от которого будет «трудно отказаться». Своей остротой и жизненностью они будут заставлять студентов думать, а следовательно, учиться.

Можно надеяться, что обновление контента социогуманитарного знания будет способствовать решению еще одной, уже ставшей для России традиционной гуманитарной проблемы, а именно преодолению социологического невежества. П.А. Сорокин, восходившая в первые десятилетия прошлого века социологическая звезда, уже в своем первом учебнике по социологии цитирует слова своего интеллектуального учителя Е. Де Роберти: «Унаследованное в значительной степени социологическое невежество наших предков должно считаться теперь в качестве единственного и подлинного источника наших интеллектуальных страданий, наших моральных падений, наших ошибок, наших преступлений и социальных бедствий, столь ужасных и безобразных» [20, 247]. В XX в. на долю России выпало не меньше, а, пожалуй, больше бедствий, чем во времена, которые имел в виду Е. Де Роберти. Значит, проблема преодоления социологического невежества не только не утратила своей актуальности, но стала еще более злободневной. К сожалению, ни Е. Де Роберти, ни П.А. Сорокин нигде специально не раскрыли, в чем состоит и проявляется социологическое невежество. По нашему мнению, оно проявляется, по крайней мере, в следующих пяти прегрешениях относительно гуманитаризма.

Первое. В недостаточной развитости социологического воображения, т.е. отчетливого понимания связей между биографией и историей, между личными заботами конкретных людей и проблемами общества. Автору данных строк неоднократно приходилось слышать от студентов такого рода заявления: «Мне наплевать, какой будет строй, какая идеология, лишь бы я имел возможность нормально жить, иметь приличную зарплату, квартиру и т.п.». Утверждения подобного рода демонстрируют неразвитость социологического воображения — непонимание того, что без строя, соответствующего определенным разумным принципам, без гуманной и рациональной идеологии, без соответствующего массового сознания цель нормальной жизни для большинства недостижи-

ма. Без перечисленных выше предпосылок нормальная жизнь окажется доступной только для относительно узкого круга избранных.

Второе. В безразличии российского социума к самопознанию, в нежелании или боязни взглянуть на себя открытыми глазами и действовать в соответствии с реалиями жизни. Известная аксиома гласит: общество развивается лишь тогда, когда ищет истину, а ищет истину лишь тогда, когда поощрят свободомыслие. А ведь в России свободомыслие не только не поощрялось, но и систематически искоренялось. Сознание общества постоянно пребывало в тисках запретов и миротворчества. Такое положение дел во многом сохраняется и по сей день. «Жизнь и пропагандистский звон как разошлись в 1917 году, так с тех пор и не встретились» [14, 52].

Третье. Не зная общества, фактически запрещая себе его познание, наш совокупный социальный интеллект страдает систематической недооценкой роли личности как фермента, движителя, единственной творческой потенции развития социума. Российское общественное сознание страдает непониманием того, что наше настоящее и будущее зависят не от изобилия ресурсов и мощи вооруженных сил, а от доли в населении страны сознательных и ответственных граждан, способных действовать в рамках разумного сочетания личных и общественных интересов. Недооценка роли личности проявляется в пренебрежительно-снисходительном отношении к интеллигенции и интеллигентности, в низком статусе учителя, в культивируемой сервильности, в требовании безусловной лояльности власти и т.п.

Четвертое. В примитивном понимании того, как эти ответственные граждане формируются. Реализуемая модель данного процесса заключается в сочетании «мокрой педагогики» с идеологически нагруженными «мероприятиями», призванными методом тренировки формировать «нового», более совершенного человека. Реалистическая же программа должна заключаться в том, чтобы повсеместно, во всех сферах и средах формировать систему институтов, норм и стимулов, которые сами подталкивали бы, более того мягко принуждали действующего субъекта к обретению свойств сознательного и ответственного работника и гражданина.

Пятое. В практически полном игнорировании задачи формирования гражданского самосознания. «В России, — справедливо пишет М. Вершинина, — отсутствует представление о гражданине как социальной роли человека» [5, 47]. Особо следует обратить внимание на *специфичность задачи формирования* гражданина. Дело в том, что становиться хотя бы более-менее эффективным работником нас принуждает сама житейская прагматика, выраженная в частности, в народном присловии «не потопаешь — не полопаешь». А вот связь между нашими жизненными устремлениями и зрелостью гражданского самосознания отнюдь не очевидна. Она предполагает развитие социологического воображения, для формирования которого требуется целенаправленное просвещение со стороны общества и государства. Поскольку же гражданин — это самостоятельный, ответственный и критически требовательный по отношению к власти субъект, то далеко не всякая власть заинтересована в увеличении такого рода субъектов в числе своих подданных. В России традиционно, именно вследствие социологического невежества, преобладала такая власть. Вот почему формирование гражданского самосознания является поистине *Terra incognito* для нашей страны. Вот почему не только остается в силе, но и приобретает исключительную актуальность вывод П. Сорокина: «Преодоление социологического невежества, постоянное содействие превращению русского в гражданина-сообщественника — таково высшее назначение социологии». Следует уточнить: всего корпуса социогуманитарных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.* В поисках сермяжной правды // Наука и жизнь. 2006. № 7.
2. *Балацкий Е.* Институциональные конфликты в сфере образования // Свободная мысль. 2005. № 11.
3. *Балацкий Е.* Мутации и мимикрия в сфере высшего образования // Свободная мысль. 2006. № 6.
4. *Бунимович Е.* Пятерки и «шестерки» // Новая газета. 2009. 7 сентября.
5. *Вершинина М.И.* Формирование гражданского общества в России и политика Европейского Союза // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 5.
6. *Дондурей Д.* Элиты не протестуют против доходов от падения морали // Новая газета. 2010. 15 декабря.
7. *Золотухина-Аболина Е., Золотухин В.* Большая имитация. Образование и наука в современном мире // Свободная мысль. 2008. № 2.
8. *Кирабеев Н.С., Тлостанова М.В.* Модели современного гуманитарного образования // Высшее образование в России. 2009. № 1.

9. *Кутырев В.А.* Почему наша (у) цивилизация (ю) не любит мудрость // Вестник российского философского общества. 2007. № 3.
10. *Кутырев В.А.* Культура и технология: борьба миров. М., 2001.
11. *Ленин В.И.* Лучше меньше да лучше // ПСС. Т. 55.
12. *Магарил С.А.* Социокультурный архетип и модернизация России // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 6.
13. *Механик А.* «Мы живем, под собою не чуя страны» // Эксперт. 2008. № 34.
14. *Орешкин Д.* От Горбачева к Путину с остановками // Свободная мысль. 2009. № 12.
15. *Подвойский Д.Г.* Публичная социология в прошлом и настоящем // Социс. 2009. № 5.
16. *Покровский Н.Е.* Что происходит с гуманитарным образованием? // Социс. 2008. № 12.
17. *Покровский Н.Е.* Преподавание социологии: наш ответ на новые вызовы // Высшее образование сегодня. 2007. № 7.
18. *Порус В.Н.* Реформа вузовской философии как условие ее выживания // Высшее образование в России. 2008. № 2.
19. *Рубцов А.* От технологии до идеологии // Новая газета. 2010. № 69.
20. *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. М., 1994.
21. *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат. Минск, 1998.
22. *Хагуров Т.А.* Образование в стиле “пепси” (полемические заметки) // Социс 2010. № 7.

АНТИЧНОЕ ОБЩЕСТВО — ПЕРВЫЙ ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ[1]

Р.М. НУРЕЕВ

доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
e-mail: nureev@hse.ru

В очередной главе учебника по экономической компаративистике, посвященной античному обществу, анализируется первый опыт становления и развития экономической и политической демократии, показан дуализм античного города-государства и формы его разрешения, охарактеризовано рабство как экономический институт, исследуется система противоречий античного общества, особенности экономического самосознания народов мира, экономический потенциал первоначального христианства. Глава снабжена учебно-методическими материалами.

Ключевые слова: античный полис, квиритская собственность, политическая демократия, рабство как экономический институт, нормирование рабского труда, эффективность рабовладельческой формы производства, экономическая мысль античного мира, экономическая доктрина христианства.

In the next chapter of the textbook « Comparative Economics «, dedicated to ancient society is analyzed first experience of genesis and development of economic and political democracy, shows the dualism of the ancient city-states and forms of its solving, described slavery as an economic institution, we study a system of contradictions antic society, especially ancient Greece and Rome economic thought, the economic potential of primitive Christianity. Chapter is provided with teaching materials.

Keywords: antique policy, queer's property, political democracy, slavery as an economic institution, the valuation of slave labor, slave form of production efficiency, economic thought of the ancient world, the economic doctrine of Christianity.

Коды классификатора JEL: B 11, N01, Z13.

Глава 7

7.1. Дуализм античного полиса и формы его разрешения

Античный город-государство (греч. ***pólis***, лат. *civitas*) сложился в VIII–VI вв. до н.э. в Греция и в VI–III вв. до н.э. в Риме в ходе борьбы рядовых общинников — мелких землевладельцев, ремесленников и купцов — с родовой знатью. В результате удалось добиться отмены долгового рабства для членов данной общины (законы Солона в Афинах, Петелия в Риме и т.п.), заменить родовое деление общества территориальным, власть родовых вождей (царей) республикой (от лат. *Res publica* —"общественное дело"). В Риме эта борьба переплелась с борьбой между патрициями и плебеями, которым в результате этого противостояния удалось добиться гражданских прав[2].

[1] Продолжаем публикацию глав учебника Р.М. Нуреева «Экономическая компаративистика». См. начало: TERRA ECONOMICUS, 2010. Т.8, № 1–4, Т. 9, № 1.

[2] О становлении античного города-государства см..:*Колобова К.М.* Возникновение и развитие рабовладельческих полисов Греции.М.: 1958; *Зельин К.К.* Борьба политических группировок в Аттике V в. до н.э. М.: Наука, 1964; *Андреев Ю.Б.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976; *Немировский А.И.* Из истории раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962; *Нечай Ф.М.* Образование римского государства. Минск, 1972; *Маяк И.Д.* Проблема генезиса римского полиса. Вестник древней истории(ВДИ),1976, № 4 и др.

© Р.М. Нуреев, 2011

Дуализм античного города-государства

Полис олицетворяет представительную демократию, с ее характерными чертами: народным собранием и готовящим его резолюции советом, открытым состязательным процессом, в ходе которого принимаются решения, и подотчетными гражданам магистратурами. Любая публичная деятельность не рассматривалась как прямой источник доходов. Наоборот, магистраты должны были нести издержки, связанные с выполнением публичной деятельности.

Дело в том, что население полисов состояло из полноправных граждан, неполноправных и бесправных (рабов). Полноправные граждане обладали рядом прав вследствие своей принадлежности к городской земледельческой (гражданской) общине. Существование этой общины составляет важнейшую предпосылку античной формы собственности. Города в античном мире являются центрами земельных собственников, образуют естественный базис земледельческой общины. В античном мире имеет место проникновение сельскохозяйственных, общинных отношений в город, а сам город основан, прежде всего, на земельной собственности и земледелии. Этим и объясняется тот парадоксальный факт, что история античного общества, история господства сельского хозяйства, земельной собственности и личных отношений — это история городов, но городов, основанных на земельной собственное и на земледелии, ибо в античном мире лишь город с принадлежащими ему землями (хорой) являлся экономическим целым. Отсюда и произошло странное, на первый взгляд, название «городская земледельческая община».

Для античного полиса характерно почти полное отсутствие оторванной от народа армии. Народное собрание, состоящее из взрослого мужского населения, являлось в то же время и народным ополчением. Собственно полицейские функции, обязанности тюремщиков, низших служащих и т.п. в античном мире нередко выполняли рабы. Городская земледельческая община разделена на большие патриархальные семьи, которые самостоятельно обрабатывали свои парцеллы. Общинная земельная собственность как результат завоеваний всей общины (*ager publicus*) отделена здесь от частной собственности.

Кроме участка в 2 югера (0,5 га), принадлежавшего римским гражданам на правах частной собственности, они могли занимать, по закону Лициния и Секстия (367 г. до н.э.) до 500 югеров, т.е. 125 га иной — государственной — земли (*ager publicus*). «Община (как государство), — писал К. Маркс, характеризуя античную форму собственности, — с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время она их гарантия…

Дальнейшее существование общины есть воспроизводство всех ее членов как самостоятельно обеспечивающих свое существование крестьян, прибавочное время которых принадлежит именно общине, военному делу и т.д. Собственность на свой труд опосредствована собственностью на условия труда — на участок земли, а эта собственность со своей стороны гарантирована существованием общины, которая в свою очередь гарантирована прибавочным трудом членов общины в форме военной службы и т. д. Член общины воспроизводит себя как члена общины не кооперацией в труде, создающем богатство, а кооперацией в труде для общих интересов (воображаемых и действительных), обеспечивающем сохранность союза вовне и внутри. Собственность — это собственность квиритская, римская; частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин он обязательно — частный земельный собственник»[3]. Очевидна неразрывная связь, которая существовала в рамках античного полиса между частной земельной собственностью и принадлежностью к гражданскому коллективу. Только независимые самостоятельно ведущие свое хозяйство частные собственники могли быть членами гражданской общины, и только члены гражданской общины могли обладать частной собственностью на землю.

Кроме земледельцев в античном городе жили ремесленники и купцы. Однако торговля и ремесленный труд (за исключением художественного ремесла) не были в почете в древности. В этих отраслях были заняты как свободные, хотя и неполноправные граждане (метеки, периэки и т.п.), так и вольноотпущенники, и рабы (рис. 7.1.).

Экономическую основу античного полиса в период его расцвета составляло мелкое крестьянское и ремесленное производство. Важнейшей предпосылкой их самостоятельного существования были воспроизводство заранее данных, предопределенных для них условий труда и взаимоотношений с общиной, равенство между ними как независимыми друг от друга частными собственниками. Однако в условиях сохранения имущественного неравенства, частной собственности и рабства такая предпосылка постоянно нарушалась. Между бедными и богатыми существовало неразреши-

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т.46, ч.1. С.466, 467.

мое противоречие, от которого античный полис никогда не мог освободиться. А так как бедные и богатые были вследствие их принадлежности к гражданской общине земельными собственниками, то внутреннюю историю Римской республики можно явно свести к борьбе мелкой земельной собственности с крупной, разумеется, в той специфической форме, которая обусловлена существованием рабства.

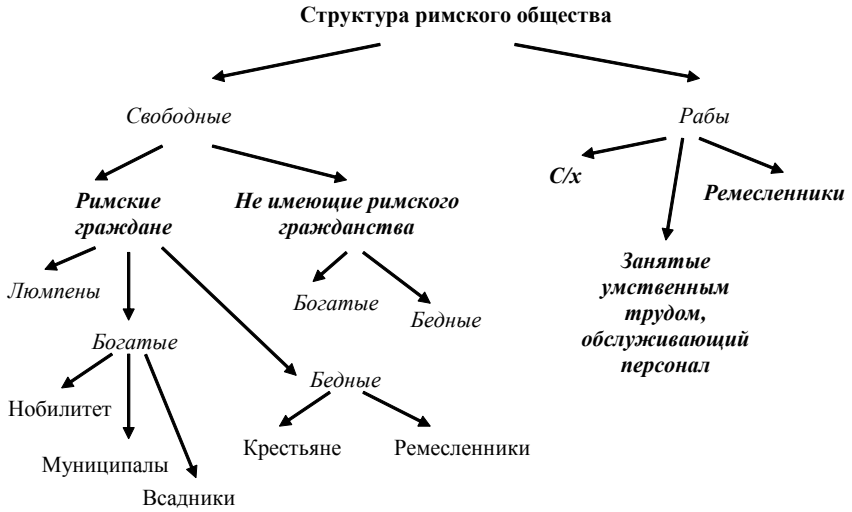


Рис. 7-1. *Структура римского общества (II в. до н.э. — I в.н.э.).*

Принадлежность к гражданскому коллективу выражалась и в целом ряде политических прав, основными из которых следует признать участие в народном собрании и право быть избранным на различные должности (магистратуры). Эти права тесно связаны с такой важнейшей особенностью античного полиса, как почти полное отсутствие оторванного от народа бюрократического государственного аппарата.

Все вопросы, касающиеся важнейших сторон жизни города-государства, решались либо народным собранием, либо выборными и коллегиальными органами: советом и магистратурами (или коллегиями). В греческих полисах существовал еще один выборный орган — верховный суд. В демократических полисах существовала плата за выполнение тех или иных общественных обязанностей. В Афинах в V в. до н.э. за участие в управлении и выполнение общественных функций получали денежное вознаграждение 6000 присяжных судей гелии, 500 членов совета, 1200 всадников, 1600 стрелков, 500 стражников верфей и т.д. и т.п. — всего, по некоторым оценкам, около 20 тыс. человек при 35 тыс. полноправных граждан![4] В аристократических полисах, например, в Риме, такой системы оплаты не существовало, что, безусловно, являлось препятствием для занятия и выполнения ответственных должностей городской беднотой.

Подобный механизм управления мог успешно функционировать лишь в условиях ограниченности территории и населения. Афинское народное собрание собиралось во времена Перикла каждые 10 дней, и для участия в нем необходимо было постоянно находиться в городе или близлежащей округе.

Действительно, территория греческих полисов в классический период была сравнительно небольшой, она колебалась от нескольких десятков до нескольких тысяч квадратных километров. Так, 22 полиса Фокида умещались на пространстве в 1650 км^2, а 6 полисов острова Эвбеи — на территории 3770 км^2. Даже такие ведущие полисы древней Греции, как Афины и Спарта, занимали достаточно ограниченное пространство. Территория Аттики составляла около 2550 км^2, а Спарты (даже после завоевания Мессении) — 8400 км^2 [5]. Так как каждый полис занимал относительно небольшую территорию, его жители стремились ограничить число своих сограждан, ибо угрозу существованию их города-государства мог составить даже простой естественный прирост населения. Поэтому в большинстве греческих полисов гражданами признавались лишь рожденные от граждан.

Аналогичную функцию ограничения числа граждан выполнял существовавший в античных полисах имущественный ценз (табл. 7-1).

[4] *Черниловский З.М.* Всеобщая история государства и права. М.: Высшая школа, 1973. С.61.
[5] История Древней Греции. М., Высшая школа, 1972, С. 106.

Таблица 7-1

Имущественные разряды граждан Рима после реформ Сервия Туллия (VI в. до н.э.).

Разряды	Имущественный ценз, тыс. ассов	Количество выставляемых центурий
1-ый	≥ 100	98
2-ой	≥ 75	22
3-ий	≥ 50	20
4-ый	≥ 25	22
5-ый	≥ 11,5	30
6-ой (пролетарии)	Единственное богатство — их потомство	1
		Всего: 193

В Спарте роль своеобразного имущественного ценза выполняли общие обеды (фитидии) спартиатов. Члены «общины равных», как известно, питались вместе. Они должны были ежемесячно вносить определенную норму натуральных, а позднее и денежных взносов. Те спартиаты, которые не вносили положенных средств в общий котел в фитидии не допускались, а потому автоматически теряли свои политические права.

Таким образом, мы видим, что подобно тому, как не могло быть полного равенства граждан на базе частной собственности, не было и полного равноправия и подлинной демократии в условиях античного города-государства. Демократия здесь носила ярко выраженный элитарный характер: политическими правами не обладали женщины; прав были лишены неполноправные члены (метеки, периэки и т.п.) и, конечно, рабы. Даже в таком демократическом полисе как Афины полными правами и привилегиями граждан пользовалась лишь одна пятая часть населения[6]. В аристократических полисах эта часть населения была еще меньше, так как там ярче, чем в демократических полисах было выражено фактическое неравенство прав.

Формы разрешения дуализма

Какие же основные экономические функции выполнял античный полис? Каковы были экономические основы его воспроизводства и развития?

В античной гражданской общине основой развития является воспроизводство заранее данных, традиционных отношений отдельного человека к его общине и предопределенное для него объективное существование как в его отношении к условиям труда, так и в его отношении к своим товарищам по труду, соплеменникам. В силу чего эта основа с самого начала имеет ограниченный характер, но с устранением этого ограничения начинается упадок и гибель. Именно такое влияние оказывают у греков и римлян развитие обмена и рыночных отношений, рост рабовладельческого уклада, концентрация землевладения, усиление неравенства в результате завоеваний, несмотря на то, что все эти элементы первоначально казались совместимыми с основой античного общества и отчасти как будто лишь расширяли его невинным образом, отчасти казались лишь простыми злоупотреблениями, незаметно развившимися из этой основы.

Классический полис обладал слишком ограниченным набором средств, чтобы остановить увеличивающееся вследствие развития рыночных отношений неравенство между гражданами. Полисное законодательство обеспечивало равенство лишь по отношению к одному условию производства — к земле. Оно почти не касалось движимого богатства граждан: рабов, орудий производства и денег.

Даже отсталой Спарте, в которой равенство спартиатов поддерживалось целым рядом специальных мер, не удалось остановить социального расслоения спартанской общины. Еще быстрее шел процесс социального расслоения в других, более передовых полисах.

Правда, в некоторых полисах проводились законы, ограничивающие крупное землевладение, вводились дополнительные государственные повинности (литургии) на состоятельных граждан, которых заставляли выполнять в пользу всей общины различного рода мероприятия, включая организацию празднеств, строительство кораблей и т.д., о чем красноречиво писал Ксенофонт[7].

[6] История Древней Греции. М., Высшая школа, 1972, С. 196.

[7] "Государство (афинское) предписывает себе гипотрафию (содержание лошадей для конных ристалищ), хорегию (постановка хорапразднеств), гимнасиархию (содержание гимнасия), а если случится война, то и триерахию (повинность поставить триеру). *Ксенофонт.* Домострой, II, 6.

В обязанности полисных органов управления входила и прямая материальная поддержка наиболее бедных граждан. В Афинах в V в. до н.э., например, существовала оплата за участие в управлении, периодически осуществлялась выдача «зрелищных денег» (террикона) и т.д. Чтобы занять разорившихся граждан, устраивались различного рода общественные работы (например, строительство храмов).

Однако следует заметить, что средства, которыми располагали рядовые греческие полисы, были весьма скромными. Они пополнялись за счет доходов с принадлежащих городу-государству земельных угодий и рудников (там, где они были), торговых пошлин, взимавшихся в классической Греции обычно в размере 2% от стоимости ввозимых и вывозимых товаров, налогов на неполноправных граждан[8] и т.п. Полноправные граждане греческих полисов (в отличие от эллинистического мира и Рима) в мирное время прямых налогов не платили.

Таким образом, мы видим, что классический полис (в особенности греческий) обладал крайне ограниченными внутренними средствами, чтобы остановить происходившее нередко в ущерб государственной укрепление частной собственности граждан и стремительно возрастающее социально-экономическое неравенство вследствие развития товарного производства, торгового и ростовщического капитала, концентрации землевладения и распространения рабства.

Хотя гражданам классического полиса удалось добиться отмены долгового рабства, однако это не могло спасти их от разорения и лишения собственности. К тому же это означало, что внутреннее противоречие между богатыми и бедными гражданами, между крупными и мелкими землевладельцами, между рабовладельцами и городской беднотой должно было решаться за счет третьих лиц, было вынесено за пределы данного античного города-государства.

Наиболее простым средством решения назревших проблем была колонизация. Античная эмиграция являлась побочным продуктом постоянного конфликта между бедными и богатыми. Путем вывода партиями обедневших, потерявших землю общинников на периферию внутренний антагонизм получал временное, паллиативное разрешение. Однако дуализм городской земледельческой общины воспроизводился и в колониях, и образовавшиеся там и прошедшие тот же путь развития общины пытались освободиться от него таким же временным путем, как и метрополии. Античная колонизация была своеобразной формой разрешения периодически возникающего относительного перенаселения. Чтобы сохранить свою цивилизацию, граждане античных городов должны были оставаться немногочисленными. Только в VIII–VI вв. до н.э. греки основали около 200 колоний. Этот первый этап колонизации сыграл громадную роль для развития отстававших окраинных народов бассейнов Средиземного и Черного морей[9].

Однако влияние начального этапа колонизации на развитие внутренних противоречий метрополии не следует преувеличивать. Обеспечивая приток новых товаров, хлеба и рабов, колонизация лишь ускоряла развитие внутренних процессов городской земледельческой общины, способствовала развитию рабовладельческого уклада хозяйства. Колонизация этого периода часто и вовсе не была вызвана причинами экономического характера, а была следствием политической борьбы: в колонии переселяли политических противников победившего в метрополии правительства. Наконец, следует учесть тот факт, что образовавшиеся колонии имели, как правило, слабую экономическую связь с метрополиями и иногда даже воевали с ними. Таким образом, колонизация сама по себе не уничтожала неравенство внутри городской общины, а поэтому не могла в полной мере удовлетворить потребности ни богатых, ни бедных ее членов. Экономические интересы граждан античного полиса закономерно вновь устремляются вовне: античный полис пытается решить свои внутренние социально-экономические проблемы за счет других общин.

А подчинить другие общины можно было лишь внеэкономическими средствами — путем войны, завоеваний. Опасность поражения и угроза последующего обращения в рабство, с одной стороны, и надежда всех: и богатых, желающих получить дешевую рабочую силу, и бедных, стремящихся поправить дела и спастись от разорения за счет грабежа других народов, с lheujq cnjhjysвсегда

[8] Афинские метеки платили в год сравнительно немного (12 драхм с мужчины и 6 с одинокой женщины). “Согласно переписи, проведенной в 309 г. Диметрием Фалэсским, в Афинах проживало 10 000 метеков. Следовательно, общая сумма подати... достигала 20 талантов. *Фролов Э.Д.* Политические тенденции трактата Ксенофонта “О доходах”. Проблемы социально-экономической истории Древнего мира. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1963. С.210.

[9] По оценке Ю.Белоха в V в. до н.э. в греческих колониях проживало (с учетом эллинизированного негреческого населения и лиц смешенного происхождения) почти столько же населения, сколько и в метрополиях, осуществлявших интенсивную эмиграционную политику, т.е. примерно 3,5-4 млн человек. *Белох Ю.* История Греции, Т. 1. М., 1897. С. 322; Более подробно см..: *Авербух М.С.* Законы народонаселения докапиталистических формаций: опыт исследования). М.,Наука , 1967. С. 97.

отодвигали в период войны на задний план их внутреннюю борьбу. Поэтому вовне античный полис выступал как единый народ-завоеватель, который всегда преследовал три основные цели:

1) захват земли,

2) захват рабов,

3) грабеж чужих народов.

Таким образом, второй формой разрешения дуализма городской земледельческой общины вовне были ***завоевания***.

В результате завоеваний произошло увеличение прямых территориальных владений античного полиса, дальнейшее развитие рабства и рост эксплуатации зависимых территорий и государств, способствовавшие обогащению граждан античного полиса и развитию торгово-ростовщического капитала.

Так возникает характернейшее противоречие античного общества — противоречие между общиной-завоевателем и покоренными ею окружающими сельскими и городскими общинами, выступающее в форме противоречия между городом и деревней.

Рим от 1/3 до 1/2 завоеванной территории превращал в *ager publicus populi Romani*. Часть этих государственных земель использовалась для вывода колоний, часть предоставлялась римским гражданам. Таким образом, если колонизация закономерно привела к завоеваниям, то завоевания дали новый импульс к колонизации. Начался принципиально новый этап колонизационной деятельности. Кроме временной нейтрализации внутренних противоречий античного полиса путем вывоза части разорившихся граждан в колонии, где они вновь приобщались к производительному труду, колонизация со времени завоеваний стала выполнять определенные экономические, политические и военные функция во взаимоотношениях города и деревни. Она прежде всего способствовала:

- усилению эксплуатации аграрной периферии внеэкономическими методами, регулярному сбору дани с покоренных народов, обращению части их населения в рабов и т.п.;
- созданию опорных пунктов ремесла и торговли для усиления и эксплуатации покоренных народов экономическими методами;
- созданию опорных пунктов с целью осуществления военного и политического контроля за покоренными народами, а также для осуществления дальнейших завоеваний[10].

Отдельные колонии, естественно, могли носить или преимущественно аграрный, или преимущественно торговый, или военный характер. Однако здесь важно подчеркнуть не столько их многообразие, сколько общие, основные цели, которые преследовал сам «институт» колонизации.

Расширение в результате завоеваний государственных земель явилось важнейшей предпосылкой для роста частного землевладения. Возможность оккупации государственных земель была использована отдельными, имеющими для их обработки средства представителями гражданского коллектива, что привело к концентрации частного землевладения, созданию средних и крупных рабовладельческих хозяйств. Особенно интенсивно этот процесс происходит в последние два века существования Римской республики (II–I вв. до н.э.). Приобретение отдельных вилл представителями римской знати с течением времени закономерно привело к их объединению в латифундии[11].

Другим важным последствием завоевательной политики античного полиса явилось дальнейшее развитие рабовладения. В ходе завоеваний патриархальная система рабства сменяется рабовладельческой системой, направленной на производство прибавочного продукта. Ведущей формой производства становятся средние рабовладельческие хозяйства, тесно связанные с рынком (эргастерии, товарные виллы, пригородные хозяйства и т.п.). Именно в этот период рабство в Древней Греции и Риме достигает огромных размеров и приобретает свои развитые классические формы. Отсутствие статистики в античном мире не позволяет точно определить удельный вес рабов в общем населении античных государств. Существующие в исторической науке оценки достаточно противоречивы. Так, в Аттике, например, число рабов составляло от 1/3 (в V в. до н.э., оценка Р.Л. Сарджент) до 2/3 (в IV в. до н.э., оценка А.У. Гомма) всего населения[12]. В Италии число рабов составляло, по оценке Т. Франка, 10–15% ко всему населению (III в. до н.э.)[13], по оценке В. Вэстермана — 33%, Ю. Белоха — 37,5%, А. Валлона — 50% (во II-I вв. до н.э.)[14].

[10] Военно-земледельческий характер носили уже многие колонии раннего Рима в период его экспансионистской политики в Италии III – I вв. до н.э.;: Начиная с III в. до н.э. наблюдается рост удельного веса морских колоний, основанных на побережье Адриатического и Тирского морей. См.: *Маяк И.Л.* Взаимоотношения Рима и италийцев в III – II в. до н.э. М., Изд-во МГУ, 1971, С. 67-68, 81-82.

[11] Подробнее об этом см.: *Кузищин В.И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии III в. до н.э. – I в. н.э.). М., Изд-во МГУ, 1976.

[12] См. *Ленцман Я.А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М.: Изд-во АН СССР, I963, С.35~38.

[13] См. *Frank T,* Economic Survey of Ancient Rome, vol. I. Baltimore, 1933, P. 102.

[14] См. История Древнего Рима. М., Высшая школа, 1971, С. 131.

Несмотря на существенные различия между приведенными оценками ученых, можно сделать достаточно определенный вывод о том, что в этот период рабство уже играло значительную, а в ряде отраслей материального производства ведущую роль и оказывало большое влияние на все стороны социальной жизни античного города государства. Познакомимся с ним подробнее.

7.2. Рабство как экономический институт

Рабовладельческий строй — первая в истории человеческого общества экономическая система, основанная на частной («античной») форме собственности и эксплуатации человека человеком, когда объектом присвоения становится сам непосредственный производитель. Рабство возникло на базе разложения первобытнообщинного строя и достигло своего высшего развития в Древней Греции и Древнем Риме. У многих народов, особенно вступивших на историческую арену после падения Западной Римской империи (V в. н. э.), рабство существовало лишь в форме уклада.

Экономические признаки рабства

Рабство возникло на поздней ступени развития доклассового общества, когда в результате повышения производительной силы труда (с переходом от каменных орудий труда к медным, бронзовым, а позднее и железным) стало возможным появление частной собственности и создание прибавочного продукта. Имущественное неравенство и частнособственнические отношения стали наиболее действенным стимулом образования классов. Развитие частной собственности и рабовладения способствовало обострению противоречий между имущей племенной верхушкой и массой рядовых общинников, закономерно привело к возникновению классового рабовладельческого государства.

История знает много форм рабства и рабской зависимости, имевших место в отдельных обществах в разные времена. ***Главными*** органическими ***чертами рабства*** являются следующие:

1) раб не имеет собственности на средства производства и жизненные средства;

2) раб — собственность индивидуального или коллективного владельца (общины, храма, государства); он — одушевленное орудие труда своего хозяина, и результаты труда раба, как и он сам, являются собственностью хозяина;

3) он подвергается эксплуатации путем внеэкономического принуждения. Так, раб, которому рабовладелец выделяет в пекулий ремесленную мастерскую, торговую лавку или земельный участок с инвентарем, остается рабом, ибо и пекулий, и рабы раба представляют собой собственность рабовладельца, распоряжающегося и самим рабом, и всем, чем он владеет.

Наряду с этими главными признаками рабства существуют дополнительные, характерные для того или иного периода и общества, признаки, например, юридическое положение раба в обществе или, вернее, степень его бесправия (раб считался вещью, а не личностью; в Древнем Риме раба называли «говорящим» орудием (в отличие от «мычащих» орудий — рабочего скота — и неодушевленных орудий труда); бытовое положение раба (наличие или отсутствие семьи и т. д.); профессия и занятия раба (раб в эргастерии, раб на пекулии и т. п.).

Основные формы рабства

В многообразии форм рабской зависимости различают два основных типа рабства: ***раннее, или патриархальное***, связанное с ярко выраженным натуральным типом хозяйства, и ***развитое или классическое***, характерное для обществ с развитыми рыночными отношениями. К патриархальному рабству относится так называемое домашнее рабство. (В древности в «домашнее хозяйство» входило много производственных процессов: прядение, ткачество, уход за скотом, гончарное дело, изготовление молочных и мучных продуктов, доставка воды, заготовка топлива и т. п.). В трудовом процессе совместно участвовали рабовладельцы и их рабы. Классическое рабство отличается от патриархального тем, что в большей степени юридически закрепляло экспроприацию личности раба.

Рабы эксплуатировались в двух экономических секторах: частном (в пределах разных общинных структур) и государственном (дворец, храм). В обоих секторах рабы использовались во всех видах производства — в сельском хозяйстве, ремесле, строительстве, горном деле, а также в мореплавании (в качестве гребцов), в гладиаторских школах, на полицейской службе (например, в Афинах). Греция V–IV вв. до н. э., Рим II в. до н. э. – II в. н. э. представляют собой классические образцы развитого рабовладельческого строя.

При рабовладельческом строе прогресс производительных сил шел в основном не за счет совершенствования орудий труда, а за счет развития людей (свободных или рабов) в процессе производства (возрастала специализация занятых в земледелии и ремесле работников, повышалась их квалификация). Низкий уровень техники при рабовладельческом строе объясняется, во-первых, тем, что источник энергии — мускульная сила животных и главным образом рабов — для рабовладельца была бесплатной, во-вторых, незаинтересованностью рабов в развитии производства. Рабовладельческое производство было подчинено цели создания прибавочного продукта. Стремление рабовладельцев увеличивать присваиваемый ими прибавочный продукт порождало самые жестокие, варварские методы эксплуатации. При рабском труде даже та часть рабочего дня, когда раб работал на самого себя и производил свой необходимый продукт, представлялась ему неоплаченным трудом, трудом на рабовладельца. Отсутствие у раба заинтересованности в результатах своего труда ограничивало сферу его применения лишь несложным, не требующим раскрытия индивидуальности, нетворческим процессом труда. Рабовладельческие экономические отношения из силы, активно содействовавшей развитию производительных сил, сравнительно скоро превратились в тормоз их развития. Орудия труда, которыми рабовладельцы снабжали рабов, как правило, были низкого качества и примитивного типа.

Таблица 7-2

Категории рабов, тыс. чел.

Рабы в Аттике, V в. до н.э.	Подсчеты Э. Мейера	Подсчеты Ю. Белоха
Государственные	0,7-1	0,7-1
В домашнем хозяйстве	25-30	16-17
В земледелии	10-12	10-12
В рудниках	15-20	15-20
В промышленности (без рудников)	28-30	18-26
Дети моложе 9 лет	9-10	7,2-8,6
Всего	91,9-103	66,9-78,5
В среднем	97	73

Рабовладельцы не были заинтересованы в применении сложных и, следовательно, дорогих орудий труда, так как рабы из ненависти к принудительному труду уничтожали, портили и теряли их. Удельный вес труда свободных постоянно снижался в результате его вытеснения бесплатным рабским трудом в экстенсивных видах сельскохозяйственного и промышленного производства. Однако рабский труд не мог полностью вытеснить труд свободных из технически сложных производств и из интенсивных отраслей сельского хозяйства и ремесла даже в античном мире.

Классы рабовладельцев и рабов не были однородны; хозяйства рабовладельцев различались как размером недвижимой собственности, так и количеством рабов. Среди рабов огромное большинство использовалось как источник мускульной энергии, необходимой в различных отраслях экономической жизни (земледелии, скотоводстве, строительных и транспортных работах и др.). Был также (главным образом в Риме) слой рабов, занимавшихся умственным трудом (художники, писатели, артисты, воспитатели и др.),— это ранее свободные граждане, превращенные в рабов во время войн римлян в Греции.

Опыт нормирования рабского труда

Для рабовладельческой системы характерно спорадическое применение простой кооперации труда (в строительстве, горном деле и т. п.). В передовых хозяйствах стихийно складывались простейшие формы разделения труда. Крупные римские агрономы, идеологи рабовладельцев Катон, Варрон, Колумелла давали рекомендации о количестве рабов в имении, необходимом для ведения интенсивного («идеального») хозяйства (табл. 7-3).

Таблица 7-3

Колумелла о количестве рабочих дней на 1 югер (1/4 га)

Культура	Пахота	Боронование	Мотыжение	Прополка	Жатва	Всего рабочих дней
Пшеница	4	1	3	1	1,5	10,5
Полба	4	1	3	1	1,5	10,5
Ячмень	3	1	-	1,5	1	6,5
Бобы	2	1,5	2,5	1	1	8
Фасоль	2	1	-	-	1	4
Чечевица	3	1	2	1	1	4
Люпин	1	1	-	-	1	3
Просо	4	3	3	-	-	10
Лен	4	3	-	1	3	11
Люцерна	0	2	1	-	1	4

Однако степень развития кооперации в земледелии и ремесле не следует преувеличивать. В экстенсивных хозяйствах рабы представляли собой однородную неквалифицированную массу. Каждый из рабов работал сам по себе и независимо от других производил весь продукт от начала до конца. Работа двух-трех десятков рабов в одном имении была вызвана не нуждами процесса труда и не технической необходимостью замены мелкого производства крупным, — она была следствием большей или меньшей концентрации богатства в руках рабовладельца. Возникновению крупного общественного производства в рабовладельческом обществе препятствовали, во-первых, индивидуальный характер орудий и средств труда, в совершенствовании которых раб не был заинтересован; во-вторых, ограниченность экономических интересов рабовладельца, противоположность между умственным и физическим трудом. Таким образом, для рабства как формы хозяйствования характерно противоречие между индивидуальным характером труда и кооперативной формой его применения.

Рабовладельческое производство носило натуральный характер. Идеалом древних было самодавлеющее хозяйство, где все необходимое для потребления создавалось внутри хозяйства. Преобладающая часть продукта, созданного трудом рабов, не принимала товарной формы и расходовалась на непроизводительные цели (строительство дворцов, храмов и т. п.), паразитически потреблялась рабовладельцами. Поскольку потребности рабовладельца не были безграничными, постольку само стремление к увеличению прибавочного труда рабов имело известные границы.

Важнейшую роль в условиях рабовладения играло воспроизводство непосредственных производителей — рабов. Это было связано с тем, что при застойном состоянии рабовладельческой техники увеличение масштабов производства, да и сохранение прежних масштабов могли осуществляться главным образом за счет вовлечения в производство новых масс рабов. Чрезмерная интенсификация труда, сокращение питания рабов ниже уровня, необходимого для поддержания их рабочей силы в нормальном состоянии, приводили к быстрому износу рабочей силы рабов, их высокой смертности и короткой средней продолжительности жизни. Поэтому сохранение рабовладельческой формы производства требовало постоянного массового обновления армии рабов через довольно короткие промежутки времени. Оно не могло полностью осуществляться внутри рабовладельческих стран. Так как рабы далеко не всегда имели семьи, то этот естественный источник поступления новых рабов был незначителен. Разорение мелких производителей и обращение их в рабство через систему долговой кабалы (за исключением государств Древнего Востока) — также второстепенный источник притока новых рабов. Основным источником пополнения рабов были войны. Античные государства вели захватнические и междоусобные войны. Важными источниками пополнения рабов служили работорговля и пиратство. Таким образом в условиях рабовладельческого строя воспроизводство непосредственных производителей — рабов было связано с насильственными, внеэкономическими мерами (рис. 7-2).

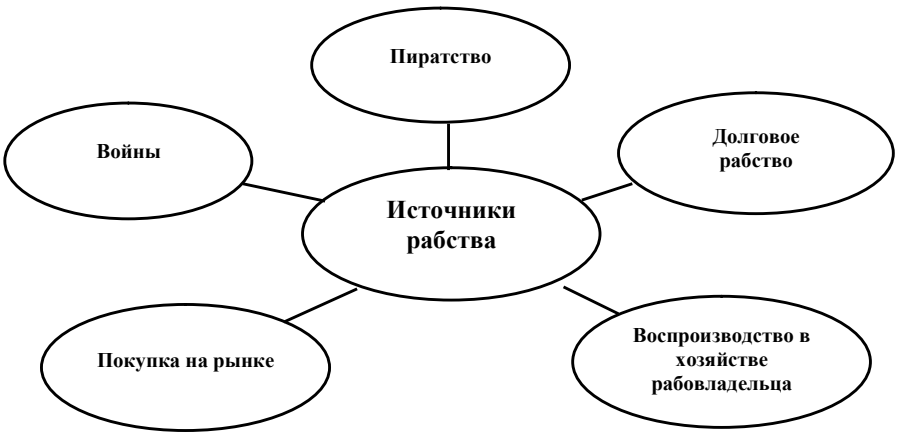


Рис. 7-2. *Источники рабства.*

Эффективность рабовладельческой формы производства

Целью рабовладельческого производства периода его расцвета становится производство прибавочного продукта не только для удовлетворения потребностей рабовладельцев, но и для накопления богатства. Крупнейшие римские писатели-идеологи рабовладельцев — Катон, Варрон, Колумелла, Плиний Старший — рассматривают превышение доходов над расходами как необходимое условие хозяйствования, а окупаемость, доходность имения как важнейший критерий рационального ведения хозяйства[15]. Главным средством достижения этой цели в рамках рабовладельческого уклада была эксплуатация рабов.

Деньги, израсходованные рабовладельцем на покупку раба, как и деньги, затраченные на покупку земли, были необходимой, но непроизводительной затратой средств, являющейся вычетом из тех ресурсов, которыми располагал рабовладелец для организации и совершенствования производства. Эти деньги представляли действительный капитал лишь в потенции, лишь "в себе", так как могли быть превращены в капитал лишь посредством перепродажи. Короче говоря, затраты на раба и покупку земли представляли собой фиктивную капитальную стоимость.

Затраты на приобретение и содержание рабов возмещались за счет прибавочного продукта, ими созданного. Поэтому критерий эффективности производства в рамках рабовладельческого уклада можно выразить следующим образом:

$$Э_{р1} = \frac{П - К - Ц/Н \cdot В}{К} = \frac{М - Ц/Н \cdot В}{К},$$

где $П$ — произведенный продукт; $К$ — издержки производства, включая затраты на содержание рабов, амортизацию зданий и сооружений; $Ц$ — средняя цена раба; $Н$ — среднее число лет жизни раба в трудоспособном возрасте; $В$ — количество рабов в хозяйстве рабовладельца; $М$ — прибавочный продукт.

Если учесть, что в земледелии к затратам на приобретение рабов прибавлялись нередко и затраты на покупку земли, то станет понятным, почему эффективность рабовладельческих вилл была, как правило, заметно ниже, чем эффективность эргастериев. По данным Франкотта, средний доход с рабской мастерской достигал 15–24%, тогда как доходность земли составляла 8%, а ссудный капитал — 12–16%.

Согласно данным Колумеллы, доходность лугов составляла 2%, зерновых — 3%, виноградника — 13–15%[16]. Однако, во-первых, при расчете доходности виноградника у Колумеллы не учтены многие существенные статьи расходов (содержание виноградарей и других обслуживающих работников, затраты на удобрение, амортизацию оборудования и т.п.), и, во-вторых, следует учесть, что в имениях наряду с виноградником существовали и другие, менее доходные отрасли и даже отрасли, рассчитанные лишь на собственное потребление. Все эти факторы заметно уменьшают общую доходность даже таких передовых хозяйств, каким были имения Колумеллы. Поэтому неудивительно, что доходность, например, тусского имения Плиния Младшего не превышала 4% в год. Даже в период расцвета

[15] См.: *Cato*. De agricultura, 2; *Varron*. De re rustica, I, 2; *Columella*. De re rustica, I, 1; *Plinius*. Naturalis Historia, XIV, 1.
[16] *Columella*. De re rustica, III, 3,7-11.

италлийского земледелия доходность римских рабовладельческих имений обычно не превышала 6% — типичной для Италии нормы ростовщического процента, хотя отдельные хозяйства могли достигать и более высокого уровня доходности.

Наиболее высокая эффективность среди отраслей материального производства была достигнута в античном мире в отраслях добывающей промышленности, особенно в добыче золота и серебра. Дело в том, что целью производства этих отраслей становится уже не потребительная, а меновая стоимость, эксплуатация рабов приобретает более жесткий характер, шире используются преимущества простой кооперации труда.

Покупка раба, применявшегося для производства товаров, может быть выгодна лишь в том случае, если отвлечение этих денежных средств принесет не меньший доход, чем ростовщический процент с этой же суммы денег, отданной в рост. кроме того, владелец раба должен возместить себе через определенный срок (срок жизни раба) средства, затраченные на его покупку.

"При системе рабства, — пишет К. Маркс, — работник имеет капитальную стоимость, именно покупную цену. И если его отдают внаем, то наниматель должен, во-первых, уплатить процент на его покупную цену и, кроме того, возмещать ежегодный износ капитала"[17].

Таким образом, цена раба, который использовался для производства товаров, определяется путем вычитания ростовщического процента из полученной от эксплуатации раба прибыли, иными словами, цена раба определяется капитализацией части прибавочного продукта на основе нормы ростовщического процента. Поэтому российский экономист М.В. Колганов сделал справедливый вывод о том, что в рабовладельческом обществе норма процента регулирует норму прибыли.

Один из крупнейших исследователей античного рабства, французский ученый XIX в. А. Валлон считал, что в Древней Греции норма прибыли равна была двойной норме процента. "Рабы, нанятые (у частных рабовладельцев. – Р.Н.) для эксплуатации Лаврийских копей (государственных серебряных рудников в Аттике. – Р.Н.), давали хозяину чистого барыша в день 1 обол, или в год 360 оболов... При 12% на капитал, обычном в Афинах проценте для денежных обязательств, этот доход представлял бы капитал в 3 тыс. оболов, или 5 мин[18]. Но доход с раба по своей природе является пожизненной рентой. Он должен был не только возместить проценты с покупной цены, но и должен был в определенный период времени восстановить и самый капитал, так как этот капитал, помещенный в личности раба, погибал вместе с ним. Чтобы извлечь из раба доходы, соблазнительные для государства, хозяева должны были из своего капитала извлекать двойной доход сравнительно с обычным... При 24% 360 оболов ежегодной выручки представляют стоимость в 250 драхм, или 2 1/2 мины за раба; и если хоть немного поднять отношение дохода к капиталу (например, процентов на 20-30), цена раба должна была упасть еще несколько ниже"[19].

Применительно к категориям рабов, которые использовались для добычи благородных металлов, целесообразно внести понятие сверхэксплуатации, т.е. эксплуатации, когда у эксплуатируемого отнимается не только весь прибавочный, но и определенная часть необходимого продукта.

Основными путями повышения эффективности рабовладельческого производства были, во-первых, все методы увеличения прибавочного продукта, и, во-вторых, все методы сокращения издержек производства. К первому направлению следует отнести такие широко практиковавшиеся способы, как удлинение рабочего дня рабов, как попытка повышения производительности и интенсивности их труда и др., ко второстепенному — способы сокращения издержек производства и фонда жизненных средств рабов. Видимо, лишь в этот период расцвета рабовладельческого строя (Афины V–IV вв. до н.э., Рим II в. до н.э. – I в. н.э.) производительность труда рабов приближается, а в некоторых отраслях даже превышает производительность труда свободных производителей материальных благ.

На эффективность рабовладельческого производства большое влияние оказывал способ пополнения контингента рабов. Единственно, что эффективность рабовладельческого хозяйства была выше, когда рабы были дешевы или их удавалось получить даром — внеэкономическим путем, т.е. путем войн, пиратства и т.д. Поэтому сокращение внешних источников рабства, рост цен на рабов, переход к более дорогим способам воспроизводства рабов (например, путем воспитания в доме хозяина и т.д.) — все это способствовало падению эффективности рабовладельческого производства.

[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 8.

[18] 1 мина равнялась 100 драхмам, а 1 драхма - 6 оболам.

[19] *Валлон А.* История рабства в античном мире. М., 1941. С. 82. Этот расчет в общем-то верно отражает цену рабов в Афинах, где, в частности, в 415 г. до н.э. цена рабов-мужчин колебалась от 70 до 300 драхм (а женщин — от 135 до 220 драхм). Для сравнения укажем, что средний заработок афинского ремесленника в это время составлял 1 драхму в день.

Почему не возник капитализм в античном мире?

Рост общественного разделения труда привел к тому, что, несмотря на натуральный в целом характер рабовладельческого производства, определенное развитие в античном обществе получил товарный обмен, зародившийся еще в условиях разложения первобытнообщинного строя. Первостепенное значение для развития производства продуктов для продажи, для расширения сферы рыночных отношений имел рост ремесла, которое достигло сравнительно высокого уровня, особенно в античных городах. Производством продуктов для продажи занимались мелкие собственники (крестьяне и ремесленники), а также рабовладельцы, сбывающие на рынке излишки сельскохозяйственной и ремесленной продукции и приобретающие не производящиеся в их хозяйствах товары, в том числе предметы роскоши. Производство последних имело большой удельный вес в продукции ремесла.

В наибольшей степени рыночные отношения были развиты в армии, закупавшей как предметы воен. снаряжения, так и предметы личного потребления. Господство натурального хозяйства ограничивало в условиях античного общества рыночные регуляторы развития производства. Монополия на землю крупных собственников, производивших значительную часть продукции и потому в определенных случаях диктовавших свою цену на рынке, была причиной больших отклонений цены от стоимости товара в сторону ее повышения или понижения, что также ускоряло процесс разорения мелкого крестьянского и особенно ремесленного производства, более тесно связанного с рынком.

С развитием денежного обращения появляется торговый и ростовщический капитал. Последний давал возможность присваивать часть прибавочного продукта, созданного рабами, если ссуда предоставлялась рабовладельцу, и часть продукта мелкого производителя, если ссуда предоставлялась крестьянину или ремесленнику. Ростовщический капитал способствовал разорению мелких товаропроизводителей, отделяя средства производства от непосредственного производителя. В античных государствах разорившиеся граждане не становились рабами, т. к. это было запрещено законами (Солона, Петелия и др.). Их обеспечение брало на себя государство. Так складывался паразитический пауперизм. Охарактеризуем институциональную природу этого явления подробнее.

7.3. Кризис полиса и причины возрастания роли государства[20]

В результате завоеваний античный полис получил мощный источник для покрытия своей авантюристической политики, оплаты разбухшего государственного аппарата и поддержки своих разорившихся граждан. Этим источником стала эксплуатация завоеванных или зависимых территорий.

Причины кризиса полиса

Сложившийся в ходе греко-персидских войн 1-й Афинский морской союз превратился после их окончания в союз подвластных Афинам территорий — в Афинскую Архэ. Взносы союзников (форос), уплачиваемые некогда для ведения войны с Персией, превратились в своеобразную дань и стали использоваться на нужды Афинского государства. Во времена Перикла они составляли, по свидетельству Фукидиада, огромную сумму — 600 талантов, а после смерти Перикла, как повествует Плутарх, демагоги постепенно увеличили цифру, доведя ее до 1300 талантов[21]. Таким образом, в Аттику, общее население которой (включая метеков и рабов) в V–II вв. до н.э. не превысило полумиллиона человек, поступали значительные средства, извлекаемые из 250 государств Афинской Архэ с населением 10–15 млн человек. Если к этому добавить вывод на территории союзников колоний афинских граждан-клерухий, то станет понятна неизбежность гибели этого союза в случае военного поражения Афин, силой оружия которых он держался. Распад его стал итогом Пело-

[20] В § 7.3 мы прежде всего опираемся на материалы истории Рима. Тенденция развития греческих полисов и, в частности, Афин, шла в этом же направлении, однако отличалась известным своеобразием, одной из важнейших причин этого следует признать тот факт, что развитие происходило не в условиях стремительного роста завоеванных территорий, как в Риме, а в обстановке распада Афинского морского союза и междуусобной борьбы греческих городов, шедшей до завоевания Греции Македонией с переменном успехом. Эти обстоятельства не могли не наложить свой отпечаток на формы проявления кризиса греческого полиса. Подробнее об этом см.: *Глузкина Л.* 0 специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиза. ВДИ, 1973, № 2.

[21] Античный способ производства в источниках, С. 350, 354.

понесской войны. Такая же участь постигла и 2-й Афинский морской союз: усиление эксплуатации союзников также способствовало его распаду.

Несколько к иным последствиям привела эксплуатация союзников Римом. Рим также активно стремился к эксплуатации зависимых от него государств. Он лишал их значительной части их территории, превращая ее в *agrum pubiicum* римской общины, обязывал поставлять воинские контингенты во вспомогательные войска и осуществлять материальную поддержку Рима, особенно в период войн. Кроме того, Рим навязывал союзникам свою высшую юрисдикцию и лишал их права ведения самостоятельной внешней политики. Однако в отличие от Афинского морского союза здесь не было даже формального равноправия. Покорение государств и территорий Римом происходило в различных условиях и союзники обладали различными правами: одни большими, другие меньшими[22]. Лишь после 2-й Пунической войны различия между ними фактически начинают стираться: Рим все более беззастенчиво попирает их права[23]. Это создает материальные предпосылки для их последующего объединения против Рима в ходе Союзнической войны (91–88 гг. до н.э.), которая знаменует крушение

В результате развития рыночных отношений, торгового и ростовщического капитала, ограбления союзников, эксплуатации рабов и зависимого населения у отдельных граждан античного города-государства складываются большие состояния, углубляется пропасть между бедными и богатыми. Если в Афинах начала V в. до н.э. состояние в один талант считалось средним состоянием, то к концу Пелопонесской войны встречаются упоминания состояний в 100, 200 и даже 600 талантов[24]. Еще более стремительно развивался процесс обогащения римской знати. «Если в Греции наибольшее состояние не превышало 600 талантов, то в Риме уже возникают состояния в несколько тысяч талантов. Так, состояние Красса оценивалось в 7100 талантов[25].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что развитие рабства, концентрация землевладения и рост богатства, усиливающиеся под влиянием завоеваний, все более и более подрывали экономическую основу античного полиса — мелкое производство. Более того, они создавали перед классическим полисом такие задачи, которые он уже не мог разрешить. Все это предопределило неизбежность кризиса и упадка античного города-государства.

Целью городской земледельческой общины, лежащей в основе античного полиса было, как мы отмечали в первом параграфе, простое воспроизводство. Но это воспроизводство неизбежно было в одно и то же время и заново производством старой формы и разрушением ее. Там, где каждому из античных граждан полагалось владеть определенным количеством акров земли, уже рост населения создавал для этого препятствия. Попытка устранить их путем колонизации подтолкнула завоевания. В результате завоевательных войн — рост рабовладельческого уклада и обострение экономического неравенства. Таким образом, сохранение старой общины заключает в себе разрушение тех условий, на которых она была основана, и античное общество переходит в свою противоположность.

Действительно, завоевательные войны, рост крупного землевладения, развитие рабства и торгово-ростовщического капитала способствовали подрыву того мелкого производства, которое составляло основу античного полиса в наиболее цветущую пору его существования. В ходе нашествия Ганнибала, например, погибло около половины парцеллярных хозяйств Южной и Средней Италии[26]. «Число италийцев, — писал Аппиан, — уменьшалось, они теряли энергию, так как их угнетали бедность, налоги, военная служба[27].

Объективный процесс разорения мелкого производства — экономической основы античного города-государства — должен был ослабить его военное могущество — источник земель, рабов и богатства. Поэтому наиболее дальновидная часть средних и крупных землевладельцев стремилась ограничить этот процесс до разумных пределов в целях собственного самосохранения. Примером тому могут служить знаменитые реформы братьев Гракхов в Римской республике (133 и 123-122 гг. до н.э.).

[22] См. *Маяк И.Л.* Взаимоотношения Рима и итальянцев в III–II вв. до н.э., с.71-75.

[23] Подробнее об этом см. Маяк И.Д. Ук.соч., С. 124-138.

[24] "Имущество Никия и Алкивиада, каждого в отдельности, оценивалось в 100 талантов (222000 рублей); внука Еаллия 200 талантов (444 000 руб.): Дафила — в 160 талантов (около 355 200 рублей) а Эпикрита в 600 талантов (1.332.000 рублей). И это в то время, когда 9 тыс. граждан из 21 тыс. владели состоянием в 520 руб., т.е. меньше, чем в 1 талант". *Колганов М.В.* Собственность. Докапиталистические формации. М.,1962, С. 273.

[25] *Колганов М..В.* Собственность. Докапиталистические формации. М.,1962, С.293. См. также: *Сальвиоли Г.* Капитализм в античном мире. Харьков, 1922, гл. II.

[26] *Утченко С.Л.* Цицерон и его время. М., Мысль, 1973, С. 50

[27] *Аппиан.* Гражданские войны 1-7. М., Соцэкгиз, 1935, С. 20

Попытки Гракхов ликвидировать крайности: во-первых, путем ограничения крупного землевладения на общественной земле (до 1000 югеров пахотной земли на одну семью) и, во-вторых, восстановления, укрепления и расширения мелкого землевладения за счет крупного — потерпели однако неудачу, так как не затрагивали коренных причин, способствовавших возникновению экономического неравенства. В 121 г. до н.э. был отменен пункт о неотчуждаемости земельных наделов, а в 111 г. до н.э. государственная земля, которой владели римские граждане (в пределах 500 югеров), уже была объявлена частной собственностью. Эти два закона ускорили скупку крестьянских земель крупными собственниками.

Провал реформ Гракхов означал, по существу, крушение попытки реставрации классического полиса.

Разорение значительной части гражданского коллектива и необходимость использовать разорившихся граждан на военной службе, с одной стороны, и затяжной характер бесконечных войн, с другой, способствовали созданию регулярной армии. В Риме этот этап развития полиса знаменует военная реформа Гая Мария (107 г. до н.э.), суть которой сводилась к тому, чтобы в войска стали набирать разорившихся римских граждан путем добровольной вербовки, независимо от владения парцеллой, но обращая внимание на пригодность к военной службе. 20–25-летний срок службы способствовал совершенствованию профессионального военного мастерства. Эта мера явилась крупным шагом в подрыве коренных принципов городской земледельческой общины. Войско полиса из народного ополчения превращалось в профессиональную армию, не связанную с гражданским инстинктом. Из общественной, общеобщинной организации, представлявшей интересы города в целом, войско превращалось в определенную касту, имеющую свои собственные интересы, живущую на жалование и получавшую свою долю в военной добыче. Аграрный вопрос откладывался на 20–25 лет и теперь тесно переплетался с интересами ветеранов, которые представляли грозную силу и с которыми нельзя было не считаться.

Создание постоянной армии явилось новым шагом в формировании в античном мире государственности, как аппарата, оторванного от насилия и порабощения не только завоеванных, но и самой общины-завоевателя. Появляется возможность установления единоличной формы правления, военного захвата власти. Укрепление частной собственности на землю и развитие ветеранского землевладения означают разрыв некогда единой связи между земельной собственностью и принадлежностью к гражданской общине, являются одними из ярких проявлений кризиса полиса.

Другим не менее ярким выражением этого кризиса стало развитие люмпенства и пауперизма римских граждан. Разорившиеся общинники, не становясь рабами, так как это было запрещено законом (Солона в Афинах, Петелия в Риме и т.д.), не превращались в то же время и в наемных рабочих. Дело в том, что рабство там, где оно является господствующей формой производства, — превращает труд в рабскую деятельность, т.е. в занятие, бесчестящее бедных людей. Тем самым закрывается выход из подобного способа производства. Еще Аристотель заметил, что общение с рабами деморализует граждан, не говоря уже о том, что рабы делают для граждан труд невозможным.

Вот почему разорившиеся граждане не превращались в наемных рабочих, а образовывали своеобразный слой пауперов, с которыми было вынуждено считаться государство. Заинтересованная в своем единстве перед лицом рабов, жителей деревни и окружающего варварского мира община рабовладельцев должна была для сохранения внутреннего спокойствия экономически поддерживать разоряющихся граждан, брать на себя их обеспечение. Так складывалось характернейшее явление древности — паразитический пауперизм членов городской общины (афинских, позднее римских граждан и т.п.).

Разоряясь и отходя от производительного труда, граждане античного города-государства приобщались к эксплуатации государственных рабов, населения завоеванных стран («деревни»), участвовало в присвоении созданного прибавочного продукта. Их уделом оставалось лишь посещение заседаний народного собрания и т.п. За этот «труд» граждане получали вознаграждение. Государство бесплатно выдавало им хлеб, деньги, масло, вино, мясо, организовывало их развлечения. Такая форма распределения прибавочного продукта просуществовала, как известно, уже в Древней Греции, особенно в период расцвета Афин, но наиболее широкое развитие она получила в Римской республике и империи. В 123 г. до н.э. народный трибун Гай Семпроний Гракх провел закон о продаже зерна римским гражданам из государственных складов по низким ценам. В 58 г. до н.э., по закону Публия Клодия Пульхра, вводилась бесплатная раздача хлеба, которая распространялась на 320 тыс.человек. Число римских граждан, имевших право получения дарового хлеба, было со-

кращено Гаем Юлием Цезарем более чем вдвое (доведено до 150 тыс.)[28] и держалось на этом уровне в течение довольно продолжительного времени. Но даже эта более скромная цифра говорит об огромных размерах содержавшегося за счет общества римского пролетариата.

Продажа хлеба по низким ценам и, позднее, его бесплатные раздачи снижали рыночные цены на хлеб ниже стоимости его производства, а потому способствовали еще большей натурализации мелкого крестьянского хозяйства, еще большему его разорению, притуплению стимула жить собственным трудом. В этих условиях попытки расширить гражданство на некоторые категории деревенского населения в целях сохранения свободного крестьянства как экономической основы рабовладельческого государства могли способствовать лишь деморализации дополнительного количества сельского населения и увеличили бы и без того большую группу деклассированных элементов.

Так сложился паразитический пауперизм Древнего мира, эта развращенная масса оторванных от производства и не желающих трудиться людей, все потребности которых отразились в знаменитом лозунге «Хлеба и зрелищ!».

Для того чтобы достать такое фантастическое количество средств существования, античное государство должно было располагать значительными материальными ресурсами. Для Афин классической эпохи главным источником доходов был форос — дань, уплачиваемая союзниками[29]. Однако с распадом Второго Афинского морского союза Афины лишились этого источника и должны были искать новые ресурсы. Именно в этот период (355 г. до н.э.) Ксенофонт пишет свой знаменитый трактат «О доходах». Он предлагает афинскому правительству конкретный план рационального использования внутренних ресурсов. Ксенофонт включает в него целую систему мер по государственному покровительству ремесла и торговли, расширению непосредственного участия государства в морской торговле и в разработках серебряных рудников Лавриона путем эксплуатации рабов, число которых он предлагает довести до нескольких десятков тысяч (с таким расчетом, чтобы на каждого афинского гражданина приходилось по 3 раба).[30] В своем тракте Ксенофонт гениально указал на две кардинальные меры: во-первых, на необходимость консолидации в классе эксплуататоров, всех богатых людей полиса, независимо от их принадлежности к гражданскому коллективу (эта мера рельефно видна в идее государственного покровительства метекам), и, во-вторых, на целесообразность непосредственного участия государства в сфере обращения (в заморской торговле) и в сфере производства (в разработке серебряных рудников)[31].

Эти мероприятия, которым не суждено было в полной мере осуществиться в Афинском государстве, получили свое дальнейшее развитие в Риме, хотя Рим в отличие от Афин, продолжал использовать и свои внешние источники (эксплуатировать провинции). Рим последовательно предоставлял права римского гражданства крупнейшим землевладельцам, рабовладельцам и ростовщикам муниципальной, а позднее и провинциальной знати. Необходимость консолидации класса рабовладельцев была ускорена движением рабов, которое приобрело особый размах во II–I вв. до н.э. Грандиозные восстания в Сицилии, отклики на них по всему Средиземноморью (восстание рабов на о. Делос, в Лаврийских рудниках Аттики и т.д.); восстание рабов под предводительством Спартака наглядно показали неприспособленность государственного аппарата полиса к массовому распространению рабства.

Столь же неприспособленной оказалась и система управления провинциями. Их грабеж со стороны ежегодно сменяемых римских наместников и ростовщиков достиг чудовищных размеров и был причиной всеобщего возмущения и ненависти населения провинций, грандиозных восстаний рабов и бедноты. Лишь население Италии находилось в отдельно привилегированном положении, так как в результате Союзнической войны на него были распространены права римского гражданства. Однако это событие означало, по существу, разрушение одного из краеугольных условий существования полиса — замкнутости и исключительности гражданства. Распространение римских прав на всю Италию превратило народные собрания (комиции), по меткому замечанию С.Л. Утченко, в юридическую фикцию[32].

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на признаках политического кризиса, суть которого заключалась в падении республики и установлении империи. Эти признаки, начиная от первых отступлений от полисной демократии, выразившихся в сосредоточения республиканских

[28] См. История Древнего Рима, С.163, 228, 249.
[29] Об этом прямо свидетельствует Фукидид. (*Фукидид. П,* 13.*Аристотель*. Афинская полития, С. 211)
[30] См. *Ксенофонт.* О доходах В кн.: Античный способ производства в источниках С. 32–39.
[31] Эти две идеи справедливо выделяет Э.Д. Фролов (Ук.соч., С. 220)
[32] *Утченко С.Л.* Кризис и падение Римской республики. М.: Наука, 1965. С.113.

магистратур в одних руках, беззастенчивом подкупе голосов на выборах, использовании в борьбе политических группировок вооруженных отрядов, армии и т.д. и кончая установлением единоличной власти, — подробно проанализированы в литературе[33]. Здесь важно лишь подчеркнуть, что параллельно с разложением органов полисной демократии складывался и укреплялся оторванный от народа фискально-бюрократический аппарат.

Экономический и политический кризис полиса сопровождается идеологическим кризисом. Последний находит свое яркое выражена в теориях упадка нравов[34]. На смену традиционным концепциям, восхваляющим полисные ценности и полисный патриотизм, приходят учения, пропагандирующие индивидуализм и космополитизм[35].

На смену квиритскому праву собственности, при котором собственность отдельного индивида на землю была обусловлена его принадлежностью к гражданскому коллективу, а частная собственность опосредована государственной, приходит классическое римское право.

Классическое или универсальное, римское право оформило освобождение личности индивида от власти коллектива, узаконило трансформацию античного города-государства, Действительно, классический полис был подточен ростом индивидуализма, в основе которого лежало развитие рыночных отношений и рабства.

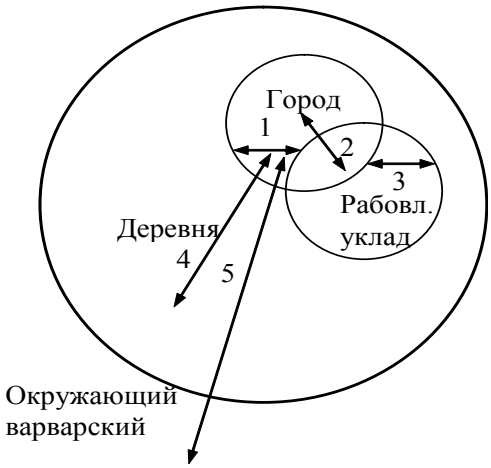


***Рис. 7-3**. Противоречия рабовладельческой системы*

Цифрами на рисунке 7-3 обозначены противоречия:

1 — между бедными и богатыми землевладельцами — гражданами античного полиса,

2 — между свободными и рабами (между крупным рабовладельческим производством и мелким хозяйством свободных граждан),

3 — между рабовладельцами и рабами,

4 — между городом и деревней,

5 — между рабовладельческой системой и окружающим варварским миром.

Итак, подведем краткие итоги. Расцвет экономики и культуры античного мира тесно связан с развитием независимого мелкого крестьянского и ремесленного производства, составляющих основу классического города-государства. Античный полис, возникший в результате борьбы с родовой знатью и долговым рабством как союз самосильно ведущих свое хозяйство частных собственников был направлен против рабов и окружающего внешнего мира. Он впервые воплотил в жизнь идеи гражданских прав и обязанностей, демократии и республиканизма[36]. И хотя это было объединение граждан — частных собственников, демократия для избранных и республика рабовладельцев, все же следует признать, что рождение этих форм было событием всемирно-исторического значения.

[33] Подробнее об этом см.: *Утченко С.Л.* Кризис и падение Римской республики, гл. III, V, VI, VIII.

[34] Подробнее об этом см.: *Утченко С.Л.* Политические учения Древнего Рима (III-I вв. до н.э.) М., Наука, 1977, гл. Ш, УШ.

[35] Подробнее об этом см. *Утчеяко С.Л.* Кризис полиса и политические воззрения римских стоиков. Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков Рима. Н., Изд-во АН СССР 1955; Он же. Политические учения древнего Рима, гл. IV.

[36] *Утченко С.Л.* Политические учения Древнего Рима. С. 36–38.

Они контрастно выделялись на фоне царившего на Древнем Востоке «поголовного рабства», монархии и деспотизма. И хотя развитие товарного производства и рабства, концентрация земельной собственности и движимого богатства подрывают мелкое производство в качестве основы античной экономики и неминуемо приводят к трансформации античной формы собственности, замене республики империей, все же не следует забывать, что это была монархия иного, отличного от древневосточного, типа. Если на Древнем Востоке, как это было показано в 6-й главе, борьба частного и государственного начал заканчивается победой государства, то в античном мире эта борьба заканчивается укреплением частной собственности. И это также составляет акт всемирно-исторической важности. Поэтому экономическое изучение античного города-государства не только позволяет понять, в чем заключается шаг вперед, сделанный античным миром по сравнению с древневосточными раннеклассовыми обществами, но и раскрывает закономерности становления и развития рабовладельческого строя.

В принудительном соединении непосредственного производителя — раба со средствами производства было заложено непримиримое внутреннее противоречие рабовладельческой формы хозяйства. Попытки повышения производительности рабского труда путем использования преимуществ кооперации, простейшей специализации, совершенствования техники, разработки и внедрения системы мер по восстановлению плодородия почвы и т. п. наталкивались на сопротивление рабов, которые видели в этих нововведениях лишь средство усиления эксплуатации и не были заинтересованы в их осуществлении. Непосредственной реакцией на повышение степени эксплуатации была порча рабами орудий труда, бегство от своих хозяев и т. п. Активной формой сопротивления рабов были вооруженные восстания. В восстаниях рабов (Сицилийские восстания, II в. до н. э.; восстание Спартака, I в. до н. э.; восстания Аристоника в Пергамском царстве, Савмака в Боспорском царстве, II в. до н. э.; и др.) участвовали десятки тысяч рабов. Наряду с восстаниями рабов в период античности большого накала достигла борьба в среде свободных, например в Риме борьба плебеев с патрициями за гражданские права, мелких землевладельцев с крупными (движение Гракхов) и др. В среде свободных против богатых боролись свободные крестьяне, являвшиеся полноправными членами общин, ремесленники и др. Обогащаясь или разоряясь, они переходили в класс рабовладельцев или класс рабов. В большинстве греческих и италийских полисов крестьяне были свободными, во многих случаях их закабалению препятствовало законодательство. Кризис полиса и концентрация недвижимого имущества и многочисленных рабов в руках немногих рабовладельцев привели к ухудшению положения мелких свободных производителей, поставив их в разного рода зависимость от рабовладельцев. В период распространения колоната различия между свободной беднотой и рабами начали сглаживаться, и на позднем этапе рабовладельческого строя (в период перехода к феодализму) народные массы выступали более сплоченно против рабовладельцев.

Процесс вытеснения рабовладельческого строя феодальным — революционный процесс, однако его нельзя трактовать как «революцию рабов». В классовой борьбе принимали участие все слои населения, подвергавшиеся эксплуатации в рабовладельческой системе: рабы и колоны, свободные крестьяне, мелкие ремесленники города и деревни, порабощенные народы провинций, окружающий варварский мир, ранее служивший источником пополнения армии рабов. Классовая борьба в рабовладельческом обществе кончается общей гибелью борющихся классов (см. рис.7-3).

7.4. Экономическая мысль античного мира

Анализ экономических проблем развития полиса

Феномен античного полиса объясняет многие характерные особенности античной культуры, предопределившей своеобразие развития экономической мысли. По сравнению с древневосточной античная культура носит более рациональный и демократический характер. Эту культуру создавали свободные граждане города-государства. Греки освоили и развили изобретенное финикийцами фонетическое письмо, что значительно облегчило широкое распространение грамотности среди граждан. Свободное, публичное обсуждение выдвигаемых идей, проектов предопределило светско-рациональный, доказательный характер экономической литературы. В этом обществе всесторонний характер развития личности граждан становится одной из важнейших целей производства, а личность выступает как главная форма богатства.

Источниками античной экономической мысли периода ее расцвета являются законы города-государства (законы Солона, так называемые законы Ликурга и др.), публичные выступления и

Аристотель Стагирит
(384-322 гг. до н. э.)

трактаты философов, историков, знаменитых граждан. Лишь позднее появляются специальные, главным образом политические, произведения, в которых важное место занимают и экономические вопросы («Домострой» и «О доходах» Ксенофонта, «Государство» и «Законы» Платона, «Политика» и «Афинская Полития» Аристотеля и др.).

Необходимой предпосылкой существования античного полиса было, как мы уже неоднократно отмечали, сохранение равенства между его гражданами как независимыми друг от друга частными земельными собственниками. Поэтому время от времени возникали проекты перераспределения земельной собственности путем ограничения крупного землевладения и расширения мелкого (проекты спартанских царей Агиса IV, Клеомена III, Набиса; реформы братьев Гракх в Древнем Риме и др.).

Важным достижением античной экономической мысли явилась разработка основ натурального («Домострой» Ксенофонта) и элементов рыночного хозяйства, в частности вопроса о форме стоимости («Никомахова этика» Аристотеля). Последовательное разграничение натурального и товарного хозяйств привело Аристотеля к созданию учения об экономике и хрематистике («Политика» Аристотеля). Основу греческого общества в это время составляло натуральное хозяйство, поэтому Аристотель исходит из экономики, к которой относит и розничную торговлю, поскольку в ней решающую роль играла потребительная стоимость. Аристотель критически относится к хрематистике, считая, что «искусство делать деньги», функционирование торгового (оптовая торговля) и ростовщического капитала имеют «источником богатства обращение». Вот почему хрематистика, с точки зрения Аристотеля, противоестественна.

С трактовкой понятия «демократия» произошел аналогичный казус. Современный его смысл совпадает с позицией Аристотеля, подробно изложенной в той же «Политике»: демократия — это такой политический строй, где правят многие во имя максимизации частной выгоды (табл. 7-4). Все дело в том, что по классификации Аристотеля демократия относится к разряду «неправильных» государств («отклонений»)[37]. Античные мыслители, в отличие от современных западных обществоведов, считали этической нормой стремление к общему благу, осуждая своекорыстное стремление к частному обогащению.

Таблица 7-4

Типология политических систем по Аристотелю

		ЦЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЕЙ	
		Правильные государства: цель — общее благо	**Неправильные государства: цель — частное благо**
КОЛИЧЕСТВО ПРАВИТЕЛЕЙ	**Один**	МОНАРХИЯ	ТИРАНИЯ
	Немного	АРИСТОКРАТИЯ	ОЛИГАРХИЯ
	Много	ПОЛИТИЯ	ДЕМОКРАТИЯ

Источник: *Сморгунов Л.В. Сравнительная политология: Теория и методология измерения демократии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 157.*

Таким образом, если понятие «экономика» употребляется сейчас в диаметрально противоположном смысле, чем у Аристотеля, то понятие «демократия» используют в том же смысле, как у Великого Стагирита, но с диаметрально противоположной этической оценкой. В обоих случаях мы одобряем то, что Аристотель осуждал.

[37] Характерен, например, следующий пассаж: «…И крайняя демократия, и тирания поступают тиранически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения» (*Аристотель*. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. С. 139).

В центре римской экономической мысли находились вопросы организации частного рабовладельческого хозяйства и управления им и частной собственности (рис. 7-4). Римляне отличались практическим складом ума, и их практицизм проявился прежде всего в скрупулезной выработке разнообразных рекомендаций по организации рабовладельческой виллы и управлению ею — типичным хозяйством средних размеров зажиточных граждан. Наиболее полное развитие эти вопросы получили в трудах римских агрономов Катона («Земледелие»), Варрона («Сельское хозяйство») и Колумеллы («Сельское хозяйство»), в энциклопедическом сочинении Плиния Старшего («Естественная история», книги XIV и XV).

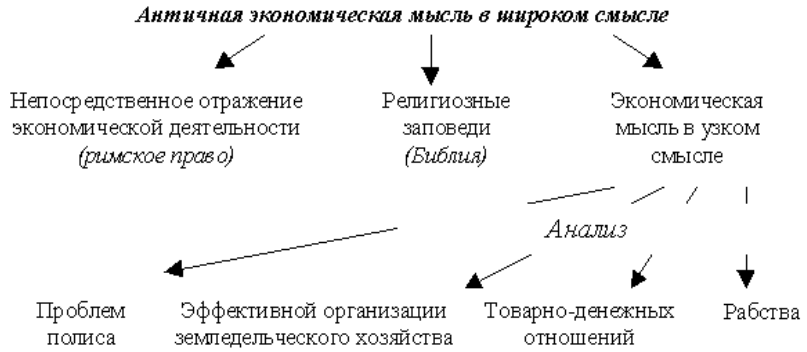


Рис. 7-4. *Античная экономическая мысль в широком смысле слова.*

Сложившееся при рабовладельческом строе право ставило своей целью превращение рабов в собственность рабовладельцев (раб — объект, а не субъект права), охрану с помощью самых жестоких мер частной собственности, политического всевластия рабовладельцев. В развитом рабовладельческом обществе среди высших слоев физический труд считался несовместимым с исполнением гражданских обязанностей. Платон, Аристотель, Цицерон и др. считали рабство общественно необходимым институтом, поскольку, как они полагали, есть категории людей, не способных к умственному труду и самой природой предназначенных к рабской зависимости; граждане же должны быть свободными от забот о предметах первой необходимости. Аристотель писал: «... Если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, то тогда и зодчие, при постройке дома, не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы»[38]. В трактовке рабства античное общество прошло длинный путь от оправдания его как «удела варваров», как «одушевленного орудия труда», как «имущества, приносящего доход» (в трудах Аристотеля) до критики этих положений и признания принципиального равенства между всеми людьми (в идеях первоначального христианства).

Тема частной собственности разрабатывалась римскими юристами. «Римляне, — писал К. Маркс, — собственно, впервые разработали право частной собственности, абстрактное право, частное право, право абстрактной личности. Римское частное право есть частное право в его классическом выражении»[39].

Экономические идеи первоначального христианства

Возникшее в Римской империи христианство — самая распространенная религия, господствующая до сих пор во многих странах мира. Изучение экономических идей этой религиозной доктрины важно не только для характеристики идеологии Римской империи, но и потому, что многие экономические концепции поздней античности, средневековья и нового времени имели религиозную окраску, развивались в рамках христианского мировоззрения, апеллировали к христианским нормам морали и права.

В разделе будут рассмотрены лишь экономические воззрения первоначального христианства (I —II вв. н. э.), которое в дальнейшем за короткий промежуток времени превратилось из учения иудейской секты в государственную религию Римской империи.

Христианство возникло в условиях экономического, политического и морального кризиса римского общества. Результатом римских завоеваний стало нивелирование национальных и культурных различий входящих в империю народов. На передний план все более выступали не национальные и этнические особенности отдельных народов, а пропасть между бедными и богатыми гражда-

[38] *Аристотель.* Политика, 1–2,5; рус. пер., СПБ, 1911. С. 11.
[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 347.

нами. Именно в это время возникает острая потребность всех классов в такой религии, в которой можно было бы «спастись» от господствовавшей в обществе социальной несправедливости. Старые религии были разрушены и пришли в упадок вместе с падением культивировавших государств. Новой религии необходимо было подняться над этнической ограниченностью и сословными предрассудками. Религия должна была стать простой и понятной верующим, способной указать решение возникших проблем. Этим требованиям удовлетворяло учение, родившееся на почве иудаизма и вобравшее в себя многие элементы восточных религий (почитание иранского божества Митры, египетского культа Исиды и Осириса и т. д.) и античных философских течений (учение стоиков, а позднее — неоплатонизм и др.).

Главной идеей христианства является идея греха и спасения человека. В существующих порядках повинны все люди, начиная от Адама и Евы, совершивших «первородный» грех. Умерший мученической смертью Христос искупил этот грех и тем указал путь к спасению. Вера в Иисуса Христа — этого «великого божественного спасителя»— условие очищения от греха. Раскаяние в грехах и благочестивая жизнь — необходимое условие достижения царства небесного после смерти. Грешникам и стяжателям уготован ад на том свете, а на этом — второе пришествие Христа и Страшный суд.

Возникшее как религия отверженных, униженных и оскорбленных, раннее христианство впитало в себя мечты о равенстве и справедливости, о честной и трудолюбивой жизни.

Хотя раннее христианство первоначально и было религией отверженных и угнетенных, оно не было ориентировано на какой-либо богоизбранный народ, социальную группу или определенный класс. Оно было обращено ко всем людям, ко всем, кто проявлял веру в божественного спасителя (Мессию), в Христа, в его искупительную жертву.

Выражая интересы разных классов и социальных групп, христианство с самого начала было глубоко и внутренне противоречиво. Экономические воззрения христианства, как и вероучения в целом, сформировались в борьбе различных течений. В результате одни произведения были признаны «истинными» и канонизированы, другие не были канонизированы, а третьи осуждены как ереси. Лишь 27 произведений (написанных во второй половине I – начале II в. н. э.) в IV в. были канонизированы, составив Новый завет. В него входят четыре Евангелия (от Матфея, Марка, Луки, Иоанна), Деяния святых апостолов, 21 послание (14 из которых приписываются святому Павлу, 3 — Иоанну, 2 — Петру, а также Иакову и Иуде) и Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис). Кроме канонизированных текстов раннехристианская литература включает Священное предание: Учение двенадцати апостолов (Дидахе), Пастырь Герма и др.— и неканонизированные тексты: некоторые Евангелия (Истины, от Петра, Фомы), апокрифическую апокалиптику и др.

Важное социально-экономическое значение имела христианская проповедь равенства. И хотя она доказывалась теологически (основой равенства людей является то, что все они грешны перед богом), идея равенства была направлена не только против племенных и этнических различий, но и против рабовладельческого строя. Это особенно ярко выражено в Посланиях к Колоссянам и к Галатам, приписываемых апостолу Павлу. «...Нет ни Еллина, ни Иудея... варвара, Скифа, раба, свободного...» (Кол., 3:11; Гал., 3:28). Равенство людей перед богом выступает как основной вид равенства, от которого все другие виды производны. Для экономической мысли важное значение имело утверждение необходимости поступать друг с другом по справедливости. «...Какою мерою мерите,— говорится в Евангелиях от Марка, Матфея и Луки,— такою отмерено будем вам» (Мк., 4:24; Мф., 7:2; Лк., 6:38).

С идеей равенства тесно связано утверждение всеобщей обязанности трудиться. «Если кто не хочет трудиться — написано во Втором послании Павла к Фессалоникийцам, — тот и не ешь» (2 Фес., 3:10). Труд является основой жизни людей, поэтому и распределение должно осуществляться по труду. «...Каждый,— утверждается в Первом послании Павла к Коринфянам,—получит награду по своему труду» (I Кор., 3:8). Моральному осуждению в ранне христианской литературе подвергается не только воровство (Еф., 4:28), но и социальное неравенство, в частности разделение людей на богатых и бедных. Богатство рассматривается в Первом послании Павла «к Тимофею как «корень всех зол» (I Тим., 6:10).

Раннехристианская литература осуждает ростовщичество и запрещает взимать ростовщический процент «Взаймы давайте,— говорит Христос в Евангелии от Луки,— не ожидая ничего» (Лк., 6:35). Богатым нет места в «Царстве Божием». «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши,— утверждается в Евангелиях от Матфея и Марка,— нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф., 19:24; Мк., 10:25). Что же делать тогда с богатством? «Если хочешь быть совершенным,— написано в Евангелии от Матфея,— пойди продай имение твое и раздай нищим» (Мф., 19:21).

Отказ от частной собственности приводил наиболее радикальных представителей раннего христианства к идеям коллективизма и обобществления имущества. Элементы коллективизма имели широкое распространение в предхристианских (кумранских) общинах ессеев (конец II до н. э. – I н. э.)[40].

Попытки обобществления собственности в условиях Римской империи не могли не иметь утопический характер. Вскоре они были окончательно преодолены трансформирующейся христианской церковью. Для нас они важны потому, что радикальные моменты раннего христианства явились идейными истоками крестьянско-плебейских ересей средневековья и даже утопического социализма.

В раннем христианстве же постепенно нарастали консервативные тенденции. Они были связаны не только с изначально присущей внутренней противоречивостью нового учения, но и со стремлением 'превратить его в господствующую религию. Усиление этих консервативных тенденций связывают обычно с деятельностью апостола Павла и его последователей. Меняются акценты. Внимание верующих переключается с критики социальных порядков на обличение соперничающей религии — иудаизма и осуждение многочисленных сект и философских течений (арианства, манихейства, неоплатонизма и т. д.). Усиливается признание и оправдание существующих порядков, перенесение требований о вознаграждении за терпение и страдание с этого мира на мир потусторонний, загробный. «Каждый оставайся в том звании, в котором призван,— говорится в Первом послании Павла к Коринфянам — Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов. Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков. В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся перед Богом» (I Кор., 7:20—24). Оправдывает рабство и существующая политическая власть. Более того, рабов призывают повиноваться рабовладельцам. «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу» (Еф., 6:5). Предпринимаются попытки оправдать богатство, от богатых ждут теперь не только раздачи милостыни бедным, но и крупных пожертвований в пользу церкви (2 Кор., 8:14; I Тим., 6:17—18). Перерождающееся христианство подготавливает идейные предпосылки феодальной формации.

Христианская церковь явилась важным социальным институтом, способствовавшим становлению западноевропейского феодализма, сохранившим для него многие достижения античной культуры. Однако гораздо более полном объеме античность была вновь открыта гуманистами, и ее экономическая мысль послужила важной идейной предпосылкой экономических взглядов нового времени — времени господства капитализма.

Учебно-методические материалы

Занятие 7. Античная экономическая система

Феномен античного полиса. Его структура. Крестьянское хозяйство как экономический тип. Античный полис как опыт экономической и политической демократии. Формы государства и управления. Античная культура в европейском наследии.

Рабство как система. Типичная рабовладельческая вилла, связанная с рынком. Принципы рационального ведения хозяйства. Пригородное поместье. Латифундия. Проблемы производительности рабского труда. Критика теории «революции рабов». Причины гибели античного мира.

Экономика и хрематистика. От гражданина к подданному. Экономика и римское право. Экономические идеи первоначального христианства.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. *Scheidel W.* and *Friesen S.J.* The size of the economy and the distribution of income in the Roman Empire. Princeton/Stanford Working Papers in Classics. January, 2009.
2. *Geraghty Ryan M.* The Impact of Globalization in the Roman Empire, 200 BC–AD 100. The Journal of Economic History. Vol. 67. No. 4 (December 2007).

[40] Подробнее об этом см.: История Древнего мира. Кн. II. М., 1982. С. 399–406; *Амусин И. Д.* Кумранская община. М., 1983; *Свенцицкая И. С.*От общины к церкви: О формировании христианской церкви. М., 1985. С. 54–62.

Дополнительная

1. История Древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. 4-е изд. М. Высш. шк., 2005.
2. История Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. 3-е изд. М. Высш. шк, 2003.
3. *Кузищин В.И.* Античное классическое рабство как экономическая система. М.: Изд-во МГУ, 1990. Гл. VI, VII (1), IX, X. С. 144–182, 209–242.
4. *Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2010. Гл. 2.
5. *Штаерман Е.М.* Древний Рим: проблемы экономического развития, М., 1978.
6. *Cohen E.E.* Athenian Economy and Society: A Banking Perspective. Princeton: Princeton University Press, 1992.
7. *Finley M.I.* Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies. Cambridge, 1960

Web-ресурсы

1. История Древнего Рима (сервер): http://rome.webzone.ru.
2. Lyttkens Carl Hampus Institutions, taxation, and market relationships in ancient Athens. Department of Economics. Lund University. Sweden. 2008: http://www.nek.lu.se/publications/workpap/Papers/WP08_9.pdf.
3. Bartlett B. How Excessive Government killed Ancient Rome // CATO Journal. 1994. Vol. 14. № 2: http://www.cato.org/pubs/journal/cjv14n2-7.html.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Чем античная община-полис отличалась от земледельческих общин восточного типа?
2. Можно ли говорить об античных «национальных» моделях экономики? Чем были обусловлены различия между спартанской, афинской и римской моделями?
3. Есть ли прямая взаимосвязь между развитием частной собственности, товарно-денежных отношений и рабовладения?
4. Какую роль сыграл кризис античного полиса в гибели рабовладельческой системы?
5. Какие экономические проблемы попали в поле зрения античной экономической мысли? И почему? Каким образом их пытались решить? Что удалось и что не удалось сделать? Как Вы думаете, почему?

ТЕСТЫ

1. Верны ли следующие утверждения?

1. Теоретическое обобщение хозяйственной жизни впервые появилось в античном обществе

Да Нет

2. Одним из источников античного рабства являлось пиратство

Да Нет

3. Деревней в античных обществах называли любой населенный пункт, не огражденный крепостными стенами

Да Нет

4. Повышение ссудного процента вело в античных обществах к повышению цены рабов

Да Нет

5. В античных республиках (Греция, Рим) не существовало бюрократии — профессиональной администрации

Да Нет

6. Перикл-младший, сын знаменитого Перикла и его жены Аспазии, дочери купца из Милета, был казнен в 406 г. до н. э. по приговору народного собрания за то, что он, возглавляя флот Афин, после победоносного сражения не извлек из волн разбушевавшегося моря тел погибших воинов для торжественного погребения. Такая смерть постигла Перикла-младшего из-за того, что он не был полноправным гражданином Афин, и потому к нему «придрались» под надуманным предлогом, по которому не осудили бы полноправного гражданина

Да Нет

7. Ликвидация рабовладельческой системы хозяйства неразрывно связана с гибелью античного общества

Да Нет

8. Свободные граждане составляли меньшинство населения античных обществ

Да Нет

2. Выбирете правильный ответ[41].

9. Кавалерия не играла в римской армии большой роли, однако ведущим сословием в Древнем Риме было именно сословие всадников. Это объясняется тем, что

а) к сословию всадников относили богатых граждан, способных купить коня и латы;

б) сословие всадников состояло исключительно из аристократов, которые по традиции правили государством;

в) всадников реже призывали в армию, и потому именно они руководили государством, пока большинство других граждан Рима воевало в пеших легионах;

г) всадниками были все полноправные граждане Рима, а в пешем строю заставляли воевать неполноправных свободных.

10. Какой правитель Древней Греции установил имущественный ценз вместо знатности происхождения в качестве критерия назначения на должности?

а) Солон;

б) Писистрат;

в) Гиппий;

г) Клисфен;

д) Исагор.

11. После свержения тирании в Древней Греции началось жестокое соперничество между Клисфеном и другим представителем знати по имени Исагор. Однако Клисфену все же удалось выиграть, т.к этот представитель знати принял беспрецедентный шаг, стремясь найти опору власти среди ....

а) Спартанцев;

б) Элиты (знатного происхождения);

в) Простого народа;

г) Богатых людей;

д) ваш вариант.

12. Для чего тиран Писистрат ввел 5% налог на произведенную продукцию?

а) Для личного обогащения;

б) Чтобы заручиться поддержкой крестьян;

в) Чтобы заручиться поддержкой элит;

г) Чтобы уравновесить привилегии, данные крестьянам;

д) Чтобы уравновесить привилегии, данные элитам.

13. Кто имел право голоса при демократии в Древней Греции?

а) Все взрослые жители;

б) Все свободные взрослые жители;

в) Все мужчины;

г) Все взрослые свободные мужчины;

д) Все взрослые свободные мужчины и пожилые женщины.

14. Как в Афинах появилась демократия?

а) Демократизация шла «снизу», народ поднял восстание и сверг правителей;

б) Демократизации шла «сверху», правитель сам раздавал власть;

в) Демократизация произошла в результате захвата Афин соседями, убежденными демократами;

г) Так само собой получилось, некому было претендовать на власть после смерти очередного правителя;

д) Демократии как таковой в Афинах не было.

[41] В составлении вопросов принимали участие студенты МИЭФ: В. Королева, Э. Мошкович.

15. Кто провел реформы , уничтожившие последние остатки родового строя в Афинах:
а) Писистрат;
б) Солон;
в) Гиппий;
г) Клисфен.

16. Как изменилась форма правления в Афинах?
а) аристократия–олигархия~демократия;
б) олигархия–демократия–олигархия;
в) олигархия–тирания–демократия;
г) олигархия–тирания–аристократия.

17. Рост значения внешней торговле в V в. до н.э привел к:
а) распространению чеканных монет;
б) экономическому росту;
в) превращению общества в торговый союз;
г) росту населения;
д) верно все предыдущее;
е) ни один ответ не подходит.

18. Какие налоги главным образом преобладали в Афинах?
а) прямые;
б) косвенные;
в) подоходные;
г) налоги на капитал.

19. Что привело в V в. до н.э к тому, что в Афинах к участились случаи уклонения от налогов?
а) увеличение налогов;
б) экономический спад;
в) переход к экономически рациональному поведению;
г) появление обязательных налогов.

20. Посещение театра в городах-государствах Древней Греции было:
а) бесплатным для всех желающих;
б) бесплатным, но пускали в театр только полноправных граждан;
в) платным, поскольку сборы от театра обеспечивали государству высокие доходы;
г) платным для рабов и митеков, бесплатным для полноправных граждан.

21. В 451 г. до н. э. по инициативе знаменитого правителя Афин Перикла был издан закон, согласно которому полноправным гражданином считался только тот, у кого оба родителя были афинянами. Целью данного закона было:
а) пополнение бюджета страны, поскольку тем, у кого родители не были афинянами, предоставлялось право купить гражданство за крупную сумму денег;
б) упорядочение числа лиц, считавшихся полноправными гражданами, поскольку статус гражданина давал доступ к различным льготам;
в) сокращение числа жителей Афин с целью решения жилищного вопроса, поскольку жить в городе-государстве могли только полноправные граждане, а все прочие подлежали принудительному выселению;
г) увеличение числа рабов для строительства Парфенона и других общественных сооружений, поскольку если человек не был гражданином данного полиса, то любой полноправный гражданин мог сделать его своим рабом.

22. В присущем античному обществу противоречии между городом и деревней Афины выступали как деревня (в социально-экономическом смысле слова):
а) до образования афинского полиса;

б) после распада Афинского морского союза;
в) после завоевания Греции Римом;
г) после распада Римской империи на Западную и Восточную.

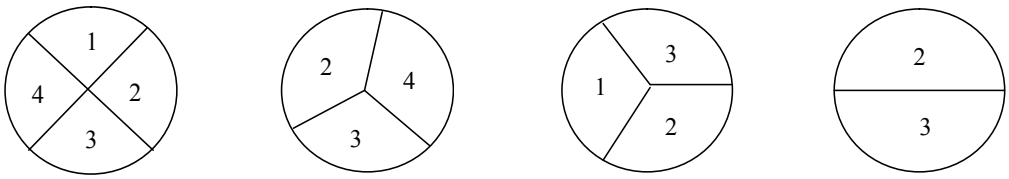
23. В теории Аристотеля хрематистикой называется учение о:
а) хозяйствовании с целью наживы;
б) хозяйствовании с целью натурального самообеспечения;
в) достойном гражданина образе жизни;
г) частной собственности.

24. Полноправными членами античной общины-полиса могли стать только:
а) владельцы рабов;
б) владельцы имущества на сумму свыше 10 талантов;
в) лица, прожившие на территории полиса не менее 20 лет;
г) дети родителей — полноправных свободных граждан.

25. Наиболее прибыльная форма античного производства — это:
а) эргастерий;
б) латифундия;
в) вилла;
г) крестьянское хозяйство.

26. Какая абстрактная схема правильно показывает структуру земельного фонда античной общины-полиса? В схемах: 1 — царские земли, 2 — частносемейные парцеллы граждан полиса, 3 — "*ager publicus*", 4 — земли неполноправных граждан.

а) б) в) г)



27. В эпоху расцвета Древней Греции и Рима рабов можно отнести к:
а) естественным производительным силам;
б) общественным производительным силам;
в) объективно социальным производительным силам;
г) субъективно социальным производительным силам.

28. Рассчитайте эффективность рабовладельческой виллы в Италии I в. до н.э., если на этой вилле количество рабов, занятых в хозяйстве, было равно 200, обычная цена раба в то время в Риме — 500 денариев, число лет, проводимых рабом в трудоспособном возрасте — 20, ежегодные затраты на содержание виллы и рабов — 20 тыс. динариев, получаемый ежегодно доход — 6 тыс. денариев?
а) 6,5%;
б) 5%;
в) 4%;
г) 15%.

29. При какой максимальной (экономически обоснованной) цене может быть куплен раб, если ожидаемая от его эксплуатации прибыль за год равна 240 оболов, а норма ростовщического процента составляет 20% годовых? (1 мина = 600 оболов).
а) 32 мины;
б) 20 мин;
в) 4 мины;
г) 1 мина.

30. «Принцип исключительности» античного полиса означает, что никто, кроме граждан, не имел права

а) жить на территории общины-полиса,

б) на земельный участок,

в) на занятие торговлей и ростовщичеством,

г) иметь рабов.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ

3. Решите задачи и ответьте на вопросы повышенной сложности[42].

31. Одна из первых государственных реформ собственности была проведена в 33 г. н. э. древнеримским императором Тиберием. По его эдиктам, римские граждане должны немедленно уплатить 2/3 своих долгов, и одновременно ростовщики обязаны обратить 2/3 своего имущества в недвижимость.

а) Какие цели могла преследовать эта реформа?

б) Как эта реформа должна была повлиять на уровень ростовщического процента?

32. Сравните различные категории производителей античного общества, заполняя таблицу.

Характеристики	Рабы	Илоты	Наемные работники	Самостоятельные производители
Доля в экономически активном населении				
Наличие собственных средств производства				
Наличие личной свободы				
Обязанности по отношению к собственникам земли				
Наследование социального статуса				

33. В Римской империи начала I в. н. э. действовала система биметаллизма — параллельного хождения золотой и серебряной монеты. Курс обмена серебра на золото в разных провинциях существенно различался: на Востоке (в Александрии) — 4,7:1, на Западе (в Риме) — 12,5:1[43].

а) Чем можно объяснить столь резкие различия?

б) Какие деньги использовались для накоплений, а какие находились в обороте?

в) Каков был уровень прибыльности валютных операций иудейских финансистов, которые имели тесные связи друг с другом по всей империи и потому могли спекулировать на разнице курсов?

г) Почему такими валютными спекуляциями не могли заниматься ростовщики и менялы других наций?

д) Как эти финансовые спекуляции влияли на экономику Римской империи?

34. Можно ли считать понятия «античная экономическая система» и «рабовладельческий способ производства» синонимами?

35. В древних Афинах эпохи Перикла (V в. до н. э.) 1% наиболее богатых семей имел 1/5 всех богатств частных лиц; верхние 5% семей — более 2/5; низшие 2/3 населения — порядка 1/8[44]. Рассчитайте по этим данным примерную величину имущественной дифференциации свободных граждан Афинского города-государства (коэффициент Джини).

[42] В составлении вопросов принимал участие д.с.н. Ю.В. Латов.

[43] *Коликов К.* Иисус и менялы // Знание — сила. 1996. № 6. С. 135–145.

[44] *Goldsmith R.W.* Premodern financial systems. Cambridge, 1987. P. 234.

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ МИКРОЭКОНОМИКИ

Н.М. РОЗАНОВА
доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
e-mail: nrozanova@hse.ru

Если ваше понимание таково,
что оно равно пониманию вашего учителя,
тогда вы унесли только половину учености учителя;
когда ваше понимание превосходит понимание учителя,
тогда вы достойны быть его преемником.
(Изречение Дзен)

Нередко студентам вузов и факультетов неэкономической направленности микроэкономика кажется чрезмерно теоретизированной дисциплиной, мало связанной с их будущей деятельностью. Каким образом новые подходы к преподаванию данного курса могут изменить отношение и студентов и преподавателей к изучаемому предмету — эта проблема рассматривается в статье на примере подготовки гос. служащих.

Ключевые слова: микроэкономика, гос. управление, гос. служащие.

It often happens that in non-economic departments Microeconomics seems to be a rather theoretical discipline, far from future practical activity of students. The article deals with the problem how new approach to teaching might change the attitude of both students and professors to Microeconomics, undergraduate education of future government officers being an example.

Keywords: microeconomics, government, public management, government officers.

Код классификации JEL: A11, A12, A13, A22, D01.

Современный этап развития российского общества и российского образования выдвигает на первый план задачу всесторонней подготовки высокопрофессиональных специалистов в различных областях знания. Являясь с сентября 2003 г. полноправным участником Болонского процесса, в основе которого лежит понимание того, что образование должно даваться не для сдачи экзаменов и получения дипломов и должностей, а для обогащения и усиления уже имеющихся способностей и развития новых, Россия активно проводит интеграцию национального образования в европейское и мировое образовательное пространство. Подобный процесс ставит новые проблемы перед всеми российскими вузами в области обеспечения сопоставимости национальной системы высшего образования и обеспечения должного качества подготовки специалистов на всех уровнях — от бакалавров до магистров и аспирантов.

В этом процессе одну из ключевых ролей играет экономическая теория, которая — согласно международному опыту — представляет собой значимую дисциплину во всех ведущих университетах мира, подготавливающих специалистов в самых разнообразных областях знания. Экономическая теория предлагает особую методологию и особые инструменты анализа социально-экономических процессов, происходящих в обществе, которые позволяют выпускнику — вне зависимости от конкретного факультета — более компетентно принимать решения и в своей специальной области.

Каким же образом следует преподавать экономическую теорию теперь, в рамках перехода от квалификационной модели к компетентностной модели подготовки специалиста? Как сочетать

© Н.М. Розанова, 2011

профессиональное образование студента в области конкретной, возможно, неэкономической, специализации и широкую экономическую подготовку, которая позволит ему/ей с достаточным основанием ориентироваться в важнейших вопросах экономической жизни страны?

Хочется поделиться конструктивным опытом почти десятилетнего преподавания курса микроэкономики на факультете государственного и муниципального управления Государственного университета — Высшая школа экономики.

Особенности преподавания микроэкономической теории как общепрофессиональной дисциплины

Факультет государственного и муниципального управления ГУ–ВШЭ рассматривает экономическую теорию в качестве общепрофессиональной дисциплины. Микроэкономика здесь служит основой формирования экономического образа мышления, необходимого для специалистов в области муниципального менеджмента и государственного управления. На базе данного курса другие кафедры строят свои специализации, предоставляя предметы, которые развивают и углубляют фундаментальные представления об экономике, полученные студентами в рамках экономической теории.

Специфические требования к микроэкономике включают в себя наличие помимо общефедерального компонента специальных разделов в добавлении к стандартному курсу; дополнительные навыки и приемы работы, которым необходимо обучить студентов; спецкурсы по выбору, целесообразные для более глубокого понимания предмета.

Особенности факультета влияют на полноту читаемого курса, структуру курса, формы аудиторной работы и их соотношение, формы самостоятельной работы, формы текущего, промежуточного и итогового контроля, методическое обеспечение курса.

Учет специфики факультета предусматривается по следующим направлениям работы преподавателей, читающих лекции и организующих семинарские занятия:

- включение дополнительных вопросов по каждой теме;
- акцент в качественных и количественных заданиях на применимости модели в практике государственного и муниципального управления;
- акцент на извлекаемых уроках из предоставляемых упражнений и практических ситуаций, связанных с деятельностью гос. чиновников.

Курс «Микроэкономика» дает представление об основных понятиях и принципах экономической теории в области поведенческих характеристик отдельных экономических агентов (потребителей, фирм, государства) на микроуровне экономического анализа. Особый акцент сделан на теории фирмы и теории организации рыночных структур — темы, изучение которых создает базу для дальнейшего расширения знаний студентов в области управления государством, в частности, для проведения антимонопольной и промышленной политики государства в целом, а также в вопросах микроэкономического обоснования государственной фискальной и монетарной политики, в частности наряду с изучением основных микроэкономических моделей; большое внимание уделяется анализу роли и функций государства в экономике, различным направлениям экономической политики государства: бюджетно-налоговой, кредитно-денежной, а также политике занятости, антиинфляционной политике, политике стимулирования роста, внешнеэкономической политике.

В разделе «*Поведение потребителя*» большое место уделяется сравнительному анализу различных форм налогообложения потребителя, субсидированию и рационированию потребления товаров с точки зрения воздействия государственного регулирования на благосостояние потребителя.

В теме «*Теория выявленных предпочтений*» студентам предлагается более детальный анализ ценовых и количественных индексов как показателей результатов воздействия государства на рынок и на благосостояние потребителя.

В темах «*Поведение производителя*» и «*Теория фирмы*» роль государства исследуется с позиции налогообложения предприятий, а также установления различных видов ценового и неценового контроля государства на рынках.

Для анализа государственного регулирования в области налогообложения дополнительно вводится тема «*Роль налогов на конкурентном рынке*», в рамках которой рассматриваются вопросы чистых потерь благосостояния от налога и субсидии, абсолютные и относительные размеры налогового бремени потребителя и производителя.

Более углубленный и детальный анализ государственного воздействия предлагается в рамках раздела «*Отраслевые рыночные структуры и их регулирование*». Здесь дается первое представление о различных видах отраслевой политики государства: антимонопольное регулирование, конкурентная политика в целом, инновационная политика и политика стимулирования отдельных отраслей (промышленная политика). В теме «*Монополистическая конкуренция*» большое место отводится проблемам регулирования государством рекламной деятельности фирм, вопросам добросовестной и недобросовестной конкуренции и регулирования рынков с асимметричной информацией. Кроме того, выносится в отдельную тему проблема государственного регулирования отраслей естественной монополии, где подробно анализируются различные схемы организации производства и ценообразования в данных отраслях.

В отдельную тему выделяется внешнеторговая политика государства в качестве способа воздействия на конкурентный рынок внутри страны с целью обеспечения защиты национальных производителей от импорта или стимулирования экспортных продаж и повышения конкурентоспособности национальных товаров на мировых рынках. Детально анализируются разнообразные тарифные и нетарифные методы государственного внешнеторгового регулирования с точки зрения общественного благосостояния при разных состояниях внутреннего и мирового рынка: рынок совершенной конкуренции, рынок олигополии, рынок монополии.

В разделе «*Рынки факторов производства*» особое место отводится вопросам политики доходов государства, воздействию законов о минимальной заработной платы на рыночное равновесие, роли государства в урегулирование конфликтов между работодателями и работниками и в социальном партнерстве при заключении трудовых соглашений, рационированию кредита, налоговым льготам на особые инвестиции, с точки зрения их влияния на параметры рынка труда и капитала.

В теме «*Общее равновесие*» ведущая роль отводится формам и методам, с помощью которых государство оказывает влияние на параметры экономики, поведение экономических агентов и экономический рост с точки зрения микроэкономики.

В отдельный раздел выделяются проблемы провалов рынка и роль государства в решении этих проблем. В частности, более детально рассматриваются модели налога Пигу, цен Линдаля и проблемы финансирования производства общественных благ, налога Кларка-Гровса для выявления государством истинных предпочтений индивидов.

Большое место уделяется вопросам провалов государства, проблемам механизма демократического выбора, а также дискуссиям о сути общественного благосостояния и роли в них государства.

В результате изучения данного курса студенты получают знание фундаментальных основ микроэкономики и целостное системное представление о принципах функционирования экономики, поведении крупнейших агентов экономики и основных направлениях микроэкономической политики государства; получают представление о ведущих современных микроэкономических концепциях и моделях; овладевают аналитическим аппаратом исследования микроэкономических проблем, современным инструментарием экономического анализа; приобретают навыки решения количественных задач; формируют экономическое мышление и умение анализировать содержание микроэкономической политики Правительства и Центрального банка.

В процессе занятий студенты учатся оценивать применимость микроэкономических моделей к тем или иным конкретным ситуациям в сфере государственного и муниципального управления.

Студенты факультета очень неоднородны. Есть студенты с очень хорошими базовыми знаниями экономики, полученными, например, в ходе занятий на подготовительных курсах. Однако имеется очень большая группа студентов (порядка 30–40 человек), которые не в состоянии освоить материалы курсов на должном уровне в связи как с низкой общей математической подготовкой, так и отсутствием навыков экономического мышления и анализа.

Подобная неоднородность контингента существенно затрудняет процесс обучения. Для наилучшего решения проблемы используются помимо дополнительных консультаций преподавателей и дополнительных учебных материалов следующие инновационные приемы методики преподавания.

Во-первых, студент с самого начала обучения должен понять, что ответственность за итоговый результат лежит целиком на нем, без серьезных усилий получение высокой оценки не может быть гарантировано. Для того, чтобы студенты лучше осознали свою собственную ответственность за итоги курса, на первой лекции проводится мини-опрос с двумя вопросами: (1) что я жду от курса, (2) на какую оценку я рассчитываю?

Ответы на первый вопрос нужны как самому обучающемуся — с целью понимания логики курса, определенной систематизации того, что студент уже знает, так и преподавателю, который может

скорректировать читаемый материал, исходя из пожеланий студентов. К наиболее распространенным ежегодным ответам относятся такие, как: «возможность увидеть связь между теоретическими положениями и действительностью»; «получение практических навыков, улучшение теоретических знаний»; «интеллектуального роста»; «возможность оперировать полученными знаниями и навыками, лучше разбираться в экономике»; «интересных и креативных заданий, которые дают возможность поразмышлять над наиболее актуальными экономическими проблемами современности».

Ответ на второй вопрос показывает готовность студента приложить определенные усилия для достижения желаемого результата. Эти ответы, сопровождаемые нередко комментариями, свидетельствуют о том, что такая постановка вопроса заставляет обучающегося серьезно задумываться над своими будущими действиями. Например, один из студентов высказался в таком духе, что он хотел бы претендовать на достаточно высокую оценку, однако в силу того, что он спортсмен и не сможет уделять много внимания данному предмету, он готов согласиться на минимальную положительную оценку.

Поскольку ответы не являются анонимными, ежегодно составляется база данных по ожидаемым оценкам, которая затем соотносится с реальными результатами студентов. Интересно отметить, что наиболее часто встречающаяся ожидаемая оценка различается от года к году. Бывают наборы, где модальная оценка равняется 4 или 5 (по десятибалльной системе, принятой в ГУ–ВШЭ), что соответствует оценке «удовлетворительно» по пятибалльной системе. А встречаются курсы, где модальная оценка равна 7 (оценка «хорошо»). И действительно, в дальнейшем оказывается, что читать лекции и проводить практические занятия в группах, нацеленных на 7, гораздо приятнее и плодотворнее, чем в группах с желаемым результатом 4. Но какой бы ни была наиболее часто встречающаяся оценка, поражает другой итог: высокая корреляция между заявленной и реальной оценками, коэффициент корреляции составляет 0,80–0,85 на 1%-ном уровне значимости[1]. Отсюда можно сделать вывод: студенты, благодаря такому, на первый взгляд, простому опросу, учатся соотносить свои действия и свои результаты, брать на себя ответственность за успешное освоение курса.

Во-вторых, традиционная система лекционной начитки материала кажется устаревшей, особенно, когда речь идет о неэкономических факультетах. Слушать полтора-два часа лектора — занятие довольно утомительное. Для активизации интереса студентов и повышения их внимания (а также чтобы поддерживать их в тонусе) на лекциях предлагаются мини-контрольные на 10–15 минут после объяснения каждого значимого положения темы. Мини-контрольные состоят, как правило, из одного-двух вопросов количественного, либо качественного характера, связных с предметом обсуждения. Вопросы могут проверять как умение применить только что рассмотренную формулу к конкретной задаче, так и носить логический характер, оценивающий, в какой степени студент помнит материал, который был на предыдущих лекциях, или в какой степени студент способен аналитически мыслить, исходя из своих предыдущих знаний микроэкономики. Например, после обсуждения различных моделей олигополии предлагается такая мини-контрольная: «Должно ли государство регулировать ценовую конкуренцию по Бертрану? Если, да, каким образом? Если, нет, почему?»

В целях ускорения проверки мини-контрольных и стимулирования дальнейшей работы студентов предлагается упрощенная схема оценки по таким критериям:

Правильно 80–100% — 3

Правильно 50–79% — 2

Правильно 30–49% — 1

Правильно меньше 30% — 0

Результаты мини-контрольных суммируются, переводятся в обычную 10-балльную систему и входят в подсчет итоговой оценки по курсу (с коэффициентом 0,15).

Помимо того, что мини-контрольные в интересной и даже игровой форме оценивают знания студентов, они позволяют ненавязчиво проверить посещаемость лекции и побуждают обучающихся к более высокой концентрации внимания, поскольку неизвестно, на каком этапе лекции будет проходить очередная работа.

В-третьих, основной акцент при проведении лекционных и семинарских занятий делается на том, каким образом каждая тема может быть использована при проведении государственной экономической политики. Дается большой фактологический материал из опыта государственного регулирования зарубежных стран и России. Ставятся проблемы государственной политики, актуальные

[1] На курсе, где читается дисциплина «Микроэкономика», насчитывается 130–150 чел. Обычно ответы сдают порядка 90% обучающихся.

для современной жизни России. Значительно в меньшей степени используется математический аппарат — скорее для иллюстрации, чем для доказательств каких-либо положений экономической теории. Большое внимание уделяется графикам и экономической интерпретации тех или иных теоретических концепций.

В-четвертых, для активизации самостоятельной работы студентов используются письменные работы, ориентированные на практику (экономические эссе и рефераты). Когда студенты сами начинают работать с учебно-методическими материалами, научной литературой, статистическими данными и информацией об экономических событиях в России, они лучше усваивают теоретические концепции и понимают, в какой степени то или иное теоретическое положение может быть применено к исследованию реального экономического явления. Во второй части статьи представлены некоторые студенческие работы в качестве лучших образцов, где на основе полученных знаний студенты демонстрируют умение анализировать конкретные экономической ситуации и делать самостоятельные выводы.

В-пятых, самостоятельная письменная работа сопровождается устным выступлением на семинарском занятии по защите основных положений, проанализированных в эссе или реферате. Чтобы все, или почти все, студенты имели возможность выступить на занятии, а также для стимулирования творческих способностей, предлагается следующая схема ответа — интенсивная презентация, разработанная на основе метода компании *McKinsey*[2].

Представим себе, что вы являетесь главой аналитического департамента правительства, и ваша команда два месяца работала над проектом (например, проект «Как улучшить ситуацию в регионе»). Сегодня день вашей презентации председателю правительства. Вы собрались на 22-ом этаже нового правительственного центра и готовитесь доложить о своих результатах. Но едва начавшись, презентация останавливается. Председателя правительства срочно вызывает президент страны. Председатель правительства собирается уходить. Ваша единственная возможность высказаться — проехать вместе с ним в лифте до первого этажа. За три минуты, которые занимает путешествие в лифте, вы должны изложить вашу концепцию проекта и ключевой результат, к которому пришла ваша команда, так, чтобы убедить председателя правительства в правильности вашей точки зрения. Доски и мела в лифте нет.

Проводимый без предварительной домашней заготовки (студентам рассказывается логика занятия только на самом семинаре и дается пара минут, чтобы собраться с мыслями), лифт-тест позволяет активизировать творческие способности обучающихся, стимулирует студентов выражать свои мысли четко, ясно и кратко.

Примеры микроэкономического анализа[3]

В этой части представлены сокращенные и обработанные версии реферата на тему «Применение микроэкономики в управлении городом». Студенты по своему выбору анализировали один из городов России на основе использования инструментария микроэкономики. Данные примеры демонстрируют возможности микроэкономической теории в решении самых сложных ситуаций городской жизни. Этот материал можно использовать в качестве практических ситуаций на семинарских занятиях по микроэкономике для усиления прикладной направленности курса.

Город Красноярск

Постигая какую-либо дисциплину, наилучший способ ее понять — попробовать применить ее при изучении некоторого реального объекта. Если же говорить о микроэкономике, то и она не является исключением. Безусловно, необходимо знать различные модели, формулы, уметь решать задачи, но не менее важно увидеть, как этот инструментарий можно применить на практике, и какие реальные последствия имеют различные решения.

Красноярск — это крупный российский город с огромным экономическим потенциалом. В 2009 г. по версии журнала «МОЛЛ» «Красноярск вошел в десятку крупных российских городов наиболее благоприятных для развития торговли за ряд высоких показателей в области размеров рынка, темпов роста розничного товарооборота и наличию качественных торговых площадей» [2].

Несмотря на значительный прогресс в развитии инфраструктуры города, социальной политики, политики по поддержанию малого и среднего бизнеса, в городе все же существуют проблемы, которые необходимо решать. Рассмотрим наиболее важные из них.

[2] Так называемый «лифт-тест», о котором говорится в книге Расиела И. [1].

[3] В качестве примеров взят реферат студентки факультета государственного и муниципального управления ГУ–ВШЭ Комарницкой А.

Пробки

Красноярск — это город почти с миллионным населением, поэтому неудивительно, что в нем уже давно возникла проблема передвижения граждан.

Ежедневно большая часть населения города вынуждена проводить в пробках по дороге на работу или с работы домой от 30 минут до часа или даже больше. Причем это касается как людей с личным автомобилем, так и тех, кто пользуется общественным транспортом. Красноярские дороги не справляются с потоком автомобилей. Порой пробка возникает в местах, где движение регулирует светофор, но чаще все же из-за аварий на дорогах.

Стоит отметить, что в отличие от городов-миллионеров России, в Красноярске не действует метро, что значительно осложняет передвижение граждан. Точнее будет сказать, что еще несколько лет назад была достроена одна ветка, состоящая из пяти станций, но она так и не была запущена. Незадействованность метро означает, что все граждане передвигаются только на наземном транспорте, т.е. весь поток пассажиров приходится на дороги города.

Последствия для красноярцев

Обозначив проблему, теперь необходимо проанализировать ее и возможные последствия, как для самих граждан, так и для предприятий, используя инструменты микроэкономического анализа.

Одним из важных последствий ожидания в пробках является ухудшение здоровья людей. Проводя в пробке в среднем по часу, а чаще всего даже больше, большинство автомобилистов начинают нервничать, что очевидно влияет на их настроение в течение дня.

Более того, когда люди стоят в пробке, они неизбежно вынуждены дышать парами газа и бензина, что отрицательно сказывается на их самочувствии. В результате этого, у них может заболеть голова и появится усталость.

Если у многих из тех, кто проводит утро и вечер в пробках, ухудшается самочувствие, то они естественным образом начинают покупать медикаменты, например, различные обезболивающие, таблетки от головной боли, а также антистрессовые препараты. Данные лекарства, как правило, стоят достаточно дорого, а значит, покупая их даже раз в месяц, красноярцы будут тратить больше денег на данный товар, чем до этого. Следовательно, происходит перераспределение расходов потребителя.

Пусть потребитель тратит свой доход на лекарства (товар Х) и другие товары (У). Тогда первоначально его доход распределялся следующим образом: $I = P_x \times X_1 + P_y \times Y_1$.

Ожидание в пробках отрицательно сказывается на здоровье потребителя, в результате чего он вынужден увеличить количество приобретаемых лекарств. При этом доход потребителя не изменяется, а значит, увеличив количество покупаемых медикаментов, он тем самым увеличит долю расходов на них от величины его общих расходов, следовательно, он должен уменьшить потребление других товаров. Тогда он будет новым образом распределять свой доход: $I = P_x \times X_2 + P_y \times Y_2$.

Приведем графическую иллюстрацию данного изменения (рис.1).

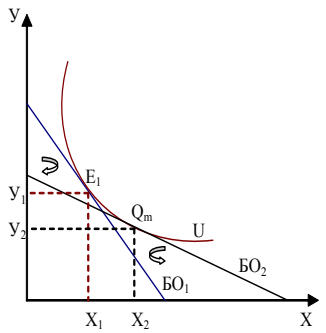


Рис. 1.

Предполагая, что функция полезности имеет стандартный вид: $U = X^a \times Y^b$, после изменения доли расходов потребителя на лекарства и остальные товары, бюджетное ограничение изменит свое положение (поворот вдоль оси Х наружу, а также поворот вдоль оси У внутрь). В результате количество приобретаемых лекарств увеличивается с X_1 до X_2, а количество других приобретаемых товаров уменьшится с $У_1$ до $У_2$.

С другой стороны, увеличение количества приобретаемых красноярцами лекарств означает, увеличение спроса на лекарства на рынке лекарственных препаратов города. При увеличении спроса на лекарства, цена на них вырастет, а количество покупаемых лекарств также увеличится.

Иллюстрация изменений на рынке лекарств приведена на рис. 2, где вследствие увеличения спроса с D_1 до D_2, а цена на лекарства возросла до P_2.

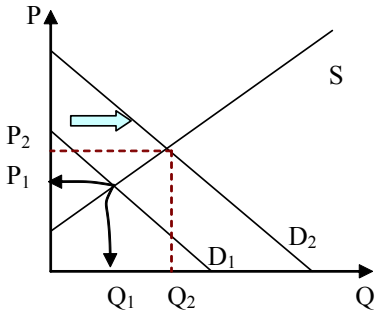


Рис. 2.

Еще одним возможным результатом ожидания в пробках является ухудшение отношений на работе. Ведь чаще всего, простояв в пробке утром, человек, приехав на работу, будет более склонен к конфликтам с другими работниками. Это очевидным образом будет мешать рабочему процессу.

Последствия для красноярских фирм

Пробки в Красноярске влияют не только на жителей города, но также и на предприятия, находящиеся в его пределах.

Ожидание в пробках может привести к уменьшению работоспособности, поскольку, простояв даже час, любой человек становится уставшим и вымотанным. Подобное последствие является негативным, прежде всего для фирмы, потому что уставшие сотрудники будут выполнять работу медленнее и иногда менее качественно. То есть они будут затрачивать больше времени на выполнение своих стандартных обязанностей.

Если рассматривать время, затраченное на выполнение работы, как издержки фирмы, то тогда из-за увеличения времени выполнения работы издержки фирмы вырастут. В этом случае увеличатся переменные, а, следовательно, и общие издержки фирмы на производство продукции (данная ситуация проиллюстрирована на рис. 3).

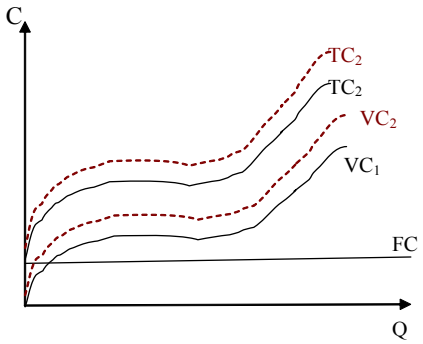


Рис. 3.

Но если увеличиваются издержки фирмы и уменьшается производительность труда, то логично предположить, что и выпуск продукции должен сократиться.

Действительно, если мы допустим, что время для фирмы является затратами на труд, то увеличение затраченного времени на выполнение работы для фирмы будет эквивалентно увеличению стоимости труда.

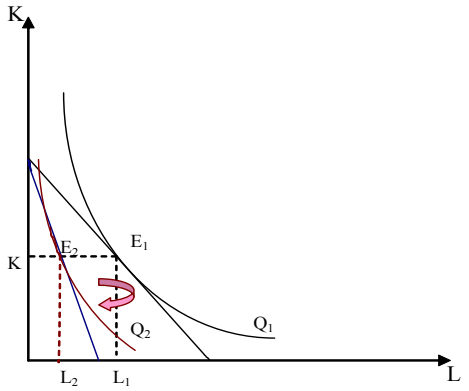


Рис. 4.

Более того, не исключено, что красноярцы, простояв в пробке в среднем 1–1,5 часа, могут не прийти на работу.

На рис. 4 показана данная ситуация. Однако как мы видим, уменьшилось не только количество производимого товара (с Q_1 до Q_2), но также уменьшилось количество труда, занятого на фирме. Это можно объяснить тем, что если работники часто опаздывают или не приходят на работу, то работодатель может принять решение об увольнении таких сотрудников (это, конечно же, происходит не за один или два прогула, а за систематические опоздания).

Также важно отметить, что усталость работников, которые простояли достаточно долго в пробке по дороге на работу, скажется на общем объеме выполняемой работы и на их трудоспособности. Вследствие этого уменьшится общий, средний и предельный продукты труда. Иллюстрация приведена на рис. 5.

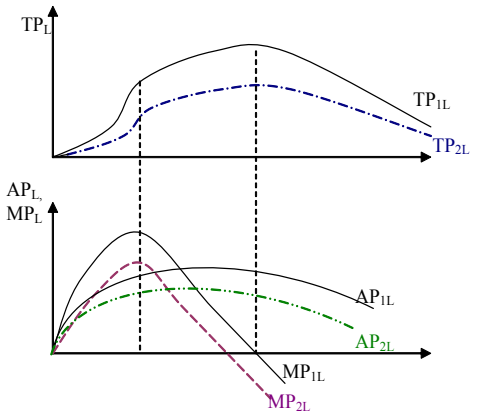


Рис. 5.

Решение проблемы

Проанализировав последствия пробок для жителей Красноярска, а также для фирм города, теперь необходимо рассмотреть те действия, которые предпринимаются мэром и администрацией города.

Следует отметить, что проблеме пробок в городе уделяется огромное внимание. Неоднократно производились работы по расширению городских дорог, по их разгрузке, строились новые развязки. Однако эти меры не смогли решить существующую проблему.

Не следует забывать о том, что на дорогах ежедневно проводятся ремонтные работы, которые просто необходимы, особенно после зимы, когда в некоторых местах города просто не представляется возможным проехать, не проколов при этом колесо или не разбив подвеску автомобиля.

Что же можно сделать для улучшения ситуации?

Во-первых, для разгрузки дорог можно сделать спецполосы для общественного транспорта (особенно в центре города). Общественный транспорт (троллейбусы, трамваи) должен проезжать отдельно от автомобилей, а не посреди проезжей части (как это можно наблюдать на красноярских дорогах). Это важно, поскольку пробки также могут возникать вследствие того, что общественный транспорт сломался посреди дороги.

Если сделать спецполосы, то ту часть дорог, по которой раньше ездили трамваи и троллейбусы, можно будет использовать как дополнительные полосы для автомобилей, что приведет к увеличению пропускной способности дорог.

Но не стоит забывать, что эта мера требует в первую очередь финансовых средств из местного бюджета, а также времени.

Если дать общественному транспорту преимущество перед автомобилями, то тогда, возможно, больше, чем пятая часть жителей города будет готова отказаться от личного транспорта.

Предположив, что для потребителя проезд на автомобиле (Y) и проезд на общественном транспорте (X) являются альтернативными способами передвижения (т.е. товарами-заменителями), то тогда при условии, что будут приняты меры, описанные выше, потребители станут предпочитать проезд на общественном транспорте проезду на личном автомобиле (хотя бы в будние дни, т.е. по дороге на работу и обратно).

Воспользуемся рис. 6.

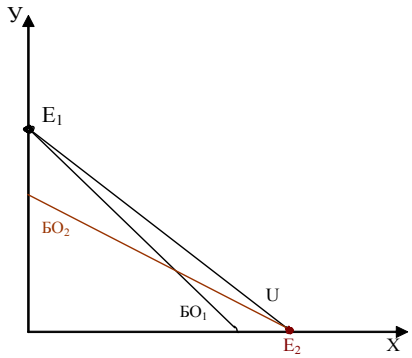


Рис. 6.

Приняв, что X и У являются товарами-заменителями, их функция полезности будет иметь вид: $U = a \times X + b \times Y$. Если первоначально потребитель использовал личный автомобиль (точка E_1), то затем он сменил его на общественный транспорт, в результате чего теперь потребитель будет пользоваться только общественным транспортом (E_2), заменив им личный автомобиль.

Если после этих мер будет снижено количество пробок, то, во-первых, многие люди уже не будут подвержены стрессу, а значит, во-вторых, их здоровье улучшится. Это непосредственно ведет к тому, что работники уже не будут так склонны к конфликтам, следовательно, будет улучшена рабочая атмосфера в коллективе. Более того, время, которое жители Красноярска раньше тратили в пробках, они смогут использовать для удовлетворения своих личных потребностей, таких как отдых, сон, проведение большего времени с семьей и т.д.

Экологическая ситуация в городе

Поскольку Красноярск является почти городом-миллионером, то неудивительно, что в нем возникает проблема, связанная с загрязнением окружающей среды. Причем в последние годы ситуация в данной области даже ухудшилась.

Основными промышленными источниками загрязнения в городе являются ТЭЦ-1, ТЭЦ-2 и Красноярский Алюминиевый завод (КрАЗ). Эти предприятия ежедневно выбрасывают в атмосферу огромное количество вредных веществ. Но если учесть, что на теплоэнергостанциях города этого избежать практически невозможно, то получается, что эти предприятия таким образом создают отрицательный внешний эффект для жителей Красноярска. В результате этого красноярцы становятся потребителями промышленных отходов. А ТЭЦ-1, ТЭЦ-2 и КрАЗ используют при производстве такой ресурс, как право на незагрязненную окружающую среду, однако плата за использование данного ресурса не включается в издержки этих предприятий, в то время, как общество несет зна-

чительные издержки от их существования. Поэтому получается, что предприятия не несут платы за тот отрицательный внешний эффект, который они создают для общества.

Разберем эту ситуацию подробнее на примере ТЭЦ-1.

Поскольку основной задачей ТЭЦ-1 является обеспечение города теплом и электроэнергией, то для этого она использует, в основном, переработку некоторых видов полезных ископаемых (угля и т.д.). При их переработке в атмосферу города вместе с дымом выбрасываются вредные вещества, которые в дальнейшем негативно сказываются на здоровье жителей города. Получается, что при производстве тепла и электроэнергии предприятие использует такой ресурс, как чистый воздух, при этом лишая других людей возможности его использовать (т.е. дышать чистым, незагрязненным воздухом). Однако с предприятия никто не взимает плату за использования чистого воздуха.

Пусть все предприятия, которые загрязняют окружающую среду в Красноярске имеют предельные издержки, равные предельным частным затратам MPC. При этом с увеличением производства этих предприятий объем загрязнений также увеличивается, т.е. общие внешние затраты увеличиваются (TEC). Причем предельные внешние затраты, связаные с производством дополнительной единицы продукции, не оплачиваются предприятиями. Значит для потребителя существует два вида затрат: частные и внешние затраты, т.е. предельные затраты общества равны сумме предельных внешних затрат и предельных частных затрат: $MSC=MEC+MPC$.

Изобразив данную ситуацию на графике — рис. 7, мы видим, что в результате существования отрицательного внешнего эффекта установится Парето-неэффективное равновесие (в точке E_1): когда компании не несут затрат за использования чистого воздуха, то их выпуск становится больше эффективного $Q_1>Q_0$, а цена ниже эффективной $P_1<P_0$. Если бы в издержки (а следовательно и в стоимость их продукции) предприятий также входили те внешние издержки, которые несет потребитель в результате деятельности предприятий, то тогда установилось бы Парето-эффективное равновесие в точке E^*.

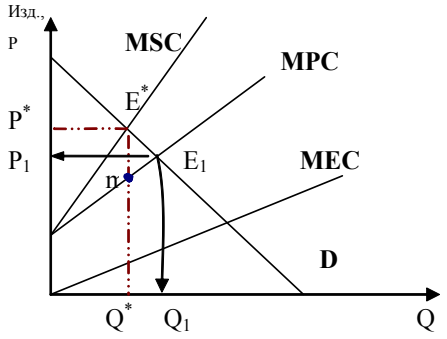


Рис. 7.

Итак, как мы выяснили, в Красноярске тепло- и энерго- вырабатывающие предприятия при производстве несут отрицательный внешний эффект для жителей города. Необходимо найти решение данной проблемы. В первую очередь, нужно установить очистительные сооружения на предприятиях, загрязняющих среду города. Во-вторых, нужно привлекать к административной ответственности предприятия, которые наносят ущерб как окружающей среде города, так и непосредственно самим красноярцам. Кроме того, является уместным установление, например, налога Пигу или корректирующего налога, величина которого равна величине предельного ущерба от загрязнения окружающей среды при эффективном выпуске (на графике величина налога Пигу равна длине отрезка mE^*).

❖❖❖

Когда речь идет о модернизации российского образования, целесообразно помнить, что преподавание экономики — и в первую очередь экономической теории — требует особых подходов, адекватных современному состоянию умов как студентов, так и преподавателей. Инновационные методы обучения включают в себя повышение ответственности обучаемого за результаты подготовки, текущий непрерывный контроль в нетрадиционных видах студенческой активности (лекции), письменные работы, ориентированные на практическое использование теоретического материала и интенсивные презентации с элементами неожиданности и игры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Расиел И.* Метод McKinsey. М., 2005.
2. http://www.admkrsk.ru/CITY/Pages/default.aspx.

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Перед Вами — материалы Учредительной конференции Международной политико-экономической ассоциации стран СНГ (МПЭА СНГ), которая состоялась в апреле 2011 года в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

♦

В условиях фронтального наступления на политическую экономию, непрекращающихся попыток вытеснения ее на обочину науки, образования и культуры, угроз и вызовов ее будущему пространство выбора для политэкономов и экономистов-теоретиков резко сузилось: либо пассивное наблюдение и, следовательно, согласие с происходящим, либо объединение усилий в борьбе за выживание и развитие нашей науки, ее творческую экспансию в образовательное и культурное пространство. Для МПЭА СНГ и ее Центрального совета единственно возможным является второй путь. Он не сулит особых материальных выгод и спокойного существования. Но разве ради этого приверженцы политической экономии пишут научные статьи, идут в студенческие аудитории, пропагандируют свои взгляды в средствах массовой информации, спорят и живут?

Мы предполагаем обсуждать широкий круг проблем политической экономии в контексте духовности и культуры, социальных и политических процессов. Мы надеемся, что нашими авторами станут философы, социологи, политологи, представители других наук и вненаучных знаний. Рассчитываем на заинтересованное отношением молодых ученых и студентов, — в руках новой генерации политэкономов будущее нашей науки.

Именно политическая экономия — та единственная ось, вокруг которой будет вращаться его многообразная проблематика, представленная в следующих рубриках:

- история политической экономии;
- философские и методологические проблемы политической экономии;
- проблемы политико-экономической теории;
- политическая экономия и экономико-универсумное знание;
- экономическое образование и проблемы преподавания политической экономии;
- политико-экономическое наследие К. Маркса и современный марксизм;
- политическая экономия и школы экономической мысли;
- политическая экономия и институциональная теория;
- политическая экономия и эволюционная экономика;
- новая политическая экономия;
- политическая экономия и политика;
- политическая экономия и макроэкономика;
- политическая экономия и микроэкономика;
- мировая экономика и глобализация: история, современность, перспективы;
- научные дискуссии;
- републикации;
- слово молодым;
- публицистика;
- слово коллегам (гуманитариям, обществоведам, «естественникам»);
- политическая экономия и культура;
- заметки и письма;
- хроника научной жизни;
- наша консультация;
- критика и библиография и др.

Ждем Ваших предложений, инициатив, статей, заметок и писем.
В добрый путь!
Центросовет МПЭА СНГ

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О СОЗДАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

20.04.2011 г. в г. Москве состоялась учредительная конференция **Международной политэкономическая ассоциация (МПЭА).**

В конференции приняло участие более 80 ученых и преподавателей из более чем 20 регионов России, Украины, Казахстана, Азербайджана и др. стран. В учредителях ассоциации и участниках — видные ученые, руководители Института экономики РАН, кафедр политической экономии, экономической теории и экономики крупнейших университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и др. городов России, видные ученые др. стран. На конференции были представлены доклады д.э.н., профессора, заведующего кафедрой экономической теории СПбГУ В.Т. Рязанова, д.э.н., профессора, заведующего кафедрой экономической теории Южного федерального университета О.Ю. Мамедова; д.э.н., заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Бузгалина. С приветствиями к участникам конференции обратились руководители Всемирной политэкономической ассоциации профессор Ченг Енфу (Китай) и профессор Дэвид Котц (США), один из основателей Международной инициативы по развитию политической экономии профессор Ал Кэмпбэл (Великобритания); 1-й заместитель директора Института экономики РАН, руководитель секции политэкономии Вольного экономического общества, чл.-корр. РАН Д.Е. Сорокин; руководители кафедр и вузов Украины, Казахстана и др. известные ученые.

В положении о МПЭА, принятом на конференции, подчеркивается, что ассоциация является добровольным некоммерческим объединением сторонников развития политической экономии, созданным и действующим с целью содействия развитию политической экономии как науки; методологии и инструмента решения практических экономических, социальных и политических проблем страны, регионов, предприятий; учебной дисциплины.

Конференция избрала Центральный Совет и координаторов Российской секции МПЭА. От Казахстана в ЦС МПЭА вошел профессор У.Ж. Алиев, от Украины — профессор В.Н. Тарасевич. Мы надеемся на то, что в скором времени представители Азербайджана, участвовавшие в конференции, также делегируют своего представителя в ЦС МПЭА.

Центральный Совет МПЭА обращается ко всем членам нашей ассоциации, ко всем сторонникам развития политической экономии:

Уважаемые коллеги!

Создание нашей ассоциации — важный, но только первый шаг по пути повышения роли политической экономии в социально-экономической жизни наших стран, в процессе образования. Далее **все зависит от нас самих.**

Мы обращаемся к Вам с убедительной просьбой, **словом и делом поддержать начинания ЦС ассоциации и инициировать свои авторские проекты.**

Основные направления работы МПЭА определены, но их содержательное наполнение еще впереди.

- Инициируйте проведение семинаров, круглых столов, секций на конференциях, студенческие кружки и любые иные формы работы, поднимающие роль политической экономии!
- Разрабатывайте новые и распространяйте существующие политэкономические программы и учебники, научные тексты и популяризаторские материалы, используя для этого доступные вам сайты и блоги в социальных сетях, лекции и семинары!
- Становитесь членами, активистами, лидерами МПЭА — перед вами широкое поле интересной, творческой, нужной людям и стране работы!

ПОЛОЖЕНИЕ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Принято на учредительной конференции МПЭА 20.04.2011 г.

Международная политэкономическая ассоциация (МПЭА) является добровольным некоммерческим объединением сторонников развития политической экономии, созданным и действующим с **целью** содействия развитию политической экономии как науки; методологии и инструмента решения практических экономических, социальных и политических проблем страны, регионов, предприятий; учебной дисциплины.

Основными направлениями работы МПЭА являются:

1. *Содействие подготовке и распространению среди научной общественности:*

- учебных программ и учебно-методических комплексов, учебников, методических материалов в области политической экономии;
- коллективных и индивидуальных научных докладов по ключевым проблемам политической экономии;
- докладов, документов, записок, обращений, адресованных научной и педагогической общественности, государственным органам и показывающих теоретическое, практическое, образовательное значение политической экономии.

2. *Проведение мероприятий, направленных на развитие и популяризацию политической экономии:*

- ежегодные международные научные конференции (РФ, др. страны СНГ) в Москве;
- региональные фестивали политической экономии (включающие конференции, семинары, открытые лекции и мастер-классы известных ученых, пиар-акции, ярмарки программ и учебников и т. д.);
- региональные семинары, конференции, круглые столы;
- секции по политико-экономической проблематике в рамках различных научных конференций, чтений и т.п.

3. *Информационная работа:*

- создание и поддержка работы сайта, на котором будут размещаться учебники и учебно-методические материалы по политической экономии, лекции (в том числе — видео и аудио) по политэкономии известных ученых, научные тексты, авторские «окна» ведущих ученых, информационные материалы и т.п.;
- ежемесячный выпуск информационного бюллетеня политической экономии с рассылкой всем членам ассоциации;
- создание электронной рассылки для членов ассоциации;
- распространение членами ассоциации по своим сетям (сайты, рассылки) наиболее значимых материалов ассоциации.

4. *Публикации:*

- ежегодная монография, связанная с ежегодной научной конференцией ассоциации;
- одновременные (скоординированные) публикации наиболее значимых материалов (коллективных докладов, одобренных ассоциацией учебно-методических материалов, содержательных обзоров научных конференций и т.п.) в нескольких журналах СНГ, поддерживающих деятельность ассоциации;
- создание журнала «Вопросы политической экономии».

5. *Работа с молодежью:*

- проведение конкурсов работ по политической экономии с публикацией статей победителей в ВАКовских журналах;
- организация секций молодых ученых на конференциях и иных научных мероприятиях ассоциации;
- организация политэкономических секций на конференциях молодых ученых.

6. *Международное сотрудничество (приглашение на наши конференции, участие в конференциях за рубежом, перевод материалов коллег и т.п.) с:*

- Всемирной политико-экономической ассоциацией;
- Международной инициативой по пропаганде политической экономии;
- Ассоциацией гетеродоксальной экономической теории и др.

Принципы конфигурации МПЭА

МПЭА является добровольным некоммерческим объединением сторонников развития политической экономии.

Учредителями МПЭА являются известные ученые-политэкономы (как правило — доктора экономических наук, профессора, внесшие большой вклад в разработку проблем политэкономии и являющиеся авторами ряда монографий и многочисленных статей в этой области), выступившие с идеей создания ассоциации и (в дальнейшем) поддерживающие этот проект своим авторитетом и организационно.

Действительными членами МПЭА являются ученые и преподаватели, имеющие несколько опубликованных работ в области политической экономии, разделяющие цели и принципы деятельности МПЭА.

Членами молодежной секции МПЭА являются студенты и аспиранты, имеющие несколько работ в области политической экономии, разделяющие цели и принципы деятельности МПЭА.

Сторонниками МПЭА являются граждане, разделяющие цели и принципы деятельности МПЭА.

Руководящим органом МПЭА является ежегодная (организационная) конференция.

В промежутках между конференциями работу МПЭА координирует избираемый конференцией ***Центральный Совет***. Учредители МПЭА могут принимать участие в работе ЦС с правом решающего голоса. Конференция может избирать координаторов МПЭА.

В рамках МПЭА могут создаваться национальные и региональные отделения.

Действительные члены и члены молодежной секции МПЭА имеют право:

- Участвовать в ежегодных (организационных) конференциях МПЭА с правом решающего голоса;
- Избираться и быть избранными в центральные органы МПЭА;
- Выступать с докладами на всех научных мероприятиях МПЭА с обязательным включением доклада в программу мероприятия;
- Публиковать как минимум 1 раз в год политэкономический текст (объемом не более 0,4 п.л.) в ежегодном издании МПЭА (порядок публикации устанавливается ЦС МПЭА);
- Получать информационный бюллетень ассоциации;
- Быть включенными в рассылку ассоциации.

Сторонники МПЭА имеют право:

- Участвовать в ежегодных конференциях МПЭА с правом совещательного голоса;
- Выступать с сообщениями на всех мероприятиях МПЭА с обязательным включением выступлений в программу мероприятия;
- Направлять как минимум 1 раз в год политэкономический текст (объемом не более 0,4 п.л.) для публикации в ежегодном издании МПЭА (вопрос о публикации текста решается редколлегией сборника);
- Получать информационный бюллетень ассоциации;
- Быть включенными в рассылку ассоциации.

СОСТАВ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА СЕКЦИИ «МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ»

БУЗГАЛИН Александр Владимирович (координатор) — д.э.н., заслуженный профессор МГУ, президент Фонда «Альтернативы». (Москва).

ВОЕЙКОВ Михаил Илларионович — д.э.н., профессор, зав. сектором политэкономии Института экономики РАН. (Москва).

ГАЙСИН Рафкат Сахиевич — д.э.н., профессор, зав. кафедрой политической экономии РСХА им. Тимирязева. (Москва).

ДАВЫДОВ Юрий Степанович — д.э.н., профессор, президент Пятигорского государственного лингвистического университета иностранных языков. (Пятигорск).

КАШИРИН Валентин Васильевич — д.э.н., профессор, ученый секретарь секции политэкономии ВЭО. (Москва).

ЛЕБЕДЕВА Надежда Николаевна — д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории и экономической политики Волгоградского государственного университета (Волгоград).

МАМЕДОВ Октай Юсуфович (координатор) — д.э.н., профессор, зав. кафедрой политической экономии и экономической политики экономического факультета Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

ПАВЛОВ Михаил Юрьевич — к.э.н., доцент МГУ (молодёжная секция). (Москва).

РЯЗАНОВ Виктор Тимофеевич (координатор) — д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (С.-Петербург).

СИДОРОВ Виктор Александрович — д.э.н., профессор, зав. кафедрой теоретической экономики экономического факультета Кубанского государственного университета. (Краснодар).

СОРОКИН Д.Е. — д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, первый зам. директора ИЭ РАН. (Москва).

ТАТУЕВ Арсен Азидович — д.э.н., профессор кафедры экономической теории Кабардино-Балкарского государственного университета (Нальчик).

ЧЕКМАРЕВ Василий Владимирович (Кострома) — д.э.н., профессор, , зав. кафедрой экономической теории Костромского государственного университета. (Кострома).

УШВИЦКИЙ Лев Исаакович — д.э.н., профессор, декан экономического факультета Ставропольского государственного технологического университета. (Ставрополь).

ЦАГОЛОВ Георгий Николаевич — д.э.н., профессор Международного ун-та. (Москва).

Координаторы от других государств:

АЛИЕВ Урак Жолмуразевич — д.э.н., профессор, вице-президент Образовательной корпорации «Туран». (Казахстан).

Тарасевич Виктор Николаевич — д.э.н., профессор, зав. каф. политэкономии Национальной металлургической академии Украины. (Днепропетровск).

ОБРАЩЕНИЕ К ЧЛЕНАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА И ЧЛЕНАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Уважаемые коллеги!

Учредительная конференция МПЭА, прошедшая в Москве 20 апреля 2011 г., приняла ряд решений, которые накладывают на нас, избранных в ЦС МПЭА, определенные обязательства.

Как координаторы МПЭА мы обращаемся к вам с предложением взять на себя некоторые обязательства по поддержке работы ассоциации на следующий год по следующим направлениям:

1. Содействие подготовке и проведению Политэкономического конгресса.

Координаторы МПЭА предлагают провести в конце апреля 2012 г. в г. Москве 1-й Политэкономический конгресс стран СНГ. Конгресс должен стать знаковым и содержательным событием, для чего необходимо привлечь к участию в не менее 300–500 человек, провести серии пленарных и секционных заседаний, семинаров и круглых столов. Каждый из членов ЦС может инициировать одно или несколько секционных и т.п. заседаний. В этой связи просим Вас взять на себя одно или несколько из нижеследующих обязательств:

1.1. Обеспечить участие в Конгрессе .....(кол-во) человек из моего ВУЗа (региона);

1.2. Организовать секцию (семинар, круглый стол) по теме «.....» и привлечь к участию в них .... (кол-во) человек;

1.3. Помочь организационно проведению Конгресса;

1.4. Помочь финансировать Конгресс;

2. Содействие проведению других мероприятий в области политэкономии.

Мы обращаемся к членам ЦС инициировать одно или несколько мероприятий (конференций, семинаров, секций др. конференций), содействующих развитию политэкономии. В этой связи просим Вас взять на себя одно или несколько из нижеследующих обязательств:

2.1. Инициировать и провести от имени МПЭА как одного из (со)организаторов конференцию (семинар, круглый стол) на тему «.....» в .... (место, дата проведения) и пригласить к ее участию членов МПЭА и всех, интересующихся политэкономией;

2.2. Инициировать и провести от имени МПЭА как одного из (со)организаторов секцию (семинар, круглый стол) в рамках проводимой в моем ВУЗе конференции на тему «.....» в .... (место, дата проведения) и пригласить к ее участию членов МПЭА и всех, интересующихся политэкономией;

2.3. Иные обязательства.

3. Содействие публикации политэкономических материалов.

Мы обращаемся к членам ЦС инициировать 1 или несколько шагов по публикации материалов, содействующих развитию политэкономии. В этой связи просим вас взять на себя одно или несколько из нижеследующих обязательств:

3.1. Представить до 1 сентября 2011 г. в ЦС свой текст (около 1 п.л.) в коллективную монографию по проблемам политэкономии;

3.2. Обеспечить публикацию в журнале «Вопросы политической экономии» (или каком-либо другом) ряда статей (указать количество, сроки, объем и др. требования) по проблемам политэкономии;

3.3. Обеспечить публикацию в сборнике на тему «....» ряда статей (указать количество, сроки, объем и др. требования) по проблемам политэкономии;

3.4. Обеспечить издание монографии (сборника статей) по проблемам политэкономии на тему «....» (указать количество, сроки, объем и др. требования к представляемым материалам).

4. Информационная поддержка деятельности МПЭА и поддержка деятельности сайта МПЭА.

Мы просим вас осуществить следующие шаги по поддержке информационной деятельности МПЭА:

4.1. Предоставлять в электронном виде информацию (фото, биография, тексты статей, докладов, программ и др. учебно-методических материалов, учебников) для моей личной страницы на сайте МПЭА;

4.2. Предоставлять в электронном виде следующие материалы других ученых и преподавателей для следующих рубрик сайта (доклады, статьи, УМК, библиографии, монографии в области политэкономии);

4.3. Содействовать пропаганде МПЭА и ее сайта (размещение информации об МПЭА и ее сайте на других сайтах, в поисковых и иных информационных системах, в социальных сетях, в том числе при помощи моих студентов и аспирантов);

4.4. Информировать общественность об МПЭА, ее сайте и деятельности через .... (шаги, выходящие за рамки пункта 4.3.);

4.5. Регулярно предоставлять модератору сайта информацию о конференциях и иных мероприятиях, новых публикациях и иных интересных для членов МПЭА мероприятиях и информационных ресурсах.

5. Помощь в оргработе.

Мы надеемся, что Вы сможете осуществить следующие шаги по организационной поддержке деятельности МПЭА:

5.1. Обеспечить вступление в МПЭА ряда новых членов;

5.2. Обеспечить включение в ЦС МПЭА ряда известных ученых и организаторов в области политэкономии из России и др. стран;

5.3. Иное.

6. Содействие осуществлению международной деятельности МПЭА.

Мы надеемся, что вы сможете осуществить следующие шаги по поддержке международной деятельности МПЭА:

6.1. Оказать содействие к привлечению к деятельности МПЭА следующих известных зарубежных ученых (ФИО, должность);

6.2. Оказать содействие в развитии кооперации МПЭА со следующими зарубежными партнерами (ассоциациями, ВУЗАми, исследовательскими центрами, Фондами и т.п. — указать название);

6.3. Обеспечить регулярное информирование МПЭА о зарубежных мероприятиях, информационных ресурсах, публикациях в области политэкономии.

ПРОСИМ ВАС МАКСИМАЛЬНО ТОЧНО И ПОДРОБНО ОСВЕТИТЬ ВАШИ МЕРОПРИЯТИЯ, ОСОБЕННО ОБРАТИВ ВНИМАНИЕ НА ПП. 1, 2.1., 3.1., 3.2., 4.1., 4.3., 5, 6.1. и ответить на это обращение до 01.10.2011г.

Хотим обратить Ваше внимание на то, что ***наша ассоциация — добровольная общественная сеть, которая будет развиваться столь активно и успешно, сколь много и эффективно будет добровольно работать каждый из нас!***

С уважением,

Координаторы МПЭА, профессора:

Бузгалин А.В., Мамедов О.Ю., Рязанов В.Т., Алиев У.Ж., Тарасевич В.Н.

ПЛАН ОСНОВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ НА 2011-2012 УЧЕБНЫЙ ГОД

1. *Распространение среди научной общественности (публикация на сайте, в рассылках — в течение всего периода)):*

- учебных программ и учебно-методических комплексов, учебников, методических материалов в области политической экономии;
- коллективных и индивидуальных научных докладов по ключевым проблемам политической экономии;
- докладов, документов, записок, обращений, адресованных научной и педагогической общественности, государственным органам и показывающих теоретическое, практическое, образовательное значение политической экономии.

2. *Проведение мероприятий, направленных на развитие и популяризацию политической экономии:*

- ■ международной научной конференции «Стратегия опережающего развития — III» (12-13 мая 2011 г., Москва; информация на сайте www.alternatuivy.ru);
- ■ Фестиваля (Форума) политической экономии (включая конференции, семинары, открытые лекции и мастер-классы известных ученых, ярмарки программ и учебников — конец сентября 2011 г., Ростов-на-Дону);
- ■ международной научной конференции «20 лет без СССР» (7-8 ноября 2011 г., Москва; информация на сайте www.alternatuivy.ru);
- ■ второй международной научной конференции МПЭА (апрель 2012 г., Москва);
- ■ региональных семинаров, конференций, круглых столов (в процессе формирования);
- ■ секций по политико-экономической проблематике в рамках различных научных конференций, чтений и т.п. (в процессе формирования);

3. *Информационная работа:*

- ♦ создание и поддержка работы сайта, на котором будут размещаться учебники и учебно-методические материалы по политической экономии, лекции (в том числе — видео- и аудио-) по политэкономии известных ученых, научные тексты, авторские «окна» ведущих ученых, информационные материалы и т.п. — с сентября 2011 г.; на протяжении мая-сентября 2011 г. информация будет размещаться на сайтах www.alternatuivy.ru);
- ♦ ежемесячный выпуск информационного бюллетеня политической экономии с рассылкой всем членам ассоциации (с октября 2011 г.);
- ♦ создание электронной рассылки для членов ассоциации (с октября 2011 г.);
- ♦ распространение членами ассоциации по своим сетям (сайты, рассылки) наиболее значимых материалов ассоциации (в течение всего периода)

4. *Публикации:*

- ❖ основные материалы МПЭА в журналах СНГ, поддерживающих деятельность ассоциации;
- ❖ монография с материалами, представленными на учредительной конференции МПЭА и др. текстами, раскрывающими роль и значение6 политической экономии в решении задач развития экономической теории и практики, преподавании, распространении экономических знаний (подача материалов — до 1 октября 2011 г., более подробная информация будет опубликована на сайтах и в рассылках);
- ❖ создание электронного журнала «Вопросы политической экономии» (с сентября 2012 г.).

5. *Работа с молодежью:*

- ◆ проведение конкурсов работ по политической экономии с публикацией статей победителей в журналах, поддерживающих деятельность МПЭА (сентябрь 2011 — апрель 2012 гг.);
- ◆ организация секций молодых ученых на конференциях и иных научных мероприятиях ассоциации;
- ◆ организация политэкономических секций на конференциях молодых ученых;

6. *Международное сотрудничество:*

- представление видеорепортажа об учредительной конференции и нескольких видеодокладов на 6-м Конгрессе Всемирной политико-экономической ассоциации (Университет Массачусетса, США, 25 мая 2011 г.);
- представление видеорепортажа об учредительной конференции и нескольких докладов на Политэкономическом Конгрессе Международной инициативы по пропаганде политической экономии (Стамбул, 20 мая 2011 г.);
- перевод ряда политэкономических текстов известных зарубежных ученых в монографии МПЭА.

Уважаемые коллеги!

ЦС МПЭА обращается к членам МПЭА и ее сторонникам с убедительной просьбой предпринять максимум усилий для реализации предложенных мероприятий МПЭА и их дополнения конкретными инициативами в регионах и в Москве!

Вся работа МПЭА ведется исключительно ее активистами на безвозмездных началах.

Если мы сами не возьмем на себя ответственность за претворение в жизнь наших инициатив, то задачи развития и распространения политической экономии не будут решены достойным образом!

КРИВАЯ СЕРДЕЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Дж. Мэйнстринг (1878–1918)

Дж. Мэйнстринг — один из родоначальников американского институционализма — был известен и как популярный лектор. О нем рассказывали, что он, забыв текст лекции, мог на ходу создавать самодельные концепции, часто более удачные, чем те, которые были представлены в учебниках. Об одном таком случае рассказывается в помещаемой ниже новелле, публикуемой на русском языке впервые (переводчик — Ефим Кандопожский).

Мэйнстринг хмуро посматривал на студентов-филологов, заполнивших актовый зал Мичиганского университета. Студентов было много, в основном девушки, они заливчато смеялись, стреляя глазками в разные стороны, иногда попадая в Мэйнстринга.

Впрочем, молодой профессор выглядел весьма авантажно, — белый сюртук, высокие бриджи и цветной зашейный платок, приветливое лицо, осененное умными глазами, — это стоило кокетства.

Но Мэйнстринг хмурился: ему предстояло обаять прелестниц лекцией о главной проблеме экономики — ограниченности ресурсов, а это пока никому еще не удавалось.

❖

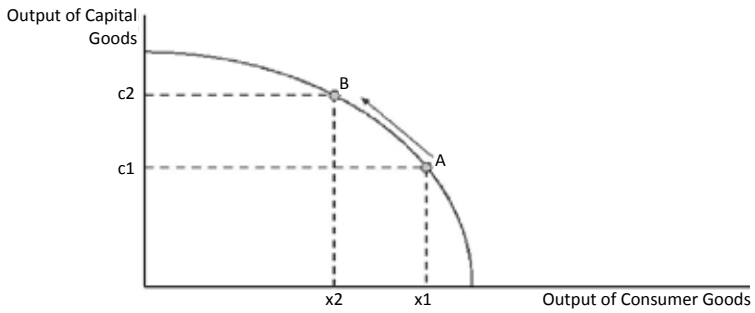
Дождавшись, когда девушки устали от щебетанья, Мэйнстринг выступил вперед и произнес самым искушающим тоном:

— Дамы и господа! Нам предстоит сегодня погрузиться в главную тайну экономики. Я имею в виду (он поднял указательный палец) ог-ра-ни-чен-ность ресурсов. Тех ресурсов, из которых производится все, — ваши очаровательные шляпки (Мэйнстринг поклонился ближайшей группе студенток), ваши неотразимые «кольты» (Мэйнстринг слегка повернул голову в сторону мужской части аудитории), а также (интонация его стала иронической) все остальное.

Аудитория стихла. Молодые люди были польщены пониманием профессором истинных ценностей жизни. Надо было закреплять успех.

— Увы, ресурсы ограниченны. И экономистам удалось придумать потрясающую штуку — наглядно объяснить, в чем же проблема такой ограниченности.

Мэйнстринг приблизился к доске и нарисовал то, что среди экономистов было известно как «график кривой производственных возможностей».



И сразу же, нутром, он почувствовал напряжение аудитории — филологи всегда впадали в прострацию, если слышали слово «график».

Необходимо было переходить в атаку:

© Дж. Мэйнстринг, 2011
© Е. Кандопожский, перевод, 2011

— Господа, этот график — прекрасен! Он изящен, как строфа Ронсара, он лаконичен, как проза Драйзера, наконец, он точен, как шекспировские характеристики.

Филологи не ожидали такой цветастости и на мгновение растерялись. Этого мгновения Мэйнстрингу хватило для победного монолога:

— Вы думаете, что форма кривой отражает обратную зависимость объемов одновременного производства двух товаров при полном использовании ограниченных ресурсов?

Аудитория обомлела — такой зауми филологини давно не слышали.

— И правильно думаете. Впрочем, подробности — в учебнике, потому что я хочу вам сказать нечто гораздо более важное, даже то, чего не знают сами экономисты.

Да, да, экономисты даже не подозревают, что то, что они именуют «кривая производственных возможностей», на самом деле — внимание! (Мэйнстринг придал голосу некую таинственность) — **МОДЕЛЬ УСТРОЙСТВА ЖЕНСКОГО СЕРДЦА!**

Аудитория замерла.

Мэйнстринг сделал артистическую паузу и, убедившись в полном внимании студентов, стал говорить громко, страстно, убежденно:

— Кому, как не вам, филологам, воспитанным на романах о любви (а большая литература — это всегда книги о Любви), знать, что женское сердце устроено удивительно: оно не может любить одинаково двух мужчин — ЧТОБЫ БОЛЬШЕ ЛЮБИТЬ ОДНОГО МУЖЧИНУ, ЕЙ НУЖНО МЕНЬШЕ ЛЮБИТЬ ДРУГОГО! Вот такая обратная зависимость и представлена на нашем графике, поэтому его настоящее название — «женский график сердечных возможностей»!

Аудитория взорвалась аплодисментами.

Мэйнстринг сдерживающе поднял руку и сказал:

— А кто мне сможет нарисовать МОДЕЛЬ МУЖСКОГО СЕРДЦА? Ведь мужскому сердцу, чтобы сильнее любить одну женщину, не надо для этого меньше любить другую!

Аудитория сначала затихла, затем вновь взорвалась аплодисментами, но на этот раз тон задавали юношеские ладони!

— Итак, а завтра я для юношей нарисую «мужской график сердечных возможностей»!

❖

На другой день аудитория была переполнена, причем юноши преобладали.

Мэйнстринг медленно подошел к доске и изящно изобразил требуемый график. Все обомлели...

На этом листок обрывается, и мы можем только догадываться, что изобразил Мэйнстринг. Редакция будет благодарна тем коллегам, которые восполнят этот пробел и пришлют свои варианты «мужского графика Мэйнстринга».

EDITORIAL
Mamedov O.Yu. «10 delayed-action mines», or Is the economy of Russia to survive during its modernization?.....5

CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY
Barsukova S.Yu. Foodstuffs market within the ideological coordinates.....9
Volchik V.V. Institutions, economic coordination and tacit knowledge 17
Mamedov O.Yu. The economic consequences of nanotechnological revolution.....23

HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT
Elly R.T. Landed property as an economic concept and as a field of research 29

ECONOMIC HISTORY
Erokhina O.V., Tokunova G.Ph. Realizing the concessive policy in Russia's building industry in 1920–30s 39

REVIVING THE WHOLENESS OF SOCIAL SCIENCE
Makarenko V.P. The idea and the concept of national self-criticism.....46
Tikhonova N.E. Special features of normative value system of Russian society within the modernization theory.....60
Konchanin T.L. The great mission of socio-humanitarian education.....86

THE OPEN AUDIENCE
Nureev R.M. Antic society: the first experience of democracy in economics and politics 98
Rozanova N.M. Innovative methods in studying microeconomic theory.....124

SCIENCE LIFE CHRONICLES
On International Political Economy Association establishment 134
Informative message on International Political Economy Association foundation.....135
Stature of International Political Economy Association.....136
International Political Economy Association central council stuff.....138
Appeal to the central council stuff and to the members of International Political Economy Association 139
International Political Economy Association's agenda for 2011–2012 academic year.....141

HE IS THE ONE
Meinstring J. Feelings transformation curve 143

Научно-аналитическое издание

TERRA ECONOMICUS

Экономический вестник
Ростовского государственного университета

2011

Том 9

Номер 2

Сдано в набор 25.02.2011. Подписано в печать 5.03.2011.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура AficinaSerif.
Печать офсетная. Усл. п. л. 18.60. Уч.-изд. л. 12,74.
Тираж 558 экз. Заказ № С. 146.

Издательство «Наука-Спектр».
344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская, 90, к. 8.
Т. 8(863)269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.